

Автономная некоммерческая организация высшего
образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Учреждение образования
«Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации»
(Республика Беларусь)

Международная
научно-практическая конференция

**«МОЛОДЁЖЬ СИБИРИ -
НАУКЕ РОССИИ»,**

посвящённая проведению
в Российской Федерации
Года единства народов России

Том II

22 апреля 2026 г.
г. Красноярск

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА, УПРАВЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИИ»

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ»
(РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)

Международная
научно-практическая конференция

«МОЛОДЁЖЬ СИБИРИ -
НАУКЕ РОССИИ»,
посвященная проведению
в Российской Федерации
Года единства народов России

Том II

22 апреля 2026 г.
г. Красноярск

ББК 65:67:88

М75

«Молодёжь Сибири – науке России»: материалы международной научно-практической конференции, посвященной проведению в Российской Федерации Года единства народов России, том II / сост. Л.М. Ашихмина; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии». – Красноярск, 2026. 239 с.

ISBN 978-5-94969-137-3

В сборнике представлены научные материалы международной научно-практической конференции, посвященной проведению в Российской Федерации Года единства народов России «Молодёжь Сибири – науке России».

Главный редактор

Забуга Е.В., ректор СИБУПа.

Редакционная коллегия:

Навальный С.В., к.ю.н., доцент;
Забуга С.Ш., к.социол.н., доцент;
Козловская В.А., к.филос.н., доцент;
Лалетин Н.В., к.техн.н., доцент;
Погорелов И.З., к.э.н., доцент;
Суворова Н.В., к.пед.н.

Ответственный за выпуск

Третьяков А.С., к.пед.н., доцент.

© Сибирский институт бизнеса,
управления и психологии, 2026.

ISBN 978-5-94969-137-3

Издается в авторской редакции

Применение технологий виртуальной реальности для физической и психологической реабилитации спортсменов

А.А. Павлова, А.С. Тесленко

Научный руководитель: И.А. Шмыгельский

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«Гатчинский государственный университет»

Аннотация. В данной статье рассматривается применение технологий виртуальной реальности (VR) в трех возможных направлениях: снижение травматизма в экстремальных видах спорта, безопасная реабилитация спортсменов после травм, а также работа с посттравматическими расстройствами спортсменов после травм. В данной статье приводятся практические кейсы применения технологий виртуальной реальности в спорте, оценивается их эффективность, рассматриваются ограничения

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, виртуальная реальность (VR), спортивная реабилитация, психологическая реабилитация, посттравматическое расстройство

Application of virtual reality technologies for physical and psychological rehabilitation of athletes

A.A. Pavlova, A.S. Teslenko

Scientific supervisor: I.A. Shmygelsky

State Autonomous Educational Institution of Higher Education
of the Leningrad Region «Gatchina State University»

Abstract. This article examines the application of virtual reality (VR) technologies in three possible directions: reduction of injuries in extreme sports, safe rehabilitation of athletes after injuries, as well as work with post-traumatic disorders of athletes after injuries. This article provides practical cases of the application of virtual reality technologies in sports, evaluates their effectiveness, and discusses the limitations

Keywords: health-saving technologies, virtual reality (VR), sports rehabilitation, psychological rehabilitation, post-traumatic disorder

В нынешней спортивной практике всё чаще наблюдается парадоксальная тенденция: чем выше результаты спортсмена, тем выше степень износа организма спортсмена. Постоянное перенапряжение, тяжёлые тренировки (в особенности, в экстремальных видах спорта), физические и психологические последствия спортивных травм могут отрицательно сказаться на карьере спортсмена. Инновационным решением проблемы физической и психологической реабилитации спортсменов могут стать технологии виртуальной реальности (VR) [1].

Мы считаем, что технологии виртуальной реальности в целях эффективной реабилитации спортсменов могут применяться по трём направлениям:

1. снижение травматизма на тренировках экстремальных видов спорта;

2. безопасная и щадящая реабилитация спортсменов после травм;
3. работа с посттравматическим синдромом у спортсменов.

Экстремальные виды спорта, как, например, горнолыжный фрирайд, сноубординг, скалолазание, мотокросс и др. характеризуются высокой степенью травмоопасности. Неправильная техника выполнения того или иного элемента может стоить спортсмену долгих месяцев восстановления. При этом, стоит понимать, что спортсмен может получить не только физические, но и психологические травмы [2].

Погружение в виртуальную реальность как инструмент снижения травматизма во время экстремальных тренировок позволяет спортсмену без лишних рисков изучить новый или закрепить уже знакомый элемент. Безопасность тренировки в виртуальной реальности обеспечивается за счёт контролируемой среды. Например, фрирайд-спортсмен встаёт на специальную платформу, надевает экипировку и очки виртуальной реальности. В очках виртуальной реальности спортсмен может «спуститься» со склонов разного уровня сложности, даже самых экстремальных. Технически уклоняясь от виртуальных препятствий, спортсмен не подвергает свое здоровье реальным рискам [5].

Такие виртуальные тренировки считаются эффективными, так как мозг спортсмена запоминает паттерны движений, формируя нейронные связи. Исследования доказывают, что такой подход к изучению новых элементов снижает риск получения травм до 40-50% [2].

Инновационная компания SkyTechSport создала indoor-тренажер, для фрирайда и сноубординга, который стал прорывом в штатах Пенсильвания и Нью-Джерси. Данный тренажер, работающий на базе технологий виртуальной реальности, помогает мастерам спорта оттачивать совершенство элементов и поддерживать форму между сезонами. По заявлениям разработчиков этот тренажер будет полезен и новичкам: для освоения базовых элементов в абсолютно безопасных условиях [2].

При получении серьезной физической травмы наиболее сложным для спортсмена является восстановление [1]. При травмах, мозг спортсмена блокирует паттерны движений, особенно тех, совершив которые спортсмен травмировался [3]. Тем самым, физическая боль и страх повторной травмы обездвиживают спортсмена [1].

При подобной блокировке паттернов движений и необходимости физического восстановления на тренировках может использоваться, например, шлем виртуальной реальности. Спортсмен надевает шлем, и видит собственное «виртуальное тело». В таком шлеме можно в игровой форме двигать «виртуальными» конечностями, уклоняясь от препятствий, летящих предметов. При этом «реальные» конечности спортсмена могут еще восстанавливаться, например, находиться в гипсе, но при такой игре мозг получает сигнал о движении. Таким образом, активизируется нейропластичность, ускоренно восстанавливаются мышцы и нервная система. За счёт погружения с эффектом отвлечённого внимания спортсмен меньше страдает от болевого синдрома [1].

Ярким примером физической реабилитации с помощью технологий виртуальной реальности является футболистка Мэдисон Дэвис, подававшая большие надежды. Девушка получила разрыв передней крестообразной связки (ACL) во время матча. За три года после операции девушка перенесла еще два

хирургических вмешательства. Восстановление Мэдисон было долгим и мучительным. Однако, попав в исследовательскую группу доктора Шелби Баэз, она начала использовать VR-технологии для реабилитации [6].

Для Мэдисон Дэвис такая VR-медитация оказалась максимально эффективной. Причем улучшения были заметны сразу после: напряжение в мышцах снижалось. Техники дыхания, которым Мэдисон научилась во время восстанавливающих VR-тренировок, она продолжила использовать при возвращении в спорт. Статистика показывает, что те спортсмены, которые возвращаются в спорт в течение двух лет после операции, имеют повышенный риск (в 13 раз) повторного разрыва ACL. VR-медитация направлена на снижение этого страха и повышение уверенности [6].

Кроме физической реабилитации, виртуальные технологии могут обеспечить и психологическую реабилитацию спортсмена. Многие спортсмены, получившие травму, сталкиваются с проявлениями посттравматического синдрома, такими как тревога при возвращении к тренировкам, навязчивые воспоминания о моменте падения, избегание триггера (элемента, при выполнении которого была получена травма) и других [5].

В данном случае, виртуальная терапия может помочь спортсмену в игровой форме постепенно снизить свой страх, то есть осуществить десенсибилизацию. Под контролем психотерапевта спортсмен тренируется проживать ситуации, схожие с моментом получения травмы, стараясь контролировать дыхание, эмоции и реакции. Такой подход поможет спортсмену через время вернуться к реальным тренировкам уже психологически подготовленным [5].

Виртуальная реальность не ставит целью заменить реальные тренировки или терапию, она лишь помогает спортсменам поддерживать спортивную форму и оттачивать свои навыки в спорте. С помощью VR технологий тело спортсмена меньше изнашивает суставы и позвоночник на этапе обучения. Виртуальная реальность помогает в развитии мозга и реакции – тренируется скорость ответа, боковое зрение и умение быстро принимать решения в стрессовых ситуациях. Она помогает преодолевать страхи, улучшить тактику и создает бесценный банк «цифрового опыта», чтобы в решающий момент тело и разум спортсмена действовали уверенно, быстро и автоматически [4].

При всех достоинствах виртуальная реальность не является панацеей и имеет свои скрытые риски. При использовании VR-технологий может произойти ситуация, когда глаза видят одно, а вестибулярный аппарат чувствует другое. От этого может начаться тошнота, головокружение, потливость. Мало того, что это неприятно, это еще и создает лишнюю нагрузку на нервную систему, поэтому нужны короткие сеансы и сценарии, подобранные под конкретного человека [2].

Также долгое использование шлема с экранами вблизи и сильным свечением вызывает быстрое утомление зрения, сухость глаз и головные боли. Это особенно опасно для молодых спортсменов, чье зрение еще полностью не сформировалось [2].

Самый главный риск – это обманчивое чувство готовности. Отработав прыжок в виртуальности, спортсмен может искренне поверить, что легко сможет его сделать в реальности. Но настоящие связки и мышцы еще не окрепли, а ощущение собственного тела в виртуальной реальности намного

беднее, чем в жизни. В итоге может получиться тяжелая травма из-за разрыва между «знающим» мозгом и «неподготовленным» телом. Золотое правило для спортсменов и их тренеров, экспериментирующих с внедрением VR – после любой виртуальной тренировки обязательно отрабатывать то же самое в реальности, под контролем и с постепенным увеличением нагрузки [2].

Виртуальная реальность не заменит настоящий спорт и не вылечит все сразу, но, если использовать ее с умом, она становится отличным помощником: тренировки – безопаснее, восстановление – быстрее, нервную систему – целостнее. Главное – помнить, где у технологии границы и обязательно сочетать виртуальную реальность с живой физической подготовкой и наблюдением врача [4].

Библиографический список

1. Воронин А. Д., Данилова А. М., Савельева О. В. Применение технологий виртуальной реальности в тренировочном процессе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. №83. С. 10-14.

2. Гринченков Д. В., Профатило В. К., Колач Д. А., Романенко И. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности в профессиональной подготовке: проблемы, решения и перспективы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Технические науки. 2025. №2. С. 1-3.

3. Москаленко И. С., Шмыгельский И. А., Богданов В. В. Оценка динамики формирования двигательных качеств и пути совершенствования учебного процесса по физическому воспитанию в вузе // Психология и педагогика служебной деятельности 2023. №4. С. 148-151.

4. Устимчук А. В., Маринич В. В. Особенности применения технологии виртуальной реальности в спорте // Здоровье для всех. 2023. С. 50-54.

5. Щербинин В. Ф. Применение AR и VR технологий в физическом воспитании и спорте // Теория и практика современной науки. 2022. №12. С.1-4.

6. VR may help athletes recover from ACL injuries [Электронный ресурс] // UNC-Chapel Hill : официальный сайт. – 2024. – 12 июня. – Режим доступа: <https://www.unc.edu/posts/2024/06/12/vr-may-help-athletes-recover-from-acl-injuries/> (дата обращения: 08.04.2026).

ББК 65.261.41

Влияние цифровизации налогового администрирования на уровень добровольной уплаты налогов

Д.В. Петров

Научный руководитель: Г.А. Якубенко

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Аннотация. В настоящей статье рассматривается влияние цифровизации налогового администрирования на уровень добровольной уплаты налогов в Республике Беларусь. На основе анализа официальных источников, нормативных правовых актов и данных Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь исследуются ключевые направления цифровой трансформации налоговых органов, включая внедрение электронной цифровой подписи, развитие личных кабинетов плательщиков, применение префайлинга

и использование технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется взаимосвязи между развитием электронных сервисов и повышением налоговой дисциплины, а также роли профилактических мер в формировании добросовестного налогового поведения

Ключевые слова: цифровизация, налоговое администрирование, добровольная уплата налогов, электронная цифровая подпись, личный кабинет плательщика, префайлинг, налоговая дисциплина

The impact of digitalization of tax administration on the level of voluntary tax payment

D.V. Petrov

Supervisor: G.A. Yakubenko

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives

Abstract. This article examines the impact of digitalization of tax administration on the level of voluntary tax payment in the Republic of Belarus. Based on an analysis of official sources, regulations, and data from the Ministry of Taxes and Duties of the Republic of Belarus, key areas of digital transformation of tax authorities are explored, including the implementation of electronic digital signatures, the development of personal taxpayer accounts, the use of pre-filing, and the use of artificial intelligence technologies. Particular attention is paid to the relationship between the development of electronic services and improved tax discipline, as well as the role of preventive measures in shaping conscientious tax behavior

Keywords: digitalization, tax administration, voluntary tax payment, electronic digital signature, taxpayer's personal account, pre-filing, tax discipline

Современное налоговое администрирование переживает системные изменения, обусловленные развитием цифровых технологий. В Республике Беларусь, как и во многих других странах, переход от традиционных методов контроля к автоматизированным системам сбора, обработки и анализа данных меняет взаимоотношения между государством и налогоплательщиками.

Добровольная уплата налогов представляет собой основу любой устойчивой налоговой системы. Как отмечает С. Мацаль, заместитель начальника инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по Копыльскому району, в Копыльском районе 98,6% поступлений в бюджет составляют именно добровольные платежи, что «говорит о том, что люди и бизнес стали более ответственными» [1]. Этот показатель наглядно демонстрирует высокий уровень налоговой культуры и доверия к налоговой системе, что во многом является результатом последовательной цифровизации налогового администрирования.

В условиях цифровизации налоговый контроль приобретает качественно новые характеристики. Как отмечает в своем научном исследовании Л.Я. Абрамчик, доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, «погружение в цифровые технологии дает колоссальное преимущество в осуществлении и совершенствовании контрольной деятельности налоговых органов государства» [2]. Автор подчеркивает, что

цифровые системы налогового контроля за правильностью и уплатой налогов не только упрощают контрольную деятельность, но и создают более удобные формы для отчетности субъектам хозяйственной деятельности. Работающая «цифровая платформа» в режиме реального времени, функционирующая исключительно с цифровыми источниками данных и с цифровыми идентичностями налогоплательщиков, обеспечивает эффективность не только механизма налогового контроля, но и всего налогового администрирования в целом.

С теоретической точки зрения, влияние цифровизации на добровольную уплату налогов может быть объяснено через несколько механизмов. Во-первых, снижение транзакционных издержек: электронные сервисы существенно уменьшают временные и финансовые затраты налогоплательщиков на выполнение налоговых обязательств. Во-вторых, эффект прозрачности: цифровизация делает налоговый контроль непрерывным и всеобъемлющим, что меняет восприятие риска уклонения от уплаты налогов. В-третьих, эффект справедливости: цифровые инструменты позволяют государству более равномерно охватывать контролем различные категории налогоплательщиков.

Одним из ключевых элементов цифровой трансформации налогового администрирования в Республике Беларусь является внедрение электронной цифровой подписи (ЭЦП). Предприниматели могут использовать ЭЦП не только для подачи налоговых деклараций, но и для обмена юридически значимыми документами с партнерами, работы с электронными счетами-фактурами, подписания договоров. Особенно важным стало то, что с 2023 года для работы с электронными документами не требуется отдельный сертификат ключа проверки подписи: достаточно идентификации через ID-карту. Это упростило вход в систему и позволило большему числу пользователей перейти в цифровой формат без дополнительных затрат.

Важным направлением развития электронных сервисов является внедрение системы префайлинга — предварительного заполнения налоговых деклараций за налогоплательщиков на основе данных, уже имеющихся в налоговых органах. В 2024 году налогоплательщики уже получили сформированные проекты налоговых деклараций по земельному налогу с организаций. В начале 2025 года такие же проекты были направлены плательщикам транспортного налога с организаций, и в МНС планируют расширять систему префайлинга на иные виды налоговых деклараций.

Система префайлинга имеет важное значение для повышения добровольной уплаты налогов, поскольку она:

- снижает вероятность ошибок при заполнении деклараций;
- экономит время налогоплательщиков;
- повышает точность исчисления налоговых обязательств;
- создает дополнительные стимулы для добросовестного поведения.

Личный кабинет плательщика, который появился в 2013 году, постоянно наполняется новыми функциями и электронными сервисами. Предприниматели могут через личный кабинет не только подать отчетность, но и получить информацию об исполнении налоговых обязательств, сообщения об изменениях в налоговом законодательстве, уведомления камерального контроля, если были допущены ошибки в отчетности. Все категории плательщиков — юридические лица, индивидуальные предприниматели, а

также физические лица — могут своевременно представлять отчетность, получать информацию из налоговых органов онлайн.

Белорусские налоговые органы активно внедряют технологии искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта позволяет: автоматизировать ответы на типовые вопросы налогоплательщиков; анализировать большие массивы данных для выявления рисков; персонализировать взаимодействие с плательщиками; повышать качество налогового контроля.

Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь проводит последовательную политику, направленную на дистанционное общение с плательщиками. Электронная подача деклараций с 2024 года является не просто удобной альтернативой бумажным документам, а обязательным требованием для индивидуальных предпринимателей.

Важной особенностью подхода белорусских налоговых органов является использование профилактических мер, которые позволяют снизить уровень вмешательства в работу плательщика. В этом направлении первостепенным является проведение мер предупредительного характера, направленных на противодействие выплатам так называемой «серой» зарплаты и выявление сокрытой от налогообложения выручки. Цифровизация создает новые возможности для профилактической работы. Использование электронных сервисов помогает предпринимателям заранее увидеть ошибки и исправить их до подачи декларации.

Развитие электронных сервисов формирует новую культуру налоговой дисциплины. Формирование новой культуры налоговой дисциплины происходит по нескольким направлениям: повышение информированности налогоплательщиков; снижение административных барьеров; повышение прозрачности налоговых процедур; создание стимулов для добросовестного поведения.

Проблемы и перспективы цифровизации налогового администрирования. В качестве целей развития налоговой системы в Республике Беларусь видятся клиентоориентированный подход, внедрение цифровых инструментов и полный переход на электронное взаимодействие с налогоплательщиками и, соответственно, полный отказ от использования документов на бумажных носителях.

Важным направлением развития является интеграция информационных систем. В 2025 году реализован важный аспект по интеграции информационных систем маркировки товаров с использованием кассового оборудования, позволяющего учитывать информацию о маркированном товаре и передавать ее в систему контроля кассового оборудования и маркировки товаров.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровизация налогового администрирования в Республике Беларусь оказывает существенное положительное влияние на уровень добровольной уплаты налогов. Как показывают данные региональных налоговых инспекций, доля добровольных платежей достигает 98,6% в отдельных районах, а удельный вес субъектов хозяйствования, взаимодействующих с налоговыми органами в электронном виде, составляет 90,0% .

Ключевыми факторами, обеспечивающими этот результат, являются:

1. Развитие системы электронной цифровой подписи, обеспечивающей юридическую значимость электронного документооборота;
2. Внедрение префайлинга (предзаполнения деклараций), снижающего вероятность ошибок;
3. Функционирование личных кабинетов плательщиков с широким спектром электронных услуг (более 320 сервисов);
4. Использование технологий искусственного интеллекта, включая чат-боты и формирование профиля плательщика;
5. Последовательная нормативно-правовая политика, направленная на переход к обязательному электронному взаимодействию;
6. Применение профилактических мер, позволяющих снизить уровень вмешательства в работу добросовестных плательщиков.

Как отмечает Л.Я. Абрамчик в своем научном исследовании, цифровые системы налогового контроля создают более удобные формы для отчетности субъектам хозяйственной деятельности [2]. Работающая «цифровая платформа» в режиме реального времени обеспечивает эффективность не только механизма налогового контроля, но и всего налогового администрирования в целом.

Вместе с тем, как подчеркивают представители налоговых органов, несмотря на активное внедрение цифровых технологий, сохраняется важность профессиональной работы специалистов, осуществляющих сверку и актуализацию информации. Это позволяет обеспечить баланс между автоматизацией и персонализированным подходом к каждому плательщику.

Таким образом, цифровизация налогового администрирования в Республике Беларусь способствует формированию новой культуры налоговой дисциплины, основанной на удобстве, прозрачности и добровольном исполнении налоговых обязательств. Последовательное развитие электронных сервисов, расширение их функциональности и дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы будут способствовать дальнейшему повышению уровня добровольной уплаты налогов.

Библиографический список

1. Мацаль, С. От бумажных деклараций – к электронным сервисам: как налоговая служба Копыльщины встречает свой профессиональный праздник / С. Мацаль // Слава працы. – 2025. – 13 июля. – Режим доступа: <https://kopyl.by/svezhie-novosti/item/37664-ot-bumazhnykh-deklaratsij-k-elektronnym-servisam-kak-nalegovaya-sluzhba-kopylshchiny-vstrechaet-svoj-professionalnyj-prazdnik> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Абрамчик, Л.Я. Налоговый контроль в Республике Беларусь в условиях цифровизации / Л.Я. Абрамчик // Современное право. – 2025. – С. 149-153. – DOI: 10.25799/NI.2025.64.34.029.

ББК 67

Изменения в часть четвертую Гражданского кодекса РФ: перспективы влияния на судебную практику

Д.И. Полтораднева

Научный руководитель: Н.А. Донец

ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»

Аннотация. В данной статье рассмотрены изменения, которые коснулись установления компенсации за нарушения исключительных прав. Выявлены возможные последствия увеличения исковых требований, вследствие использования данных нововведений

Ключевые слова: исключительные права, Гражданский кодекс, злоупотребление правом, «серийный» истец

Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: prospects for influencing judicial practice

D.I. Poltoradneva

Scientific Advisor: N.A. Donets

Private Educational Institution of Higher Education "Siberian Law University"

Abstract. This article discusses the changes that have been made to the establishment of compensation for violations of exclusive rights. The possible consequences of increasing legal claims as a result of these innovations have been identified

Keywords: exclusive rights, Civil Code, abuse of rights, "serial" plaintiff

Развитие является неотъемлемым фактором жизни общества. Оно способствует открытию нового, совершенствованию существующих знаний и приспособлению к нынешним реалиям. В последние несколько лет стремительно стали развиваться различные Интернет-сферы и вместе с этим появились новые способы нарушения прав правообладателей. Сфера интеллектуальных прав не стоит на месте, поэтому в январе 2026 года в силу вступили изменения, которые способны существенно повлиять на судебную практику.

Ранее существовала проблема противоречивости судебной практики в части удаления или изменения информации об авторском праве. С каждым днем люди придумывали все более изощренные варианты «обхода» указания ссылок на автора и способы их искажения, чтобы выдать ту или иную работу в качестве результата собственной деятельности. Несмотря на то, что п. 12 Рекомендаций НКС СИП содержал комментарий о том, что «Неправомерные действия по использованию произведения, которые сопровождаются изменением/удалением информации об авторском праве (статья 1300 ГК РФ), образуют самостоятельные нарушения, за каждое из которых может быть взыскана компенсация» [1], оставалась противоречивой.

Например, в Постановлении СИП по делу №А40-31387/2023 суд пришел к выводу, что удаление информации об авторе не образует отдельного правонарушения, а является лишь отягчающим обстоятельством для установления размера компенсации: «Для случаев, когда использование объекта как таковое (как с информацией об авторе, так и без таковой) осуществляется без согласия правообладателя, отсутствие информации об авторе не образует самостоятельного нарушения, «поглощаясь» фактом неправомерного использования объекта» [2].

Аналогичное обоснование содержится и в Постановлении СИП по делу №А40-27627/2023: «Для случаев, когда использование объекта как таковое (как с информацией об авторе, так и без таковой) осуществляется без согласия

правообладателя, отсутствие информации об авторе не образует самостоятельного нарушения, «поглощаясь» фактом неправомерного использования объекта» [3].

Были также постановления, в которых суд действовал исходя из логики, установленной в Рекомендациях НКС СИП. Например, в Постановлении СИП от 19 сентября 2023 г. по делу №А56-108460/2022 «действия по воспроизведению/доведению до всеобщего сведения и действия, связанные с удалением информации об авторе (равно как и действия, связанные с использованием произведения с удаленной информацией об авторстве) не составляют одно нарушение, как действия объединенные единой экономической целью, поскольку указанные действия хотя и являются последовательными и взаимосвязанными, но не являются взаимонеобходимыми (одно действие объективно необходимо для совершения второго) и имеют самостоятельное экономическое значение» [4]. Таким образом, данные действия характеризовались как два отдельных правонарушения.

С 4 января 2026 года проблема унификации судебной практики в этой части была решена. В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) появилась новая статья 1252.1, которая конкретизировала вопросы компенсации. Абзац 2 пункта 1 стал содержать следующее положение: «В случаях, установленных настоящим Кодексом, компенсация может быть взыскана за совершение действий, которые не являются нарушением исключительного права, но способствовали такому нарушению» [5]. Таким образом, изменения в ГК РФ существенно облегчили вопросы квалификации таких правонарушений, как удаление или изменение информации об авторе, поскольку теперь они стали выделены на законодательном уровне как самостоятельные противоправные деяния, а не отягчающие обстоятельства к основному правонарушению, как ранее действовали суды в делах, указанных ранее в настоящей статье.

Еще одним существенным нововведением является то, что если раньше суд не имел права самостоятельно выбирать способ исчисления компенсации, поскольку п. 56 Постановления Пленума № 10 содержал прямой запрет: «Суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации» [6], то п. 3 статьи 1252.1 предоставил суду эту возможность: «Если выбранный правообладателем способ расчета компенсации не является применимым к обстоятельствам нарушения исключительного права, суд вправе взыскать компенсацию в твердом размере в соответствии с требованиями настоящей статьи» [5].

Это изменение несомненно положительно отразится на практике, поскольку раньше из-за данного запрета фактически пресекалось право на защиту правообладателя, ведь если им подавался иск с неправильно выбранным вариантом расчета компенсации, то суд отказывал в удовлетворении исковых требованиях и обратиться снова за защитой данного права исходя из основ процессуального законодательства не представлялось возможным.

Отдельный интерес вызывает изменение «верхнего порога» при начислении компенсации в твердом размере. До 2026 года при нарушении исключительных прав можно было получить до 5 миллионов рублей, при выборе такого способа, сейчас же размер повысился до 10 миллионов. Стоит предположить, что это может привести к увеличению размера фактически

взыскиваемых компенсаций, поскольку если законодатель дает такую возможность суду, то и практика изменится.

Частнопрактикующие юристы говорят следующее: «Вряд ли будет много присужденных компенсаций в размере 10 миллионов рублей, а вот компенсации в размере 2-5 миллионов суды станут присуждать чаще» [7].

Если исходить из данной логики, то можно столкнуться с несколькими проблемами.

Как отмечает А.Г. Серго: «Институт компенсации, заложенный в ГК РФ, изначально был предназначен для предоставления правообладателям сравнительно простого механизма взыскания с правонарушителя вероятных убытков без необходимости их строгого математического обоснования. Его последующее развитие и практика правоприменения увели его достаточно далеко от первоначальных целей, в связи с чем в научном сообществе все чаще поднимаются вопросы о необходимости корректировки соответствующих норм ГК РФ с целью минимизации злоупотребления правом отдельными субъектами предпринимательской деятельности» [8].

Федеральный закон № 214-ФЗ [9] хоть и дополнил четвертую часть ГК РФ новой статьей, однако в части доказывания факта нарушения исключительных прав и освобождения от доказывания размера причиненных убытков положения не изменились (они находились в п. 3 ст. 1252 ГК РФ предыдущей редакции).

Безусловно, это связано в первую очередь с тем, что в отличие от вещных прав, которые являются осязаемыми, вследствие чего произвести их оценку в денежном эквиваленте значительно легче, авторские права более сложны для точного выражения и оценки в валюте, соответственно и ущерб, причиненный их нарушением экономически обосновать довольно сложно.

Все эти факторы способствуют не только правомерной защите нарушенных прав, но и завышению исковых требований. Например, в деле № А43-1470/2024 Богуславская К.И. обратилась к ООО «Синергетик» с исковыми требованиями в размере 766 050 650 рублей компенсации за незаконное использование товарного знака «Я люблю свою семью». Арбитражный суд Нижегородской области отказал в удовлетворении исковых требований ссылаясь на завышение размера компенсации: «Следовательно, заявленная истцом компенсация в размере 766 050 650 руб. 00 коп. за период с 01.08.2022 по 31.07.2024 более чем в 1830 раз выше или в 183 006,8 % больше, чем сама стоимость права использования спорного товарного знака истца за аналогичный период времени» [10].

Апелляционный суд удовлетворил требования частично, однако при рассмотрении кассационной жалобы Судом по интеллектуальным правам было установлено: «Суд кассационной инстанции не усматривает оснований не согласиться с выводом суда первой инстанции о наличии в действиях истца признаков злоупотребления правом, являющегося самостоятельным основанием для отказа в иске» [11]. Таким образом, в данном деле присутствовало не только завышение исковых требований, но и случай злоупотребления правом.

Также в сфере интеллектуальной собственности существует проблема так называемых «серийных истцов» - организаций, основная деятельность которых направлена не столько на использование своих исключительных прав по

назначению (и поэтому они защищают свои нарушенные права), сколько на получение дохода от участия в судебных тяжбах путем подачи множества подобных друг другу исков.

По состоянию на февраль 2026 года «редакции СМИ, турфирмы, аптеки и даже детские сады массово оказываются ответчиками по искам о «незаконном» использовании изображений» [12]. Данная тенденция отражает повышение интереса у «серийных истцов» к участию в судебных процессах.

Следовательно, изменения, внесенные с начала года оказали и негативное влияние на судебную практику, поскольку теперь большее количество правообладателей заинтересовалось поиском нарушений своих исключительных прав с целью дальнейшего получения компенсации с учетом новых «пороговых значений», упомянутых ранее в настоящей статье.

С одной стороны, правообладатели реализуют принадлежащее им на законном основании право на судебную защиту и запретить им это не представляется возможным и правомерным. С другой стороны, если данная практика получит широкое распространение, то большое количество организаций (которые выступают на стороне ответчиков), будет вынуждено прекратить свою деятельность, поскольку не будет способно финансово справиться с новым размером компенсаций, который будет взыскан по результатам рассмотрения судебного дела.

Подводя итог, следует отметить, что изменения, внесенные в ГК РФ, носят в большей степени положительный характер, поскольку разрешают накопившиеся за годы практики спорные вопросы и унифицируют судебную практику. Возможен некоторый рост дел, связанных с злоупотреблением правом или необоснованным завышением исковых требований, однако нынешняя судебная система функционирует хорошо, стараясь бороться с данными проблемами путем досконального изучения каждого дела. Увеличение размера компенсаций носит, в том числе, превентивную функцию, чтобы снизить количество правонарушений и облегчить нагрузку на судебную систему.

Библиографический список

1. Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ». — Текст : электронный // inetcons.ru : [сайт]. — URL: <http://www.inetcons.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=108142&cacheid=20CDF289F5318A095B4251D913A8850D&mode=splus&rnd=vjGZgQ#xew23FVknPDveSV82> (дата обращения: 27.03.2026).

2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 ноября 2023 г. № С01-1740/2023 по делу № А40-31387/2023. — Текст : электронный // garant.ru : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407866995/> (дата обращения: 27.03.2026).

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 декабря 2023 г. № С01-2031/2023 по делу N А40-27627/2023. — Текст : электронный // garant.ru : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408141725/> (дата обращения: 27.03.2026).

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.09.2023 № С01-1572/2023 по делу N А56-108460/2022. — Текст : электронный // inetcons.ru : [сайт]. — URL: <http://www.inetcons.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=116401&cacheid=3713B66535ABEDFB595A8C16DD3251B4&mode=splus&rnd=vjGZgQ#Ih283FVcPu1OKpCA1> (дата обращения: 27.03.2026).

5. ГК РФ Статья 1252.1. Компенсация за нарушение исключительного права. — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/30b5dcf84a37025180fb190af31a4d052ae27ec3/?ysclid=mn8m3nsnts43474313 (дата обращения: 27.03.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации". — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/c01923bc1d0db60508e82c505d7d29b544e91443/ (дата обращения: 27.03.2026).

7. Алексейчук, А. А. Компенсация за нарушение исключительного права с 2026 года / А. А. Алексейчук. — Текст : электронный // zakon.ru : [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/09/kompensaciya_za_narushenie_isklyuchitelnogo_pra_va_s_2026_goda (дата обращения: 27.03.2026).

8. Серго А.Г. Искусство зарабатывать на искусстве, или Обзор судебной практики по взысканию компенсации за нарушение исключительных прав // Вестник арбитражной практики. 2024. N 2. С. 80 - 86.

9. Федеральный закон от 07.07.2025 N 214-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации". — Текст : электронный // consultant.ru : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509330/ (дата обращения: 26.03.2026).

10. Решение по делу № А43-1470/2024 от 28.04.2025.. — Текст : электронный // zakonrf.info : [сайт]. — URL: <https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-08a97f79-0198-5b7f-a3a1-a87d8d7fc7ed/> (дата обращения: 26.03.2026).

11. Постановление Суда по Интеллектуальным правам по делу № А43-1470/2024. — Текст : электронный // kad.arbitr.ru : [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a111b843-4abf-4151-ae81-651a4c98d88e> (дата обращения: 26.03.2026).

12. В Госдуме взяли за «серийных» истцов. — Текст : электронный // newsler.ru : [сайт]. — URL: <https://www.newsler.ru/society/2026/02/03/v-gosdume-vzyalis-za-serijnyh-istcov> (дата обращения: 02.04.2026).

ББК: 32.973.2

**Влияние технологий искусственного интеллекта
на развитие архитектуры внутренней памяти ЭВМ**

Е.А. Пономарева, А.В. Матыцин, Л.В. Гаев

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Аннотация. Данная статья посвящена анализу влияния систем

искусственного интеллекта на эволюцию архитектуры внутренней памяти ЭВМ. Рассматриваются вызовы, возникающие, когда задачи машинного обучения предъявляют требования к памяти, а также перспективные технологии, преодолевающие ограничения классических решений. Особое внимание уделяется концепциям нейроморфных вычислений, которые формируют облик вычислительных систем будущего

Ключевые слова: искусственный интеллект, внутренняя память ЭВМ, нейроморфные вычисления, вычисления в памяти, MRAM, ReRAM, машинное обучение

The impact of artificial intelligence technologies on the development of computer internal memory architecture

E.A. Ponomareva, A.V. Matytsin, L.V. Gaev

Lipetsk State Technical University

Abstract. This article analyzes the influence of artificial intelligence systems on the evolution of computer internal memory architecture. It examines the challenges that arise when machine learning tasks impose demands on memory, as well as promising technologies that overcome the limitations of classical solutions. Special attention is paid to neuromorphic computing concepts that are shaping the future of computing systems

Keywords: artificial intelligence, computer internal memory, neuromorphic computing, in-memory computing, MRAM, ReRAM, machine learning

Введение. Внутренняя память ЭВМ рассматривается как один из самых важных компонентов, которые определяют производительность вычислительной системы. Важную роль в этом процессе играет стремительное развитие систем искусственного интеллекта (ИИ). Обучение больших нейросетевых моделей требует обработки больших объемов данных, что сделало критическим ограничение архитектуры фон Неймана [1].

Передача данных между процессором и памятью превышает энергозатраты на вычисления, что подчеркивает неэффективное традиционного подхода для ИИ [2].

Актуальность исследования подчеркивает необходимость переосмысления подходов к проектированию памяти в ситуации массового внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность пользователей. Цель работы заключается в анализе того, как задачи, связанные с искусственным интеллектом, преобразуют и усовершенствуют архитектуру внутренней памяти ЭВМ. Для достижения цели решается ряд определённых задач: выявить ограничения в классических типах памяти для нейросетевых вычислений; изучить перспективные технологии типов памяти: PCM, MRAM, ReRAM и выяснить их пригодность для ИИ-систем; произвести оценку роли концепций in-memory computing и нейроморфных вычислений в развитии памяти.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является внутренняя память ЭВМ. В работе применяются методы систематизации и сравнительного анализа.

Полученные результаты. Классические типы памяти DRAM, SRAM и

NAND-Flash имеют большие ограничения в числе задач, связанных с ИИ. DRAM нуждается в постоянной регенерации, поэтому появляются задержки в непредсказуемом характере доступа [3]. SRAM обеспечивает оперативное реагирование, из недостатков имеет низкую плотность хранения и обладает более высокой стоимостью [4]. NAND-Flash поддерживает независимое энергоснабжение, однако у данного типа памяти присутствует низкая скорость записи и идут определенные ограничения по ресурсам [5].

Среди перспективных технологий выделяются PCM (память на фазовом переходе), которая обеспечивает высокое быстродействие при записи, в отличие от флэш-памяти, при этом возникает проблема термической устойчивости [3], STT-MRAM (магниторезистивная память), показывает скорость, которую можно сопоставить с SRAM, обладает неограниченным ресурсом работы и энергонезависимостью [4], также следует отметить резистивную память (ReRAM), которая поддерживает аналоговое переключение, что делает ее эффективной для нейроморфных систем [5].

В современном мире создаются новые направления для развития памяти, чтобы они соответствовали требованиям, связанным с ИИ. Концепция in-memory computing предполагает выполнение логических операций непосредственно в массиве памяти, что исключает перемещение данных. Нейроморфные вычисления проводятся на чипах, где память и вычисления физически совмещены. Помимо этого, в настоящее время активно развивается энергонезависимая кэш-память на основе STT-MRAM, где сохраняется состояние системы при отключении питания [4].

Сравнительная характеристика технологий и их применимости в ИИ-системах представлена в таблице 1.

Таблица 1. Применимость технологий памяти в системах искусственного интеллекта

Тип памяти	Скорость доступа	Энергонезависимость	Применение в ИИ
SRAM	Очень высокая	Нет	Кэш-память NPU
DRAM	Высокая	Нет	Оперативная память для данных
NAND-Flash	Низкая	Да	Хранение датасетов
STT-MRAM	Очень высокая	Да	Энергонезависимая кэш-память для ИИ-чипов
ReRAM	Высокая	Да	Нейроморфные ускорители

Выводы. Таким образом, технологии искусственного интеллекта сегодня задают определенный вектор развития внутренней памяти ЭВМ, создают новые запросы к скорости выполнения операций, качеству энергозатрат и архитектурным решениям [1, 2]. Классические типы памяти DRAM, SRAM и NAND-Flash, исходя из исследования, достигают значительных физических пределов масштабирования, не способны удовлетворить потребности нейросетевых вычислений, так как их архитектурное разделение с процессором приводит к значительным задержкам при передаче данных [3, 5]. Наиболее перспективной технологией в развитии является STT-MRAM, которая демонстрирует высокое быстродействие, сопоставимое с SRAM, вместе с энергонезависимостью и обладает неограниченным ресурсом перезаписи, а также ReRAM, способная к аналоговому переключению, что открывает

перспективы для создания синаптических весов в нейроморфных системах [4, 5]. Важным этапом развития можно по праву считать реализацию концепции in-memory computing, которая помогает обойти «узкое горлышко» фон-неймановской архитектуры за счет выполнения вычислительных операций в массиве памяти.

Библиографический список

1. Иванов, Д. С. Архитектура энергонезависимой памяти для систем искусственного интеллекта / Д. С. Иванов, А. В. Петров. – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Электроника. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 512-525.

2. Смирнов, К. А. Нейроморфные вычисления: принципы и перспективы развития элементной базы / К. А. Смирнов, Е. П. Волкова. // Микроэлектроника. – 2024. – Т. 53, № 2. – С. 98-112.

3. Гитман, А. А. Архитектура компьютерных систем: учебное пособие для вузов / А. А. Гитман. – 2-е изд., доп. – Москва: Лань, 2022. – 184 с.

4. Бухарцев, А. В. Схемотехнические решения для высокопроизводительных вычислительных систем / А. В. Бухарцев. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2023. – № 12 (459). – С. 18-22. – URL: <https://moluch.ru/archive/459/> (дата обращения: 10.03.2026).

5. Кичукян, Г. В. Организация памяти в компьютерных системах: учебное пособие / Г. В. Кичукян. – Санкт-Петербург: Лань, 2021. – 156 с.

ББК: 65.412

Особенности национального режима при осуществлении закупок программного обеспечения для государственных и муниципальных нужд **К.В. Потибенко**

Научный руководитель: Д.И. Тимошин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный университет»

Аннотация. В статье анализируются два разнонаправленных механизма поддержки российского программного обеспечения: преимущество и прямой запрет на допуск иностранного ПО. Автор приходит к выводу, что приоритетное действие запрета фактически нивелирует практическое применение механизма ценовой преференции, и предлагает внести изменения в подзаконный акт для возможности использования преимущества в исключительных случаях легального допуска иностранного ПО

Ключевые слова: национальный режим, запрет, преимущество, программное обеспечение, иностранные товары, российские товары

Features of the national regime in the procurement of software for state and municipal needs

K.V. Potibenko

Scientific supervisor: D.I. Timoshin

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Tula State University»

Abstract. The article analyzes two multidirectional mechanisms of support for Russian software: price preference and a direct ban on the admission of foreign software. The author comes to the conclusion that the priority action of the ban actually nullifies the practical application of the mechanism of price preference, and proposes to make changes to the bylaw in order to use the advantage in exceptional cases of legal admission of foreign software

Keywords: national regime, ban, advantage, software, foreign goods, Russian goods

С 1 января 2025 года вступили в силу масштабные изменения в ст. 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Далее – Закон № 44-ФЗ), унифицировавшие правила национального режима¹. Ключевым подзаконным актом, детализирующим эти правила, является Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875. В отношении программного обеспечения (далее - ПО) и баз данных предусмотрены два разнонаправленных правовых инструмента. С одной стороны, это ценовая преференция для российских лиц, закрепленная непосредственно в тексте ст. 14 Закона № 44-ФЗ, а с другой — запрет на закупку иностранного ПО.

Стоит отметить, что, согласно письму Минцифры РФ от 27.02.2026 № П-11-2983-ОГ, в соответствии с подп. «с» п. 4 Постановления Правительства № 1875, под ПО из позиции 146 приложения № 1 понимается само программное обеспечение и права на него, возникающие при поставке на носителях, по каналам связи или при предоставлении в пользование через облачную инфраструктуру (SaaS). Таким образом, запрет на закупку распространяется в том числе на программное обеспечение, распространяемое по модели облачных технологий².

Анализируемая норма, изложенная в подп. «а» п. 3 ч. 5 ст. 14 Закона № 44-ФЗ предусматривает механизм условного снижения цены. Суть его заключается в том, что при присвоении в соответствии с подп. «б» п. 6 ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ порядкового номера заявке российского участника (предлагающего отечественное ПО) комиссия заказчика обязана применять к его ценовому предложению понижающий коэффициент 15% для целей ранжирования. Иными словами, если российский участник предложил цену 100 рублей, комиссия для определения победителя сравнивает условно сниженную цену 85 рублей с ценой иностранного участника.

Важно подчеркнуть, что контракт по итогам процедуры заключается по реально предложенной цене (100 рублей), а не по сниженной. Это делает механизм именно преференцией (льготой), направленной на искусственное повышение конкурентоспособности отечественного продукта на этапе выявления победителя.

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1652

² Письмо Минцифры РФ от 27.02.2026 № П-11-2983-ОГ «О рассмотрении обращения (О запрете на закупку программного обеспечения, (облачные технологии))» // URL: https://gkgz.ru/wp-content/uploads/2026/03/Pismo.Mintsifry.PPRF.1875.SaaS_.pdf

Исходя из письма Минфина России от 02.03.2026 № 24-06-09/15861 согласно ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ в рамках электронной закупки у единственного поставщика при цене контракта не более 5 млн рублей допускается заключение контракта на поставку товара или контракт предметом которого является предоставление права использования программы для ЭВМ и (или) базы данных (в том числе через удаленный доступ по сети «Интернет»). При этом закон прямо относит такие права к категории товара³.

Из этого следует, что в закупках по указанному основанию неисключительные права на ПО, включая предоставляемые по модели удаленного доступа, признаются товаром.

С другой стороны, Постановление Правительства РФ № 1875 вводит принципиально иной подход, основанный на реестровой модели. Согласно Приложению № 1 к данному постановлению, программное обеспечение (код ОКПД 2 — 58.2) отнесено к товарам (услугам), в отношении которых установлен запрет на допуск иностранной продукции⁴.

Позиция контролирующих органов по данному вопросу изложена в письме Минфина России от 23.10.2025 № 24-06-09/102983. В нем содержится два важных разъяснения. Во-первых, ведомство подтверждает, что в отношении ПО для ЭВМ и баз данных, включенных в позицию 146 Приложения № 1 к Постановлению № 1875, действует запрет, предусмотренный пунктом 1 данного постановления. Во-вторых, особое значение имеет разъяснение о том, что указанный запрет применяется также в случае, когда ПО входит в состав объекта закупки наряду с иными товарами, работами или услугами (подп. «о» п. 4 Постановления № 1875). Данное положение исключает возможность обхода запрета путем включения иностранного ПО в состав комплексного контракта⁵.

С формально-юридической точки зрения перед нами два механизма, предусмотренных разными уровнями нормативного регулирования (закон и подзаконный акт), но имеющих единую цель — поддержку российского производителя. Однако запрет, установленный Постановлением № 1875, имеет приоритетное значение перед механизмом преимущества. Если закупка ПО подпадает под действие запрета, то механизм преимущества фактически не применяется.

Вместе с тем действующее регулирование предусматривает исключение, которое лишь подтверждает приоритет запрета. Согласно подп. «е» п. 5 Постановления № 1875, запрет не применяется в случае, если на дату размещения извещения о закупке в реестре российского ПО и в реестре Евразийского ПО отсутствует отечественный аналог, соответствующий тому же классу (виду) ПО, что и планируемое к закупке иностранное ПО. Таким образом, допуск иностранного ПО возможен только в исключительном порядке — при документально подтвержденном отсутствии российского аналога в

³ Письмо Минфина России от 02.03.2026 № 24-06-09/15861 «О рассмотрении обращения» // URL: https://goszakupki.tatarstan.ru/file/goszakupki/File/Minfin-PO-02.03.2026_.pdf

⁴ Постановление правительства от 23.12.2025 № 1875 (ред. от 28.01.2026) «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

⁵ Письмо Минфина России от 23.10.2025 № 24-06-09/102983 «О рассмотрении обращения» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413039425/>

установленных реестрах, без необходимости получения отдельного разрешения уполномоченного органа.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что, несмотря на наличие в Законе № 44-ФЗ формального юридического механизма преимущества для российского ПО, данный инструмент утратил самостоятельное практическое значение и не может быть применен в реальной закупочной деятельности.

Ключевой причиной этого является приоритетное действие запрета, установленного Постановлением Правительства РФ № 1875. Поскольку ПО включено в перечень товаров, в отношении которых действует безусловный запрет на допуск иностранной продукции, рассмотрение заявок с иностранным ПО становится невозможным уже на стадии допуска участников. При этом механизм преимущества в отношении товаров российского происхождения применяется только в случаях, когда объект закупки включает товар, не указанный в перечнях приложений № 1 или № 2 к Постановлению Правительства № 1875. Если же товар входит в указанные перечни, преимущество не устанавливается, а применяются более строгие меры, такие как запрет или ограничение допуска.

Механизм преимущества, предусмотренный ст. 14 Закона № 44-ФЗ, представляет собой инструмент условного снижения цены на 15%, который актуален только при наличии на торгах как минимум двух конкурентоспособных заявок (отечественной и иностранной). Однако в условиях действующего запрета заявки с иностранным ПО подлежат отклонению, что исключает саму ситуацию, при которой у заказчика возникла бы обязанность применять понижающий коэффициент. Возможность легального допуска иностранного ПО носит исключительный, а не системный характер.

Исходя из вышеизложенного, мы видим целесообразным предложить следующий вариант решения обозначенной проблемы: урегулирование возможности использования механизма преимущества закрепленного в ст. 14 Закона № 44-ФЗ. Следует внести изменения в подп. «б» п. 4 Постановления Правительства РФ № 1875, изложив его в редакции, которая допускает применение преимущества в отношении товаров российского происхождения не только в случае, когда объект закупки включает товары и ПО, не поименованные в приложении № 1 или № 2, но и тогда, когда заказчику в установленном порядке разрешена закупка иностранного товара, подпадающего под указанные перечни.

Таким образом, подп. «б» п. 4 Постановления Правительства № 1875 следует изложить в следующей редакции: «преимущество в отношении товаров российского происхождения и программного обеспечения, указанных в подп. «в» п. 1 настоящего постановления, устанавливается в случаях, если в отношении товаров, указанных в приложениях № 1 или № 2, заказчиком правомерно осуществляется закупка иностранного товара в соответствии с п. 5 настоящего постановления (в том числе в случае отсутствия российского аналога в реестрах), а также в иных случаях, когда запрет или ограничение, установленные приложением № 1 и № 2, не применяются»

Библиографический список

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44 ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1652

2. Постановление правительства от 23.12.2025 № 1875 (ред. от 28.01.2026) «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

3. Письмо Минфина России от 23.10.2025 № 24-06-09/102983 «О рассмотрении обращения» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413039425/>

4. Письмо Минфина России от 02.03.2026 № 24-06-09/15861 «О рассмотрении обращения» // URL: https://goszakupki.tatarstan.ru/file/goszakupki/File/Minfin-PO-02.03.2026_.pdf

5. Письмо Минцифры РФ от 27.02.2026 № П-11-2983-ОГ «О рассмотрении обращения (О запрете на закупку программного обеспечения, (облачные технологии)» // URL: https://gkgz.ru/wp-content/uploads/2026/03/Pismo.Mintsifry.PPRF.1875.SaaS_.pdf

ББК 65.052.201.2

**Управленческий учет в бюджетировании деятельности предприятия
в современных условиях**

М.Б. Предит

Уральский государственный университет путей сообщения

Научный руководитель: М.Б. Петров

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Аннотация. В статье рассмотрена роль управленческого учета в системе бюджетирования деятельности предприятия в современных условиях. Обосновано, что управленческий учет выступает ключевой информационно-аналитической основой бюджетирования, обеспечивая планирование, контроль исполнения бюджетов, анализ отклонений и повышение эффективности управленческих решений

Ключевые слова: управленческий учет, бюджетирование, бюджет, планирование, контроль, анализ отклонений, центры ответственности

**Management accounting in budgeting of enterprise activities
in modern conditions**

M.B. Predit

Ural State University of Railway Engineering

Scientific supervisor: M.B. Petrov

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the role of management accounting in the system of budgeting of enterprise activities in modern conditions. It is substantiated that management accounting is a key information and analytical basis for budgeting, providing planning, control of budget execution, analysis of deviations, and

improving the efficiency of management decisions

Keywords: management accounting, budgeting, budget, planning, control, analysis of deviations, centers of responsibility

В современных условиях хозяйствования эффективность деятельности предприятия определяется не только объемом ресурсов, но и качеством системы внутреннего управления, способностью своевременно адаптироваться к изменяющейся внешней среде и принимать обоснованные управленческие решения. Усиление конкуренции, нестабильность рыночной конъюнктуры, инфляционные процессы и цифровая трансформация бизнеса объективно усиливают значение бюджетирования как инструмента планирования, координации, контроля и оценки результатов деятельности. Однако результативность бюджетирования напрямую зависит от уровня развития управленческого учета, поскольку именно он обеспечивает формирование релевантной информации для разработки бюджетов, контроля их исполнения и анализа отклонений.

В современной экономической литературе управленческий учет рассматривается как система, ориентированная на информационное обеспечение внутреннего управления. В международной практике он трактуется как процесс идентификации, измерения, накопления, анализа, подготовки, интерпретации и передачи информации, необходимой для принятия управленческих решений. Аналогичный подход закреплен и в российских методических рекомендациях, где управленческий учет определяется как процесс формирования финансовой, производственной, маркетинговой и иной информации, используемой руководством для оперативного и стратегического управления. Как отмечал К. Друри, управленческий учет связан с подготовкой информации для планирования, контроля и регулирования деятельности предприятия, а Ч. Т. Хорнгрен и Дж. Фостер подчеркивали его значение как инструмента идентификации, измерения, систематизации и передачи данных для целей управления [3, 6].

В российской научной школе М. А. Вахрушина обоснованно рассматривает управленческий учет как самостоятельное направление учета, выступающее связующим звеном между учетным процессом и системой управления организацией [1].

Именно поэтому управленческий учет в современных условиях целесообразно рассматривать не как ограниченную подсистему учета затрат, а как комплексную систему, включающую планирование, бюджетирование, сегментарный учет, внутреннюю отчетность, управленческий контроль и управленческий анализ. Такой подход имеет принципиальное значение для понимания места бюджетирования. Несмотря на существование различных точек зрения, наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой бюджетирование является не внешним по отношению к управленческому учету инструментом, а его неотъемлемой частью. Исключение бюджетирования из системы управленческого учета фактически лишает последний прогнозной функции, нарушает связь между плановыми и фактическими показателями и превращает его в преимущественно ретроспективный механизм фиксации хозяйственных операций [4].

Бюджетирование представляет собой систему взаимосвязанных

процессов по формированию, согласованию, исполнению и контролю бюджетов, отражающих количественные параметры деятельности предприятия на определенный период. Его экономическая сущность состоит в обеспечении ресурсной сбалансированности, координации деятельности подразделений, повышении прозрачности управления и создании основы для оценки эффективности принимаемых решений. Как справедливо отмечается в исследованиях, посвященных бюджетированию в системе управленческого учета, данный процесс не сводится к составлению финансовых планов, а охватывает планирование, учет, контроль и анализ, образуя самостоятельную, но тесно интегрированную подсистему внутреннего управления [4].

Ключевая роль управленческого учета в бюджетировании проявляется уже на стадии формирования бюджетов. Для составления реалистичных бюджетных показателей необходимы сведения о структуре затрат, динамике выручки, производственных мощностях, потребности в ресурсах, уровне запасов, рентабельности продукции, графиках денежных поступлений и платежей. Все эти данные формируются в системе управленческого учета. В современной практике бюджетирование включает бюджет продаж, производственный бюджет, бюджет закупок, бюджеты затрат, бюджет доходов и расходов, бюджет движения денежных средств и прогнозный баланс. Каждый из них требует надежной учетно-аналитической базы, без которой бюджетирование становится формальной процедурой, не отражающей реальных возможностей предприятия.

Особое значение имеет управленческий учет затрат, поскольку именно он позволяет обеспечить необходимую детализацию бюджетных показателей. Классификация затрат по экономическим элементам, статьям калькуляции, местам возникновения, центрам ответственности, степени зависимости от объема деятельности и уровню управляемости повышает точность бюджетного планирования и эффективность контроля. Разделение затрат на переменные и постоянные позволяет использовать инструменты маржинального анализа и оценки безубыточности, а распределение затрат по центрам ответственности обеспечивает закрепление бюджетных ориентиров за конкретными подразделениями и должностными лицами.

В современных условиях важное значение приобретает бюджетирование по центрам финансовой ответственности. Такой подход обеспечивает не только распределение плановых показателей между подразделениями, но и создает основу для оценки результативности их деятельности. В структуре предприятия, как правило, выделяются центры затрат, доходов, прибыли и инвестиций. Управленческий учет в данном случае выполняет двойную функцию: формирует исходную информацию для составления бюджетов и одновременно обеспечивает внутреннюю отчетность, необходимую для контроля степени их исполнения. Это усиливает адресность управления, повышает дисциплину исполнения бюджетов и способствует объективной оценке эффективности подразделений [5].

Не менее значимой является роль управленческого учета на этапе контроля исполнения бюджетов. Бюджетирование не может рассматриваться как завершённый процесс после утверждения бюджетов, поскольку его практическая ценность определяется возможностью сопоставления плановых и фактических результатов. Управленческий учет обеспечивает формирование

оперативной внутренней отчетности, позволяющей отслеживать исполнение бюджетов в текущем режиме, выявлять отклонения и анализировать причины их возникновения. Анализ отклонений позволяет определить влияние изменений цен, объемов реализации, производительности труда, уровня затрат, логистических условий и иных факторов на итоговые показатели деятельности. В этом проявляется важнейшая функция управленческого учета — обеспечение обратной связи между планированием и управленческим воздействием.

В современных экономических условиях особое значение приобретает гибкость бюджетирования. Традиционные статичные бюджеты, формируемые на длительный период, в условиях высокой неопределенности быстро теряют актуальность. В связи с этим предприятия все активнее используют гибкие бюджеты, сценарный подход и скользящее планирование. Реализация данных инструментов возможна только при наличии развитой системы управленческого учета, способной оперативно формировать не только фактическую, но и нормативную, плановую и прогнозную информацию. Именно такая трактовка наиболее полно отражает современную сущность управленческого учета как вида деятельности, направленного на формирование данных, отражающих результаты принятых решений и одновременно служащих базой для разработки последующих управленческих альтернатив.

Дополнительный импульс развитию управленческого учета и бюджетирования придает цифровизация. Использование ERP-систем, BI-платформ и автоматизированных аналитических панелей позволяет интегрировать данные различных функциональных подсистем предприятия, ускорять подготовку бюджетов, повышать точность расчетов и осуществлять контроль исполнения в режиме, близком к реальному времени. Вместе с тем цифровые технологии не заменяют методологическую основу управленческого учета. Без единой системы классификации затрат, регламента внутренней отчетности, порядка формирования бюджетных статей и процедур анализа отклонений автоматизация не обеспечивает должного управленческого эффекта [2].

Таким образом, управленческий учет в бюджетировании деятельности предприятия в современных условиях выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом внутреннего управления. Его значение заключается в формировании достоверной и релевантной информации для составления бюджетов, организации бюджетного процесса по центрам ответственности, контроле исполнения планов, анализе отклонений и выработке корректирующих решений. Бюджетирование, будучи неотъемлемой частью системы управленческого учета, интегрирует функции планирования, учета, контроля, отчетности и анализа, что позволяет рассматривать его как самостоятельную подсистему управленческого механизма предприятия. Следовательно, повышение эффективности деятельности организаций в современных условиях напрямую связано с развитием методологии управленческого учета, внедрением гибких моделей бюджетирования и расширением использования цифровых инструментов поддержки управленческих решений.

Библиографический список

1. Вахрушина, М. А. Бюджетирование в системе управленческого учета малого бизнеса: методика и организация постановки : монография / М.А.

Вахрушина, Л.В. Пашкова. — Москва : ИНФРА-М, 2026. — 114 с.

2. Дружинина, Т. А. Бюджетирование в системе управленческого учета производственного предприятия / Т. А. Дружинина, Л. В. Юрьева // Весенние дни науки : Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом "Ажур", 2023. – С. 225-232. – EDN ХСJMDU.

3. Друри К. Управленческий учет для бизнес-решений: учебник / пер. с англ. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003. — 655 с.

4. Киракосян Р. Г., Зубарева Е. А., Василенко А. С. Бюджетирование в системе управленческого учета // Символ науки. 2016. №11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetrovanie-v-sisteme-upravlencheskogo-ucheta-2> (дата обращения: 20.03.2026).

5. Панов, М. М. Постановка системы бюджетного управления, или Три координаты бизнеса: БДР, БДДС, ББЛ / М.М. Панов. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 304 с.

6. Хорнгрен Ч.Т., Фостер Дж. Бухгалтерский учет: управленческий аспект / пер. с англ.; под ред. Я.В. Соколова. – Финансы и статистика, 2004. – 416 с.

ББК 65.291.21

Экономика и менеджмент на предприятии

Э.Е. Пуцято

Научный руководитель: О.П. Маркевич

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Аннотация: в статье рассматриваются основные подходы и практики, комплекс различных направлений, позволяющих повысить эффективность системы экономики и менеджмента на предприятии в условиях нестабильности. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что управление устойчивостью предприятия в современных условиях выходит далеко за рамки традиционного антикризисного менеджмента. Экономика и менеджмент на предприятии сегодня требуют комплексного подхода, интегрирующего финансовые инструменты, организационную гибкость, управление человеческим капиталом, цифровую трансформацию и инновационную активность

Ключевые слова: организационная устойчивость, финансовая устойчивость, операционная устойчивость, рыночная устойчивость, кадровая устойчивость, скользящее планирование, антихрупкость

Economics and management in an enterprise

E.E. Putyato

Scientific adviser: O.P. Markevich

Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation

Abstract: the article discusses the main approaches and practices, a set of different directions that make it possible to increase the efficiency of the economic and management system at the enterprise in conditions of instability. The study allows us to conclude that the management of the stability of the enterprise in modern

conditions goes far beyond the framework of traditional anti-crisis management. Economics and enterprise management today require an integrated approach that integrates financial instruments, organizational flexibility, human capital management, digital transformation and innovative activity

Keywords: organizational stability, financial stability, operational stability, market stability, personnel stability, rolling planning, anti-fragility

Современная экономическая среда характеризуется высокой степенью турбулентности, что предъявляет принципиально новые требования к системам управления предприятием. Традиционные модели менеджмента, сформированные в эпоху относительно стабильного роста и предсказуемой макроэкономической конъюнктуры, демонстрируют ограниченную эффективность в условиях системных кризисов, геополитических сдвигов и технологических разрывов. Пандемия COVID-19, последовавшая за ней волатильность сырьевых и финансовых рынков, реструктуризация глобальных цепочек поставок, а также ускоренное внедрение цифровых технологий — все эти факторы актуализировали проблему поиска новых подходов к обеспечению устойчивости хозяйствующих субъектов.

Актуальность темы «экономика и менеджмент на предприятии» в контексте устойчивости обусловлена тем, что от эффективности управленческих решений напрямую зависит не только текущая ликвидность и рентабельность, но и способность предприятия сохранять долгосрочные конкурентные преимущества.

Целью доклада является системный анализ современных проблем управления предприятием в условиях экономической нестабильности и обобщение эффективных подходов к обеспечению устойчивости бизнеса.

В классической экономической теории устойчивость предприятия традиционно связывалась с его финансовым равновесием, способностью своевременно исполнять обязательства и поддерживать заданный уровень рентабельности. Однако начиная с 1990-х годов, в условиях глобализации и ускорения инновационных циклов, понятие устойчивости претерпело существенную трансформацию. В научный оборот вошли такие категории, как «организационная устойчивость» (organizational resilience), «адаптивность» (adaptability) и «антихрупкость» (antifragility).

Антихрупкость, предложенная Н. Талебом, представляет собой свойство системы не просто противостоять стрессам, но и становиться лучше, сильнее в результате потрясений. Для предприятия это означает способность извлекать конкурентные преимущества из кризисов, используя их как возможности для структурной перестройки, выхода на новые рынки или внедрения инноваций. В отличие от антикризисного управления, ориентированного на минимизацию потерь, антихрупкий подход предполагает проактивное формирование «запаса прочности» и гибкости. Современные исследователи выделяют несколько взаимосвязанных компонентов устойчивости предприятия: финансовая устойчивость — способность сохранять ликвидность, платежеспособность и финансовую независимость при неблагоприятных внешних воздействиях. Операционная устойчивость — непрерывность производственных и логистических процессов, наличие резервов мощностей и альтернативных поставщиков. Рыночная устойчивость — способность удерживать или

восстанавливать долю рынка, адаптировать продуктовую линейку к изменяющемуся спросу. Организационная устойчивость — гибкость структуры управления, скорость принятия решений, эффективность горизонтальных коммуникаций. Кадровая устойчивость — сохранение ключевых компетенций, низкий уровень критической текучести, высокая вовлеченность персонала.

Переход от управления по целям (MBO) к управлению рисками и возможностями (EnterpriseRiskManagement, ERM) стал одной из важнейших тенденций. Внедрение интегрированной системы риск-менеджмента позволяет предприятию не только идентифицировать угрозы, но и формировать превентивные меры, включая создание финансовых резервов, диверсификацию базы поставщиков и развитие альтернативных каналов сбыта. Проблема, однако, заключается в том, что многие предприятия сохраняют инерционные структуры управления, где риск-менеджмент носит формальный характер и не интегрирован в оперативную деятельность.

В условиях экономической нестабильности финансовый блок управления становится критически важным. К основным вызовам, с которыми сталкиваются предприятия, относятся: высокая инфляция, ограничение доступа к заемному капиталу, удорожание кредитных ресурсов, волатильность валютных курсов, а также нарушение цепочек расчетов с контрагентами.

Традиционная модель бюджетирования, основанная на жестких фиксированных показателях на год вперед, в условиях высокой неопределенности теряет свою эффективность. Как показывает практика, отклонения фактических показателей от плановых могут достигать 30–50%, что делает классический план-факт анализ малоинформативным. В ответ на это современные предприятия внедряют гибкое бюджетирование (flexiblebudgeting) и «скользящее» планирование (rollingforecast), при котором бюджет пересматривается ежемесячно или ежеквартально с учетом актуальных данных.

Кроме того, получает распространение методология «бюджетирование на основе деятельности» (Activity-BasedBudgeting, ABB), позволяющая более точно увязывать ресурсы с конкретными бизнес-процессами и оперативно корректировать расходы при изменении объемов деятельности. Инструменты бизнес-аналитики (BI) и управленческого учета в реальном времени дают возможность руководителям получать актуальную информацию о движении денежных средств и принимать решения, основанные на данных, а не на интуиции.

В условиях ужесточения платежной дисциплины и роста дебиторской задолженности управление оборотным капиталом выходит на первый план. Ключевыми задачами становятся:

- оптимизация запасов: переход от концепции «точно в срок» (Just-in-Time) к «точно к сроку с резервом» (Just-in-Case) для критически важных компонентов;
- ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности за счет внедрения факторинга, системы скидок за раннюю оплату и более строгой кредитной политики;
- управление кредиторской задолженностью с целью сохранения баланса между отсрочками платежей и репутационными рисками.

Согласно данным Центра макроэкономического анализа, в 2024–2025 гг. около 40% промышленных предприятий столкнулись с увеличением сроков

оплаты от покупателей в среднем на 15–20 дней. В этих условиях предприятия, обладающие эффективной системой cash-менеджмента, получают существенное конкурентное преимущество.

Классическое сокращение издержек (cost-cutting) часто приводит к негативным последствиям: снижению качества продукции, потере ключевых компетенций, ухудшению мотивации персонала. Современный подход предполагает переход к управлению эффективностью (performancemanagement), при котором оптимизация затрат осуществляется за счет устранения потерь, внедрения бережливого производства (Lean) и цифровизации процессов. Примером может служить опыт крупных машиностроительных предприятий, которые в период спада спроса не сокращали штат конструкторских бюро, а переориентировали их на разработку новых продуктов с улучшенными характеристиками, что позволило после выхода из кризиса занять освободившиеся ниши. Такой подход базируется на понимании того, что инвестиции в развитие и инновации в период рецессии имеют более высокую отдачу в фазе подъема.

Устойчивость предприятия в значительной степени определяется тем, насколько быстро и адекватно управленческая система реагирует на изменения внешней среды. Традиционные иерархические структуры с многоступенчатым согласованием решений демонстрируют недостаточную скорость реакции, что в критических ситуациях может привести к упущенной выгоде или прямым потерям.

Современный менеджмент предлагает переход от жестких функциональных структур к адаптивным, в числе которых: проектные и матричные структуры — позволяют объединять ресурсы различных подразделений для решения конкретных задач, после завершения которых команды могут быть реформированы. Сетевые структуры — предполагают выведение непрофильных функций на аутсорсинг и формирование устойчивых партнерских экосистем, что снижает собственные издержки и повышает гибкость. Бионические организации — концепция, в рамках которой сочетаются централизованное стратегическое управление с децентрализованной операционной автономией небольших команд (напоминает принципы Agile в масштабах всей компании).

В кризисных условиях чрезмерная централизация приводит к информационным перегрузкам высшего руководства и замедлению реакции. Передача полномочий на уровень руководителей среднего звена и операционных подразделений позволяет сократить время от возникновения проблемы до принятия решения; повысить ответственность исполнителей; использовать локальные знания и компетенции, которые могут быть недоступны топ-менеджменту. Однако децентрализация требует четкой системы координации и контроля, а также развития управленческих компетенций на всех уровнях. В противном случае возникает риск рассогласования действий и потери стратегического фокуса.

Управление непрерывностью бизнеса (BCM) становится обязательным элементом системы менеджмента устойчивых предприятий. BCM включает: идентификацию критически важных функций и процессов; оценку рисков прерыва в их выполнении; разработку планов восстановления (disasterrecoveryplans); регулярное тестирование этих планов в формате учений

и симуляций. Практика показывает, что многие предприятия формально разрабатывают планы ВСМ, но не проводят их проверку, что в реальной ситуации приводит к хаосу и несогласованности действий. Эффективный ВСМ требует не только документального оформления, но и формирования корпоративной культуры, в которой каждый сотрудник понимает свои действия в чрезвычайной ситуации.

В условиях экономической нестабильности человеческий капитал становится одновременно наиболее уязвимым и наиболее ценным ресурсом предприятия. Уход ключевых сотрудников, потеря корпоративных знаний, снижение вовлеченности — все это может подорвать устойчивость быстрее, чем финансовые проблемы.

Современный рынок труда характеризуется структурным дефицитом квалифицированных кадров. Демографические тенденции, отток специалистов из ряда отраслей, а также растущие требования к цифровым компетенциям создают ситуацию, при которой найти замену ценному сотруднику становится все сложнее. В этих условиях предприятия вынуждены переходить от политики «найма под вакансию» к стратегии «удержания и развития».

Высокая неопределенность, многозадачность и стрессовые нагрузки приводят к росту эмоционального выгорания, что сказывается на производительности и лояльности. Ответственные работодатели внедряют программы психологической поддержки (Employee Assistance Programs), обучают руководителей навыкам эмпатичного лидерства, создают среду, где открытое обсуждение проблем не наказывается, а поощряется.

Массовый переход на удаленную и гибридную работу, закрепленный после пандемии, создал вызов для корпоративной культуры. Размываются неформальные связи, снижается спонтанное взаимодействие, усложняется передача tacit knowledge (неявного знания). Задача менеджмента — компенсировать эти потери через цифровые инструменты коллаборации, регулярные командные встречи и мероприятия по тимбилдингу, а также через пересмотр системы оценки эффективности, смещая акцент с присутствия на результат.

Цифровая трансформация является одним из ключевых направлений повышения эффективности управления и устойчивости. Однако внедрение цифровых технологий сопряжено с рядом проблем, которые необходимо учитывать при построении системы менеджмента. Современные предприятия активно внедряют: ERP-системы (Enterprise Resource Planning) для интеграции учета, планирования и контроля; BI-системы (Business Intelligence) для анализа больших данных и визуализации ключевых показателей; искусственный интеллект для прогнозирования спроса, оптимизации цепочек поставок, автоматизации рутинных операций; интернет вещей (IoT) для мониторинга состояния оборудования и предиктивного обслуживания. Эффект от цифровизации проявляется в снижении операционных издержек (на 10–30% по разным оценкам), сокращении времени выполнения процессов, повышении качества принимаемых решений. Однако, первоначальные инвестиции в цифровую инфраструктуру могут быть значительными, а отдача — растянутой во времени. Кроме того, возникает проблема совместимости различных систем и интеграции legacy-систем с новыми решениями. Цифровизация делает предприятие уязвимым для кибератак, утечек данных и сбоев в работе IT-

систем. В условиях цифровой экономики инциденты в сфере информационной безопасности могут привести не только к прямым финансовым потерям, но и к остановке производства, утрате репутации, судебным искам. Управление цифровыми рисками становится неотъемлемой частью общей системы риск-менеджмента предприятия. Успешная цифровая трансформация требует не только технологических решений, но и развития цифровых компетенций персонала. Сопrotивление сотрудников новым системам, недостаточная грамотность в области работы с данными, отсутствие навыков Agile-управления могут свести на нет преимущества цифровизации. Поэтому параллельно с внедрением технологий необходимо проводить обучение и формировать цифровую культуру.

В условиях быстрых технологических изменений способность предприятия к инновациям становится критическим фактором не только роста, но и выживания. Инновационный менеджмент в современных условиях требует пересмотра традиционных подходов.

Модель закрытых инноваций, когда исследования и разработки ведутся исключительно внутри компании, уступает место открытым инновациям (OpenInnovation). Предприятия все чаще привлекают внешние идеи, сотрудничают со стартапами, университетами, венчурными фондами. Экосистемный подход позволяет распределить риски, ускорить вывод новых продуктов на рынок и получить доступ к компетенциям, которых нет внутри организации.

Инновационные проекты характеризуются высокой неопределенностью и вероятностью неудачи. В традиционном проектном управлении (Waterfall) это может приводить к затягиванию сроков и перерасходу бюджета. Гибкие методологии (Agile, Scrum, LeanStartup) позволяют итеративно разрабатывать продукт, быстро получать обратную связь от рынка и корректировать направление без существенных потерь.

Согласно концепции организационной амбидекстрии (organizationalambidexterity), устойчивое предприятие должно одновременно совершенствовать существующие бизнес-процессы (эксплуатация) и создавать новые возможности (исследование). Проблема заключается в том, что в условиях экономической нестабильности менеджмент склонен концентрироваться на эксплуатации — сокращении затрат, повышении эффективности текущих операций, что приводит к недоинвестированию в инновации и, в долгосрочной перспективе, к потере конкурентоспособности. Задача современного менеджмента — поддерживать сбалансированное распределение ресурсов между этими двумя направлениями.

Обобщая рассмотренные подходы и практики, можно выделить комплекс направлений, позволяющих повысить эффективность системы экономики и менеджмента на предприятии в условиях нестабильности.

Направление	Содержание	Ожидаемый эффект
Интегрированное планирование	Объединение стратегического, финансового и операционного планирования в едином цифровом контуре, применение rollingforecast	Повышение прозрачности ресурсов, сокращение времени реакции
Риск-ориентированный подход	Внедрение системы ERM, создание индикаторов раннего предупреждения, регулярное стресс-тестирование	Снижение вероятности критических потерь, повышение готовности к кризисам
Диверсификация и экосистемное взаимодействие	Расширение базы поставщиков, развитие партнерских сетей, аутсорсинг непрофильных функций	Снижение зависимости от одного контрагента, повышение гибкости
Гибкие структуры управления	Переход к матричным, проектным и сетевым структурам, децентрализация решений	Ускорение принятия решений, повышение ответственности
Инвестиции в человеческий капитал	Обучение, программы удержания, развитие цифровых компетенций, психологическая поддержка	Сохранение ключевых знаний, рост производительности
Цифровая трансформация	Внедрение ERP, BI, AI, IoT, обеспечение кибербезопасности	Снижение издержек, повышение качества управления
Управление инновациями	Открытые инновации, Agile-управление проектами, амбидекстрия	Создание долгосрочных конкурентных преимуществ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что управление устойчивостью предприятия в современных условиях выходит далеко за рамки традиционного антикризисного менеджмента. Экономика и менеджмент на предприятии сегодня требуют комплексного подхода, интегрирующего финансовые инструменты, организационную гибкость, управление человеческим капиталом, цифровую трансформацию и инновационную активность. Такой управленческой парадигмы становится ключевой задачей современного менеджмента.

Библиографический список

1. Аакер Д. А. Стратегическое рыночное управление. — СПб.: Питер, 2022. — 496 с.
2. Ивашковская И. В. Управление стоимостью компании: вызовы российскому менеджменту // Российский журнал менеджмента. 2023. Т. 21. № 2. С. 45–62.
3. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. —

М.: Олимп-Бизнес, 2019. — 320 с.

4. Кристенсен К. М. Дилемма инноватора. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2020. — 286 с.

5. Лайкер Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 450 с.

6. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 288 с.

7. Портер М. Конкурентная стратегия. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 454 с.

8. Талер Р. Новая поведенческая экономика. — М.: Эксмо, 2020. — 368 с.

9. Талеб Н. Н. Антихрупкость. — М.: КоЛибри, 2020. — 576 с.

10. Хэмел Г., Брин Б. Человекоцентричное управление. — М.: Олимп-Бизнес, 2021. — 352 с.

11. Отчет Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Устойчивость промышленных предприятий в 2024–2025 гг. — М.: ЦМАКП, 2025. — 72 с.

12. McKinsey&Company. Организационная устойчивость: как компании готовятся к кризисам. — 2024. — 45 с.

13. Deloitte. Global Human Capital Trends 2024. — Deloitte Insights, 2024. — 98 p.

ББК 88.532

Методы мониторинга и профилактики девиантного поведения в интернете

Е.Е. Равковская

Научный руководитель: А.А. Машанов

Автономная некоммерческая организация высшего образования

«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье рассматриваются современные методы мониторинга девиантного поведения в цифровой среде: системы контент-фильтрации на основе Единого реестра запрещенных сайтов, технология глубокой фильтрации трафика (DPI), методы OSINT и применение искусственного интеллекта для выявления деструктивного контента. Анализируются социально-педагогические подходы к профилактике, включая формирование цифровой гигиены, медиаграмотности и создание доверенных цифровых сред. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего технические, образовательные и психолого-педагогические меры. Особое внимание уделяется этическим дилеммам, связанным с балансом между безопасностью и приватностью пользователей. Делается вывод о том, что эффективная профилактика невозможна без развития у пользователей критического мышления и устойчивых морально-психологических барьеров

Ключевые слова: девиантное поведение, кибербуллинг, интернет-зависимость, DPI, OSINT, искусственный интеллект, цифровая гигиена, медиаграмотность

Methods of Monitoring and Prevention of Deviant Behavior on the Internet

E.E. Ravkovskaya

Scientific Supervisor: A.A. Mashanov

Autonomous non-profit organization of higher education
«Siberian Institute of Business, Management and Psychology»

Abstract. The article discusses modern methods of monitoring deviant behavior in the digital environment: content filtering systems based on the Unified Registry of Banned Websites, deep packet inspection (DPI) technology, OSINT methods, and the use of artificial intelligence to detect destructive content. The article analyzes socio-pedagogical approaches to prevention, including the development of digital hygiene, media literacy, and the creation of trusted digital environments. The article argues for the need for a comprehensive approach that combines technical, educational, and psychological-pedagogical measures. Special attention is given to ethical dilemmas related to the balance between user security and privacy. It is concluded that effective prevention is impossible without developing critical thinking and stable moral and psychological barriers among users

Keywords: deviant behavior, cyberbullying, Internet addiction, DPI, OSINT, artificial intelligence, digital hygiene

Исследования человеческой психики через призму неразрывной связи с цифровой средой и технологическими инструментами, фиксируют не только качественные изменения в структуре межличностных отношений, но и рост новых форм отклоняющегося (девиантного) поведения, опосредованного цифровой средой. К таким формам относятся кибербуллинг, интернет-зависимость, участие в деструктивных сообществах, распространение запрещенного контента, а также аутодеструктивное поведение (пропаганда суицида, селфхарм). Актуальность проблемы обусловлена тем, что анонимность и алгоритмическая персонализация, с одной стороны, облегчают проявления девиаций, а с другой — затрудняют их своевременное выявление.

Особую значимость приобретает вопрос о методах мониторинга и профилактики девиантного поведения в интернете. Эти методы можно разделить на технические (аппаратно-программные средства анализа сетевого трафика и контента) и социально-педагогические (наблюдение, консультирование, формирование цифровой грамотности). В российской практике ключевым инструментом государственного регулирования является Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов и сетевых адресов, содержащих информацию, распространение которой запрещено. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 15.1), основанием для включения ресурса в реестр и последующей блокировки служит наличие информации о способах совершения самоубийства и призывах к нему, информации о способах изготовления и местах приобретения наркотических средств, детской порнографии, а также материалов, склоняющих несовершеннолетних к противоправным действиям. Провайдеры и организации (школы, библиотеки, корпоративные сети) используют прокси-серверы и межсетевые экраны (фаерволы) с подключением к черным спискам РКН для автоматической фильтрации трафика.

Более совершенным техническим средством выступает технология Deep Packet Inspection (DPI) — глубокая фильтрация трафика, позволяющая

анализировать не только служебную информацию (IP-адреса, порты), но и содержимое передаваемых данных. В отличие от обычного фаервола, DPI заглядывает внутрь пакета, анализируя протоколы от второго до седьмого уровня модели OSI. Современные DPI-решения обладают возможностями классификации зашифрованного трафика (ETC), обнаружения аномального и обфусцированного трафика (попытки обхода блокировок через VPN, прокси), а также извлечения метаданных для поддержки функций сетевой безопасности. Ключевым трендом является интеграция искусственного интеллекта и машинного обучения, позволяющих системам в реальном времени анализировать сетевые паттерны и выявлять киберугрозы.

Дополняет технический арсенал методология OSINT (Open Source Intelligence) — совокупность приемов сбора и анализа информации из общедоступных источников. В контексте мониторинга девиантного поведения OSINT применяется для анализа социальных сетей (выявление деструктивных сообществ, мониторинг постов и комментариев по ключевым словам), геолокации и хронологии (установление местоположения пользователя и времени публикации контента), триангуляции источников (перекрестная проверка данных из нескольких независимых каналов) и анализа цифрового следа. Важным направлением является использование обработки естественного языка (NLP) для семантического анализа текстов: нейросетевые алгоритмы способны выявлять завуалированные призывы к противоправным действиям, тональность сообщений и скрытые подтексты, которые ускользают от простого фильтра по ключевым словам.

Наряду с техническими методами, существенное значение имеют социально-педагогические подходы. Технические средства не могут полностью заменить живого наблюдения за изменениями в поведении ребенка. Ключевыми социально-педагогическими методами выступают: психолого-педагогическое наблюдение (фиксация резких изменений настроения после посещения сети, замкнутости, ухудшения успеваемости), социометрия в цифровых классах (выявление «изгоев» и «агрессоров» через анализ коммуникации в общих чатах), а также анонимное анкетирование (регулярное тестирование на предмет склонности к кибербуллингу и интернет-зависимости). Согласно исследованию Р.И. Базарова (2025), эффективность профилактики напрямую зависит от своевременного выявления маркеров девиантного поведения, среди которых особое место занимает изменение коммуникативных паттернов в цифровой среде.

Профилактика девиантного поведения в интернете традиционно подразделяется на три уровня: первичная (предупреждение), вторичная (раннее вмешательство) и третичная (реабилитация). Первичная профилактика направлена на формирование у пользователей устойчивых навыков безопасного поведения в сети. Ключевые направления включают медиаграмотность (обучение критическому мышлению, умению отличать факты от манипуляции, распознавать фейки и опасные сообщества), цифровую гигиену (освоение навыков настройки приватности, правил общения с незнакомцами, понимание концепции «цифрового следа») и развитие позитивного цифрового следа (вовлечение подростков в созидательную онлайн-активность, что снижает риск вовлечения в деструктивные сообщества). Исследования показывают, что цифровая грамотность выступает важнейшим фактором, позволяющим

подросткам противостоять манипуляциям и минимизировать риски, связанные с анонимным онлайн-взаимодействием.

Вторичная профилактика включает создание «цифровых доверенных сред» — доступность психологов и социальных педагогов через мессенджеры для анонимных консультаций; систему «равный-равному» (подготовку волонтеров-медиаторов из числа старшеклассников, обученных выявлению признаков кибербуллинга и суицидального поведения в соцсетях сверстников); а также правовое просвещение — разъяснение юридических последствий девиантного поведения (ответственность за экстремизм, клевету, распространение запрещенной информации). Третичная профилактика ориентирована на работу с уже сформировавшимися формами девиантного поведения: психологическая коррекция (когнитивно-поведенческая терапия при интернет-зависимости) и реинтеграция (вовлечение подростков, прошедших через деструктивные сообщества, в офлайн-активности).

Внедрение методов мониторинга сопряжено с рядом этических и практических противоречий. Первое — баланс между безопасностью и приватностью. Чрезмерный тотальный мониторинг личных устройств нарушает право на частную жизнь и подрывает доверие между ребенком и взрослым. Согласно международным исследованиям, анонимность в интернете, будучи фактором риска, одновременно выполняет функцию ресурса для самовыражения и формирования идентичности. Второе — эффект «стреляющего окна»: гиперопека и запреты часто приводят к уходу в теневой сегмент интернета (даркнет), где риски возрастают многократно. Третье — юридические коллизии: технологии мониторинга отстают от скорости распространения деструктивного контента в мессенджерах с end-to-end шифрованием, а все действия с цифровыми данными требуют надлежащего процессуального оформления.

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что современные методы мониторинга и профилактики девиантного поведения в интернете требуют комплексного подхода, объединяющего технологический, образовательный и психолого-педагогический компоненты. Эффективная стратегия заключается не в попытке изолировать человека от интернета, что невозможно, а в формировании у него внутреннего «антивируса» — устойчивых морально-психологических барьеров, позволяющих безопасно существовать в цифровой среде. Как отмечает Р.И. Базаров, «анонимные платформы могут выполнять функцию психологической поддержки, обеспечивая самовыражение и формирование позитивной идентичности, особенно при наличии навыков цифровой грамотности и поддержки со стороны взрослых». Задача психологической науки и практики сегодня — не демонизировать технологии, а изучать контекст их использования, разрабатывать стратегии осознанной цифровой грамотности и помогать людям конструировать безопасное информационное пространство, не разрушающее значимые отношения.

Библиографический список

1. Freedman, G. Ghosting and Destiny: Implicit Theories of Relationships Predict Beliefs About Ghosting / G. Freedman, D. J. Powell // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 2022. – Vol. 39, no. 4. – P. 905–925.
2. Enea. Next-Gen DPI and IDS for Space Systems [Electronic resource]. –

2025. – URL: <https://www.enea.com/solutions/deep-packet-inspection-traffic-intelligence/cybersecurity/next-gen-dpi-for-space-systems/> (date of access: 30.03.2026).

3. Базаров, Р.И. Тени Интернета: как анонимность влияет на психологическое здоровье подростков / Р.И. Базаров // Вестник практической психологии образования. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 210–220. – DOI: 10.17759/bppe.2025220314.

4. КонсультантПлюс. Реестр запрещенных сайтов: подборка нормативных документов [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/reestr_zapreshchennyh_sajtov/ (дата обращения: 30.03.2026).

5. Мирмухамедов, Б.Б. Гигиена онлайн-среды: как социальные сети влияют на поведение и здоровье подростков / Б.Б. Мирмухамедов // Медицинский журнал молодых ученых. – 2025. – № 1 (14). – С. 148–151.

6. Рабчевский, Е.А. Методические рекомендации по методам выявления и оперативного анализа деструктивного контента в сети Интернет с помощью информационно-поисковых систем / Е.А. Рабчевский, А.В. Анфалов. – Пермь: Сеуслаб, 2024.

7. Роскомнадзор. Как ограничить доступ к сайтам с подозрительным контентом [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://25.rkn.gov.ru/news/news259874.htm> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Селиванова, О.А. Цифровая грамотность и безопасность подростков в интернете / О.А. Селиванова, Т.В. Капустина // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 87–104.

9. Fortune Business Insights. Deep Packet Inspection Market Size, Share, Growth and Global Industry Analysis By Type & Application, Regional Insights and Forecast to 2026–2034 [Electronic resource]. – GII Research, 2026. – URL: <https://www.giiresearch.com/report/fbi1446864-deep-packet-inspection-market-size-share-trends.html> (date of access: 30.03.2026).

10. Джулий, В. Метод верификации открытых источников и выявления дезинформации с помощью OSINT-инструментов / В. Джулий, И. Каменщик, Е. Филюк // измерительная и вычислительная техника в технологических процессах. – 2025. - № 4. - С. 107-121.

11. Машанов А.А., Неверова И.А. Цифровизация и сохранение здоровья // Личность и деятельность преподавателя в условиях цифровой трансформации. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2024. С. 148-150.

12. Шепелева Ю.С. Личностные характеристики подростков, склонных к девиантному поведению / Ю.С Шепелева., А.А Машанов., В.В Попов, А.В Поломошнова., Д.А Лигаев. Психолог. 2025. № 6. С. 91-109

ББК 67.523

**Особенности тактики назначения дополнительных судебных
компьютерно-технических экспертиз следователем**

А.П. Растяпина

Научный руководитель: А.С. Винниченко

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. В статье исследуются тактические аспекты назначения дополнительных судебных компьютерно-технических экспертиз (СКТЭ) в процессе расследования преступлений, связанных с использованием информационных технологий. Анализируются правовые основания и процессуальные условия назначения дополнительной СКТЭ согласно положениям Уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), а также критерии разграничения дополнительной и повторной экспертизы

Ключевые слова. Судебная компьютерно-техническая экспертиза, дополнительная экспертиза, тактика следователя, цифровые доказательства, компьютерная криминалистика, расследование ИТ-преступлений

Features of the tactics of appointing additional forensic examinations by the investigator

A.P. Rastyapina

Scientific advisor: A.S. Vinnichenko

Volgograd Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. The article examines tactical aspects of assigning additional forensic computer-technical examinations (FCTE) during investigations of crimes involving information technologies. It analyzes the legal grounds and procedural conditions for ordering an additional FCTE under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as criteria for distinguishing between additional and repeat examinations

Keywords. Forensic computer-technical examination, additional examination, investigator tactics, digital evidence, computer forensics, investigation of IT-crimes

Актуальность изучения особенностей тактики назначения следователями дополнительных судебных компьютерно-технических экспертиз (СКТЭ) обусловлена необходимостью разработки чётких тактических рекомендаций для следователей по назначению дополнительных СКТЭ. Такие рекомендации помогут повысить эффективность расследования ИТ-преступлений и обеспечить допустимость цифровых доказательств в суде. Согласно статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ), количество ИТ-преступлений ежегодно увеличивается на 15-20%, при этом значительная часть подобных правонарушений отличается высокой латентностью и сложностью доказывания.

Основаниями для назначения дополнительной судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ) выступают следующие обстоятельства:

- Неполнота заключения первичной экспертизы (отсутствие ответов на все поставленные вопросы);
- Возникновение новых вопросов в ходе расследования;
- Выявление дополнительных цифровых объектов исследования (новых файлов, устройств, учётных записей);
- Необходимость интерпретации технических данных или уточнения параметров (например, времени создания файла, способа шифрования данных).

Тактика действий следователя при назначении дополнительной СКТЭ представляет собой последовательность взаимосвязанных этапов[2].

Сначала проводится анализ заключения первичной экспертизы с целью выявления пробелов, противоречий и вопросов, требующих уточнения. Затем следователь формулирует вопросы эксперту – они должны быть чёткими, конкретными и относиться к компетенции эксперта. Примеры конкретных вопросов: «Каков способ модификации файла X, зафиксированного в первичной экспертизе?» или «Возможно ли восстановить удалённые данные с носителя Y с учётом имеющихся условий?».

Следующий этап – выбор экспертного учреждения. При этом оценивается компетенция экспертов (образования, опыт, специализация), а также наличие необходимого оборудования и программного обеспечения.

После выбора учреждения следователь готовит материалы для экспертизы, предоставляя не только цифровые носители, но и сопутствующие документы (протоколы осмотра места происшествия, заключения первичной экспертизы).

Процессуальным документом является постановление о назначении экспертизы, которое должно содержать [1]:

- Основания для назначения;
- Вопросы эксперту;
- Перечень предоставляемых материалов;
- Сроки проведения экспертизы.

На завершающем этапе следователь взаимодействует со специалистом – уточняет технические детали и обсуждает методологию исследования.

Исследование программного обеспечения (операционных систем, приложений, вредоносного ПО) требует особого внимания к системным журналам и логам, выявлению следов модификации кода и анализу механизмов обхода защитных систем.

При работе с сетевыми данными (логами серверов, перехваченным трафиком, метаданными электронной почты) основная задача – реконструировать цепочку сетевых соединений, установить временные метки и IP-адреса, а также сопоставить данные с другими доказательствами.

Особую сложность представляет исследование облачных хранилищ и зашифрованных данных: в таких случаях следователь должен запросить данные у провайдеров облачных услуг; при этом важно оценить возможность восстановления удалённых данных [4].

Следует иметь в виду, что взаимодействие следователя с экспертом требует соблюдения ряда принципов, а именно:

- Прежде всего, начальным этапом взаимодействия следователя с экспертом всегда является предварительная консультация, осуществляется для обсуждения целей экспертизы, доступных материалов и технических возможностей;

- Также необходимо учитывать, что оперативный обмен информацией и контроль сроков играют существенную роль в их взаимодействии, особенно при работе с данными, подверженными быстрому изменению (логи, сообщения в мессенджерах).

Наконец, подводя итог своему плодотворному взаимодействию с экспертом, следователь должен оценить результаты экспертизы, сопоставив выводы эксперта с другими материалами дела. Оценка заключения дополнительной СКТЭ - ответственный этап, требующий проверки сразу же

нескольких аспектов:

- Во-первых, необходимо убедиться, что выводы эксперта соответствуют поставленным вопросам.
- Во-вторых, следует оценить научную обоснованность применённых методик.
- В-третьих, нужно проверить полноту исследования – охватил ли эксперт все предоставленные объекты.

Кроме того, важно обратить внимание на ясность и однозначность формулировок, наличие ссылок на используемые инструменты и программное обеспечение.

Практические примеры из следственной практики подтверждают значимость дополнительной СКТЭ[3]. В деле о мошенничестве с электронными платежами первичная экспертиза не выявила следов вредоносного ПО, но анализ сетевого трафика показал несанкционированные переводы. Дополнительная СКТЭ с фокусом на сетевые данные подтвердила факт взлома. В расследовании утечки данных первичное исследование серверов не обнаружило признаков взлома, однако дополнительная экспертиза с анализом логов аутентификации выявила учётные записи с подозрительной активностью. В деле о распространении вредоносности ПО первичная СКТЭ установила факт заражения, но не определила источник. Дополнительная экспертиза с восстановлением удалённых файлов выявила канал распространения.

Таким образом, грамотная тактика назначения дополнительной судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ) не только повышает эффективность расследования IT-преступлений, но и обеспечивает допустимость цифровых доказательств в суде, что особенно актуально в условиях ежегодного роста числа подобных деяний (по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ) – 15-20% в год)[5][6].

Внедрение разработанных рекомендаций в следственную практику позволит минимизировать процессуальные ошибки, сократить сроки расследования и повысить качество доказывания по делам, связанным с использованием информационных технологий.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03. 2026) – М.: Проспект, 2024. – 320 с.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) – М.: Юридическая литература, 2023. – 84 с.
3. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза – М.: Право и Закон, 2022. – 416 с.
4. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика: учебник для вузов – 3-е изд., перераб.и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 567 с.
5. МВД РФ. Статистический сборник «Состояние преступности в России за 2023 год» - М.: МВД РФ, 2024. – 145 с.
6. Официальный сайт МВД РФ – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 23.02.2026).

**Влияние кинематографа на формирование образа я у девушек
юношеского возраста**

З.Д. Ращупкина, А.И. Манченко

Научный руководитель: В.А. Козловская

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье рассматривается влияние кинематографа на формирование образа «Я» у девушек юношеского возраста. Особое внимание уделяется анализу функций и механизмам медиавоздействия. Раскрываются психолого-педагогические подходы, направленные на снижение негативного влияния кинопродукции и становление «Я-концепции» девушек

Ключевые слова: кинематограф, образ «Я», юношеский возраст, девушки, медиавоздействие, идентичность, медиаграмотность

The influence of cinematographs on the formation of the i-image in youth girls

Z.D. Rashchupkina, A.I. Manchenko

Scientific supervisor: V.A. Kozlovskaya

Autonomous Non-Profit Higher Education Institution
"Siberian Institute of Business, Management and Psychology"

Abstract. This article examines the influence of cinema on the development of self-image in adolescent girls. Particular attention is paid to analyzing the functions and mechanisms of media influence, and psychological and pedagogical approaches aimed at reducing the negative impact of film on the development of girls' self-concept are explored

Keywords: cinema, self-image, adolescence, girls, media influence, identity, media literacy

Юношеский возраст у девушек (16–20 лет) рассматривается психологами как один из ключевых этапов становления личности, когда особенно интенсивно формируется образ «Я», конструируются жизненные планы, уточняются ценности и социальные роли. В этот период усиливается значимость внешних источников идентификации - медиа, культурных образцов. Кинематограф, будучи одной из наиболее доступных и эмоционально насыщенных форм массовой культуры, играет заметную роль в этом процессе. Фильм не только развлекает, но и транслирует модели поведения, ценностные ориентиры, представления о женственности, успехе, отношениях, социальной норме. Для девушек юношеского возраста, находящихся в поиске собственной идентичности, эти визуальные и смысловые образцы могут становиться основой для самоопределения, подражания или, напротив, внутреннего протеста. Поэтому анализ влияния кинематографа на формирование образа «Я» у данной группы представляется важной задачей для психологии, педагогики и социологии медиа.

Образ «Я» (или «Я-концепция») в современной психологии понимается как относительно устойчивая система представлений человека о себе: о своих личностных качествах, способностях, внешности, социальном статусе и ролях. В структуру образа «Я» включаются когнитивный компонент (знания и

убеждения о себе), эмоционально-оценочный (самооценка, переживание собственной ценности) и поведенческий (склонность действовать в соответствии с представлениями о себе) [1, с. 82].

У девушек юношеского возраста этот конструкт ещё пластичен, подвижен и нередко противоречив. Параллельно протекают несколько значимых процессов: формирование гендерной идентичности и образа женственности, построение профессиональных и жизненных планов, становление системы личностных ценностей, усиление рефлексии и потребности в самопрезентации.

На данном этапе возрастает чувствительность к внешним оценкам, значимость сравнения себя с другими и склонность к поиску образцов для подражания. Медиа, и особенно кино и сериалы, становятся одним из основных источников таких образцов, поскольку предлагают ярких, эмоционально привлекающих героинь и драматически насыщенные жизненные ситуации.

Воздействие кино на личность рассматривается через несколько взаимосвязанных механизмов.

Во-первых, как отмечает М. С. Мкртычева, действует механизм социальной идентификации и моделирования поведения. Девушки склонны соотносить себя с персонажами, которые близки по возрасту, интересам, жизненным обстоятельствам или вызывают сильное эмоциональное притяжение. Поведение, установки и стиль жизни экранной героини могут восприниматься как образец возможного или желаемого «Я».

Во-вторых, работает эмоционально-катартический механизм. Просмотр фильмов сопровождается интенсивными чувствами - сопереживанием, сочувствием, восхищением, иногда страхом или отвращением. Эти переживания способствуют закреплению определённых образов, норм и сценариев как «значимых» и лично окрашенных, что усиливает их влияние на самовосприятие.

В-третьих, важно когнитивно-интерпретационное звено: зрительница не просто воспринимает сюжет, но и осмысляет его, интерпретирует мотивы персонажей, их успехи и неудачи, соотносит увиденное со своими ценностями и жизненным опытом. В зависимости от уровня критического мышления и медиаграмотности один и тот же фильм может способствовать как конструктивным выводам, так и закреплению стереотипов или деструктивных моделей поведения. Наконец, кинематограф участвует в символическом конструировании социальной реальности, задавая представления о том, что считается нормой, престижем, «красивой жизнью», какие женские роли одобряются или осуждаются, как выстраиваются отношения между полами, что такое успех и самореализация [2, с. 113].

Кино, как отмечает в своей работе Н.В Крыжановская, при определённых условиях может оказывать заметное развивающее и поддерживающее воздействие на образ «Я» девушек юношеского возраста. [3, с. 122]:

Во-первых, оно способствует усвоению ценностей и социальных норм. Многочисленные игровые фильмы и сериалы транслируют идеи дружбы, взаимопомощи, верности, уважения к другим, ответственности за собственные поступки. Через судьбы героинь демонстрируются последствия нравственного выбора, значимость честности, способности идти на компромисс, умения отстаивать свои убеждения. Для девушки, находящейся в процессе

формирования собственной ценностной системы, такие истории могут выступать в роли своеобразного «жизненного тренажёра».

Во-вторых, кинематограф предоставляет богатый спектр моделей идентичности. Образы самостоятельных, инициативных, профессионально успешных героинь, обладающих высокой самооценкой и активной жизненной позицией, помогают расширять представления о возможных жизненных сценариях. Зрительницы получают визуально и эмоционально убедительные примеры женщин, совмещающих карьеру и личную жизнь, проявляющих лидерские качества, защищающих свои права, противостоящих дискриминации. Это способствует укреплению чувства собственной компетентности и веры в возможность достижения целей.

В-третьих, важным позитивным аспектом можно считать вклад в эмоциональное развитие. С точки зрения С.О. Плотниковой и Ю.Е. Болотина, переживание широкого спектра эмоций при просмотре фильмов - сочувствия к жертве несправедливости, радости от успеха персонажа, горечи утрат, страха, облегчения - помогает лучше осознавать собственные эмоциональные состояния и учиться их дифференцировать [4, с. 95]. Через сопереживание героиням у девушек развивается эмпатия, способность понимать чувства других людей и учитывать их в межличностных отношениях.

В-четвёртых, кино нередко выполняет функцию косвенного обучения социальным навыкам. Внимательный просмотр взаимодействий персонажей, способов разрешения конфликтов, построения дружеских и романтических отношений позволяет зрительницам наблюдать различные стратегии поведения и оценивать их последствия. Это своеобразная «социальная лаборатория», где можно увидеть как конструктивные модели - открытое общение, умение договариваться, уважение к границам партнёра, - так и деструктивные, которые вызывают у зрительницы отторжение или критику. Наконец, кинематограф обладает значительным творческим потенциалом. Впечатляющие визуальные решения, оригинальные сюжетные ходы, яркие персонажи могут побуждать девушек к собственному творчеству: написанию сценариев и рассказов, участию в театральных или кинематографических проектах, экспериментам с художественным самовыражением в виде фото- и видеоконтента. Это, в свою очередь, укрепляет субъектную позицию и поддерживает позитивное самовосприятие.

Наряду с конструктивными эффектами влияние кинематографа может иметь проблемные, и даже рискованные стороны, особенно при отсутствии взрослого сопровождения и развитых навыков критического восприятия.

Одна из ключевых угроз, с точки зрения Н. А. Сидорова, связана с формированием искажённых представлений о нормативности поведения и межличностных отношений. В ряде жанров (боевики, криминальные драмы, часть подростковых сериалов) романтизируются агрессия, цинизм, манипулятивные стратегии, демонстрируется высокое вознаграждение за социально неодобряемые поступки. Девушки, склонные к буквальному пониманию увиденного, могут заимствовать подобные образцы как допустимые или даже привлекательные, что приводит к конфронтации с принятыми моральными нормами.

Другой проблемой выступает конфликт новых образцов с ранее усвоенной системой ценностей. Если экранные героини, пользующиеся

симпатией зрительниц, демонстрируют установки, противоречащие семейным и школьным представлениям о порядочности, ответственности, уважении, то у девушки может возникать внутреннее напряжение. Попытка совместить несовместимое нередко ведёт к искажению нравственных ориентиров: негативные модели поведения начинают восприниматься как успешные и социально одобряемые.

Отдельную зону риска составляют аудиовизуальные произведения, не соответствующие возрастным возможностям зрительниц. Жестокие сцены, гиперсексуализированные образы, подробно показанное насилие или психологически тяжёлые темы могут оказывать травмирующее воздействие на неокрепшую психику.

Исследователи обращают внимание, например, на часть анимационной и аниме-продукции, рассчитанной на подростковую и взрослую аудиторию, но фактически доступной и более младшим зрителям. Включённость девушек юношеского возраста в подобный контент без предварительной подготовки и последующего обсуждения повышает вероятность тревожных реакций, искажённых представлений о сексуальности, отношении к телу и границам другого человека [5, с. 118].

Существенным фактором негативного влияния выступает искажённый медиальный образ женственности. Во многих коммерческих фильмах женская привлекательность сводится к узкому набору внешних параметров - определённым стандартам фигуры, молодости, сексуализированному стилю поведения. Подобная репрезентация усиливает риск формирования неудовлетворённости собственным телом, сниженной самооценки, неуверенности в себе. Девушки начинают сравнивать себя с недостижимыми или сильно ретушированными образами «кинозвёзд», воспринимая собственные естественные особенности как недостатки.

В связи с этим особое значение приобретает комплексный подход по формированию у девушек юношеского возраста осознанного и критического отношения к кинематографу. Можно выделить несколько ключевых направлений такой работы.

Во-первых, важно развивать медиаграмотность. Речь идёт не только о технических навыках обращения с цифровыми платформами, но прежде всего о способности анализировать содержание фильмов: различать художественный замысел и коммерческие интересы, выявлять скрытые ценностные послания, распознавать стереотипы и манипулятивные приёмы. Обсуждение просмотренных лент в семье, в школе, на занятиях по обществознанию или психологии способствует формированию у девушек привычки задавать вопросы к увиденному, а не воспринимать его как прямое руководство к действию.

Во-вторых, необходима содержательная навигация в мире кино. Родители и педагоги могут помогать подрастающему поколению ориентироваться в репертуаре, предлагая к просмотру фильмы, отличающиеся художественной глубиной и гуманистической направленностью, и одновременно ограничивая доступ к откровенно жестоким, порнографическим или пропагандирующим асоциальное поведение произведениям. Такой отбор не должен сводиться к запретам; гораздо эффективнее совместный выбор и последующее обсуждение, в ходе которого девушки учатся самостоятельно аргументировать своё

отношение к фильму.

В-третьих, важно поддерживать у подростков ясные нравственные ориентиры. Взрослым значимым фигурам следует открыто проговаривать собственное отношение к тем или иным моделям поведения, демонстрируемым в кино, объяснять основания моральной оценки, обсуждать альтернативные, более конструктивные способы решения конфликтов. Это помогает девушкам выстраивать внутреннюю систему координат, которая позволяет им не растворяться в потоке медийных посланий.

В-четвёртых, имеет смысл уделять внимание дозированию и режиму просмотра. Чрезмерное количество времени, проводимое за просмотром фильмов и сериалов, снижает возможности для реальной активности, творчества, общения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что кинематограф выступает значимым фактором, влияющим на формирование образа «Я» у девушек юношеского возраста. Он не сводится лишь к развлечению, а выполняет широкий спектр функций: с одной стороны, способствует усвоению ценностей, развитию эмоциональной сферы, формированию позитивных моделей идентичности и социальных навыков; с другой - может приводить к искажению представлений о женственности, норме поведения и межличностных отношениях, усиливать внутренние конфликты и неудовлетворённость собой. Задача взрослых - не лишать девушек доступа к кинематографу, а помогать им осваивать его как сложный культурный текст, требующий анализа и осмысления. Именно в этом случае фильмы и сериалы перестают быть источником пассивного подражания и превращаются в средство осознанного самопознания и развития.

Библиографический список

1. Николаева, А. Е. Воспитательный потенциал киноискусства для современных подростков / А. Е. Николаева, Д. М. Майорова // Молодой ученый. - 2017. - № 1.1 (135.1). - С. 82-85.

2. Мкртычева, М.С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития, 2022. - № 12. - С. 113 - 123.

3. Крыжановская, Н.В. Кино в контексте социализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения, 2022. - № 3. - С. 122-127.

4. Плотникова, С. О. Влияние киноискусства на мировоззренческие установки молодежи / С. О. Плотникова, Ю. Е. Болотин // Молодой ученый. - 2017. - № 1.1 (135.1). - С. 95-97.

5. Сидорова, Н. А. Производство кинематографа как механизм нравственного воспитания молодежи / Н. А. Сидорова // Молодой ученый. - 2023. - № 44 (491). - С. 118-120.

**Влияние технологической безработицы на социальную и экономическую
безопасность в эпоху искусственного интеллекта**

А.А.Ремизова

Научный руководитель: А.В. Новичкова

Нижегородский институт управления — филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Аннотация. Исследуется влияние технологической безработицы, индуцированной развитием искусственного интеллекта, на социальную и экономическую безопасность. Особое внимание уделяется структурным изменениям на рынке труда, включая поляризацию доходов, рост социальной напряженности и двойное давление на государственные финансы в условиях автоматизации рутинных профессий. Обоснованы направления совершенствования политики занятости, такие как образовательные реформы и этическое регулирование ИИ, для обеспечения устойчивости социально-экономической системы

Ключевые слова: технологическая безработица, искусственный интеллект (ИИ), социальная безопасность, экономическая безопасность, рынок труда, автоматизация, поляризация доходов, структурная безработица, социальная напряженность, переподготовка кадров

**The impact of technological unemployment on social and economic
security in the era of artificial intelligence**

A.A. Remizova

Scientific advisor: A.V. Novichkova

Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration"

Abstract. The article explores the impact of technological unemployment induced by the development of artificial intelligence on social and economic security. Special attention is given to structural changes in the labor market, including income polarization, increased social tensions, and double pressure on public finances due to the automation of routine professions. The article also highlights the need for improved employment policies, such as educational reforms and ethical regulation of AI, to ensure the sustainability of the socio-economic system.

Keywords: technological unemployment, artificial intelligence (AI), social security, economic security, labor market, automation, income polarization, structural unemployment, social tension, and retraining

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта трансформирует традиционные модели занятости. Автоматизация рутинных операций приводит к вытеснению человеческого труда в секторах с преобладанием алгоритмизируемых задач, что провоцирует рост технологической безработицы, усиливает социальное расслоение и создает

угрозы экономической стабильности. Цель исследования — анализ причинно-следственных связей между технологической безработицей, индуцированной ИИ, и рисками для социально-экономической безопасности. Основная проблема заключается в масштабном сокращении рабочих мест в традиционных секторах, где преобладают низкоквалифицированные специалисты, что усугубляет социальную напряженность через поляризацию доходов и снижение доступности социальных лифтов. Дополнительное давление на бюджеты возникает из-за необходимости расширения программ социальной поддержки, создавая риски фискальной неустойчивости.

Исторические корни технологической безработицы прослеживаются с индустриальной революции XVIII–XIX веков, когда механизация привела к структурным изменениям на рынке труда. Современный этап отличается переходом от автоматизации физического труда к замещению когнитивных функций. Как отмечают исследователи, «кадровые изменения, идущие рука об руку с цифровизацией, предполагают постепенное вымывание рутинного умственного труда... По мере развития возможностей искусственного интеллекта цифровые управленческие и контрольные системы будут “заходить на поле” не только рядовых специалистов, но и определенной части функциональных руководителей» [1, с.4].

Наиболее существенное воздействие ИИ испытывают профессии, связанные с рутинными операциями: обработка данных, стандартизированный анализ, шаблонные коммуникации. «Эксперты показывают, что со многими рабочими задачами, для решения которых сейчас нужны люди, способны не менее эффективно справиться роботы» [3, с.71]. К уязвимым секторам относятся логистика, бухгалтерия, колл-центры, розничная торговля, где автоматизация уже привела к сокращению рабочих мест на 15–25%. Статистика Росстата за 2020–2023 годы подтверждает устойчивый рост технологической безработицы: в транспортной логистике уровень достиг 9,3%, в обрабатывающей промышленности — 7,8%, в финансовом секторе — 5,1%.

Внедрение ИИ провоцирует структурную сегментацию рынка труда. Формируются два полюса: высокооплачиваемые специалисты по разработке и обслуживанию ИИ-систем и низкооплачиваемые работники сферы услуг, не поддающейся полной автоматизации. Средний сегмент традиционных квалифицированных профессий сокращается, усиливая поляризацию доходов и социальную стратификацию. Работники с устаревающими компетенциями сталкиваются с риском долгосрочной маргинализации.

Трудовой дислокационный стресс возникает как реакция на угрозу потери работы. У работников уязвимых профессий формируются устойчивые тревожные состояния, ведущие к психосоматическим расстройствам. Когнитивный диссонанс между требованиями цифровой экономики и имеющимися компетенциями усиливает социальную фрустрацию. «Психологически люди пред-пенсионного возраста испытывают трудности к перемене работы... Часто новые рабочие места возможны в совершенно других специальностях и прежние навыки не всегда работают» [4, с.6].

Массовая технологическая безработица создает двойное давление на государственные финансы: растут расходы на социальную поддержку, сокращается налогооблагаемая база. «Потенциальное или реальное обострение социальной напряженности вынуждает политиков увеличивать социальные

выплаты... Финансирование осуществляется за счет повышения налогов или государственных заимствований, что в некоторых случаях ведет к увеличению процентных ставок в экономике» [2, с.5]. Возникает парадокс: рост производительности от внедрения ИИ не трансформируется в пропорциональное увеличение ВВП из-за снижения потребительского спроса со стороны высвобождаемых работников.

В России программы переподготовки кадров ориентированы на устранение структурных дисбалансов. Ключевым инструментом стала Стратегия цифровой экономики (2017), направленная на «подготовку кадров к новым условиям посредством программ повышения квалификации и переподготовки, а также развития новых образовательных инициатив в сфере информационных технологий» [5, с.240]. Законодательная база в сфере ИИ развивается с учетом этических требований: Национальные стандарты ИИ (2021) закрепляют принципы прозрачности алгоритмов и недискриминации, в том числе в системах подбора персонала. Развиваются экспериментальные модели занятости — фриланс-платформы с социальными гарантиями, исследуются перспективы безусловного базового дохода.

Проведенный анализ подтверждает, что экспансия ИИ приводит к структурной трансформации рынка труда, создавая системные риски для социальной стабильности и экономической безопасности. Социальные последствия проявляются в поляризации доходов и росте психологической напряженности, фискальные — в дисбалансе бюджетов при сокращении налогооблагаемой базы. Смягчение негативных эффектов требует синхронизации образовательных реформ, этического регулирования ИИ и развития альтернативных форм занятости на основе межсекторального сотрудничества государства, бизнеса и науки.

Библиографический список

1. Жулин А.Б., Кузьминов Я.И., Дмитриева Н.Е. и др. Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих. — М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

2. Капустина Н.В. Влияние неравенства доходов на экономический рост и социальную стабильность: региональные и отраслевые перспективы // Вестник евразийской науки. — 2024. — №4. — С. 1–5.

3. Ляшок В.Ю., Малева Т.М., Лопатина М.В. Влияние новых технологий на рынок труда: прошлые уроки и новые вызовы // Экономическая политика. — 2020. — №4. — С. 62–87.

4. Рожкин А.В. Психологические аспекты трудоустройства квалифицированных специалистов // Мировые цивилизации. — 2020. — №3. — С. 1–5.

5. Ташенов А.М. Влияние автоматизации и искусственного интеллекта на международный рынок труда в условиях цифровизации // Московский экономический журнал. — 2024. — №7. — С. 223–227.

Особенности профессионального эмоционального выгорания в различных профессиях (на примере местного и приезжего населения города Норильск)

А.А. Ретюнская

Научный руководитель: Г.Г. Дулинец

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. Статья посвящена изучению профессионального эмоционального выгорания у лиц, работающих и проживающих в Арктической зоне. Проведено исследование с помощью опросника на профессиональное эмоциональное выгорание MBI под редакцией Маслач К. и Джексон С., в адаптации Н.Е. Водопьяновой. В ходе исследования были выявлены различия у двух групп населения: пришлое и местное население по уровню эмоционального выгорания среди различных профессий

Ключевые слова: профессиональное эмоциональное выгорание, Арктика, сотрудники, синдром

Features of professional emotional burnout in various professions (on the example of local and arrived population of the city of Norilsk)

A.A. Retyunskaya

Scientific supervisor: G.G. Dulinets

Autonomous non-profit organization of higher education
Siberian Institute of Business, Management and Psychology

Abstract. The article is devoted to the study of professional emotional burnout among people working and living in the Arctic zone. A study was conducted using the MBI questionnaire on professional emotional burnout, edited by Maslach K. and Jackson S., adapted by N.E. Vodopyanova. The study revealed differences between two population groups: the migrant population and the local population, in terms of the level of emotional burnout among various professions

Keywords: professional emotional burnout, Arctic, employees, syndrome

В условиях стремительного развития Арктической зоны особенно актуально привлечение специалистов различных профессий из других городов. Несмотря на большое предложение вакантных мест, стоит учитывать не только привлекательное денежное вознаграждение за профессиональные услуги, но и особенности местности Крайнего Севера. Так как суровые климатические условия могут повлиять на уровень эмоционального профессионального выгорания.

По данной теме существует небольшое количество публикаций, но большинство из них посвящено связи с другими сферами. Однако комплексные исследования, посвящённые сравнению уровня выгорания между пришедшим и местным населением, практически отсутствуют. Например, синдром полярного напряжения изучал В.П. Казначеев, он сформулировал и описал этот синдром на основе многочисленных исследований мигрантов, приехавших в Заполярья во второй половине XX века [4]. Также, В.И. Хаснулин внес значительный вклад в изучение синдрома полярного напряжения [6].

Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки профилактических мер для снижения уровня эмоционального профессионального выгорания, а также соответствовать современным требованиям рынка труда.

Исследование профессионального эмоционального выгорания у лиц, работающих и проживающих в Арктической зоне, реализовано в период с 17 марта по 18 апреля 2025 года.

Изучение проблемы состояло из разработки методологии исследования и оценке уровня эмоционального выгорания среди местного населения и приезжих в городе Норильске (Арктическая зона).

По результатам проведенной работы были сформулированы выводы и подготовлены заключения, отражающие основные итоги исследования.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что уровень профессионального эмоционального выгорания у приезжих жителей выше, чем у коренного населения.

Данная гипотеза раскрывается через следующие частные предположения: особенности эмоционального выгорания пришлого населения проявляются в остром переживании психотравмирующих факторов, выраженной эмоциональной отстраненности, общем истощении организма [1].

Синдром полярного напряжения – специфическая форма хронического психоэмоционального напряжения у пришлого населения Крайнего Севера.

Некоторые причины развития синдрома:

1. Экстремальные природно-климатические условия. Резкие колебания атмосферного давления, низкие температуры, короткое дождливое лето, полярная ночь и другие факторы.

2. Транспортная изолированность населённых пунктов и отсутствие сельского хозяйства. Это приводит к высокому уровню цен на продукты питания и их низкому качеству.

3. Отсутствие привычной культурно-досуговой среды [6].

При подборе респондентов учитывался: вид трудовой деятельности (офисная, медицинская, педагогическая, рабочая, творческая, сфера услуг), возраст респондентов от 18 лет и выше 40, все участники исследования мужчины и женщины, проживающие и работающие в Арктической зоне от нескольких месяцев до 15 лет, и выше, из них – 54.46% местное население и 45.54 % приезжих.

В исследовании приняло участие 101 человек, из них 74 женщин и 27 мужчин. Профессиональная деятельность в процентном соотношении респондентов связана с 37,62 % офисных сотрудников, 27,72 % рабочих специальностей, 21,78 % сотрудников сферы обслуживания, 9,9 % педагогических профессий, 2,97 % медицинских работников.

Эмпирическое исследование особенностей синдрома профессионального эмоционального выгорания проводилось с использованием опросника на профессиональное эмоциональное выгорание МВІ под редакцией Маслач К. и Джексон С., в адаптации Н.Е. Водопьяновой [2].

Респондентов разделили на две группы, где группа 1 – это местное население, а группа 2 – это приезжее население. Для обработки полученных эмпирических данных использован U-критерий Манна-Уитни.

Проведенный анализ данных, полученных в результате эмпирического

исследования, степени выраженности и распространенности синдрома выгорания по методике МВІ (в адаптации Н.Е. Водопьяновой) представлен в таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнения симптомов синдрома выгорания по методике МВІ (адаптация Н.Е. Водопьяновой)

Показатель	Группа	Средний ранг	Сумма рангов	Uэмп.	p
Эмоциональное истощение	1	58.41	3212.5	916.5	<0.05
	2	43.42	1997.5		
Деперсонализация	1	46.15	2538.5	998.5	>0.05
	2	58.08	2671.5		
Редукция личностных достижений	1	50.15	2758.5	1218.5	>0.05
	2	53.27	2450.5		

Результаты исследования эмоционального истощения по методике МВІ в адаптации Н.Е. Водопьяновой представленные ниже на Рис.1 показали, что, уровень эмоционального истощения у Группы 2 выше, чем у Группы 1. В Группе 2 уровень эмоционального истощения у 6,52% низкий, у 60,87% высокий. Уровень эмоционального истощения в Группе 1 у 21,82% низкий, у 49,09% высокий:

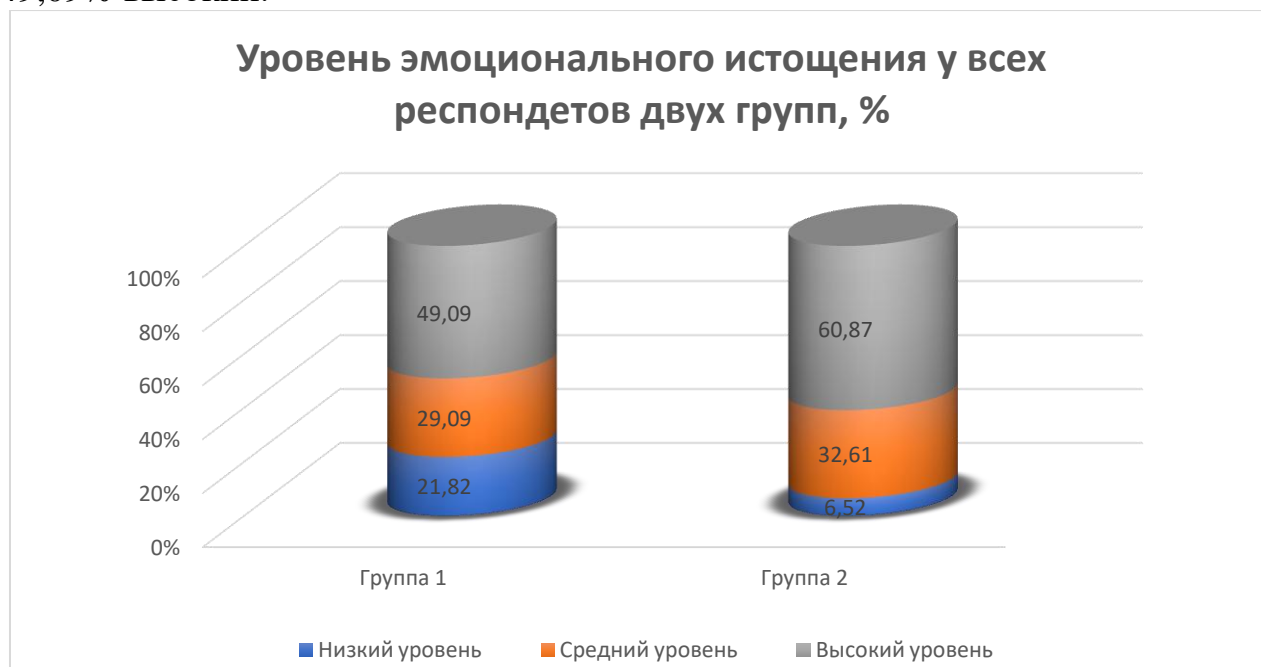

Рис. 1 Уровни эмоционального истощения у двух групп, %

В Группе 2 высокий уровень эмоционального истощения наблюдается у 28 респондентов среди них 35,71% офисные сотрудники, 28,57% сотрудники сферы услуг, 21,43% сотрудники рабочих профессий, 10,71% педагоги, 3,57% медицинский работник (Рис.2).

Рис. 2 Высокий уровень эмоционального истощения по профессии в Группе 2

В Группе 1 высокие показатели эмоционального истощения были отмечены у людей следующих профессий (Рис.3).

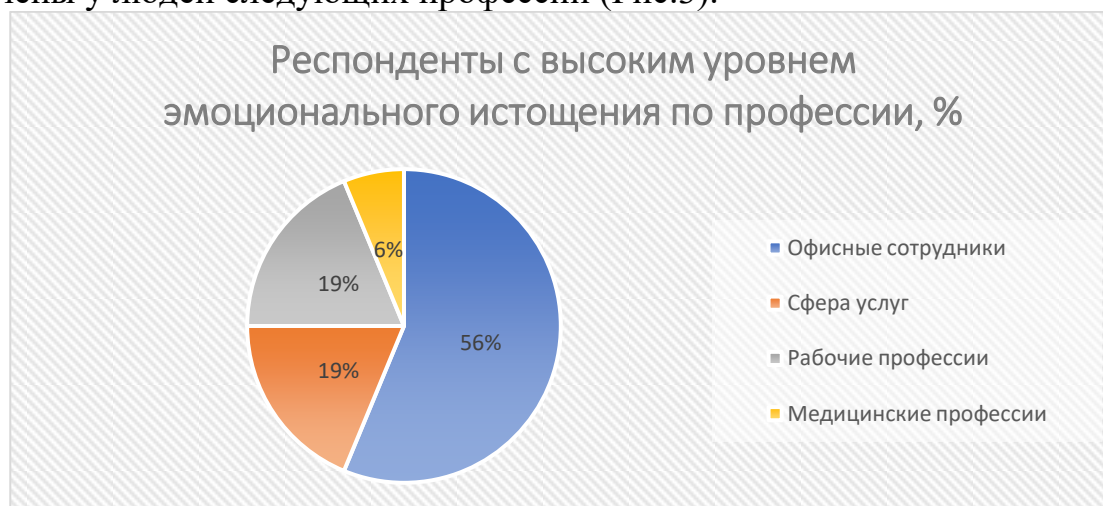

Рис.1 Высокий уровень эмоционального истощения по профессии в Группе 1

В Группе 1 высокий уровень эмоционального истощения наблюдается у 16 респондентов, офисные сотрудники 56,25%, 18,75% сотрудники сферы услуг, 18,75% сотрудники рабочих профессий, 6,25% медицинские работники.

Результаты исследования деперсонализации по методике МВІ в адаптации Н.Е. Водопьяновой представленные ниже на Рис.4 показали, что, в Группе 1 у 23,64% респондентов уровень деперсонализации низкий, у 38,18% средний уровень и у 38,18% высокий.

В Группе 2 высокий уровень деперсонализации наблюдается у 43,48% респондентов, средний уровень у 39,13%, низкий уровень у 17,39%.

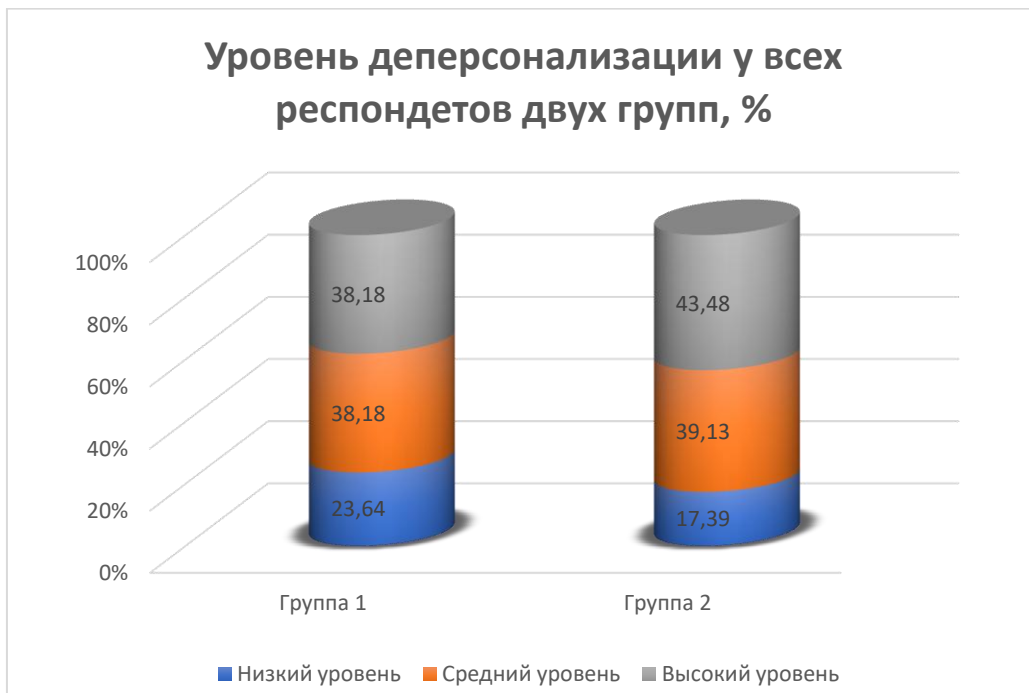

Рис.2 Уровень деперсонализации у двух групп, %

В Группе 1 высокий уровень деперсонализация наблюдается у 21 респондентов, среди них 47.62% офисные сотрудники, 23,81% сотрудники сферы услуг, 19,05% сотрудники рабочих профессий, 4,76% педагоги, 4.76% медицинские работники (Рис.5).

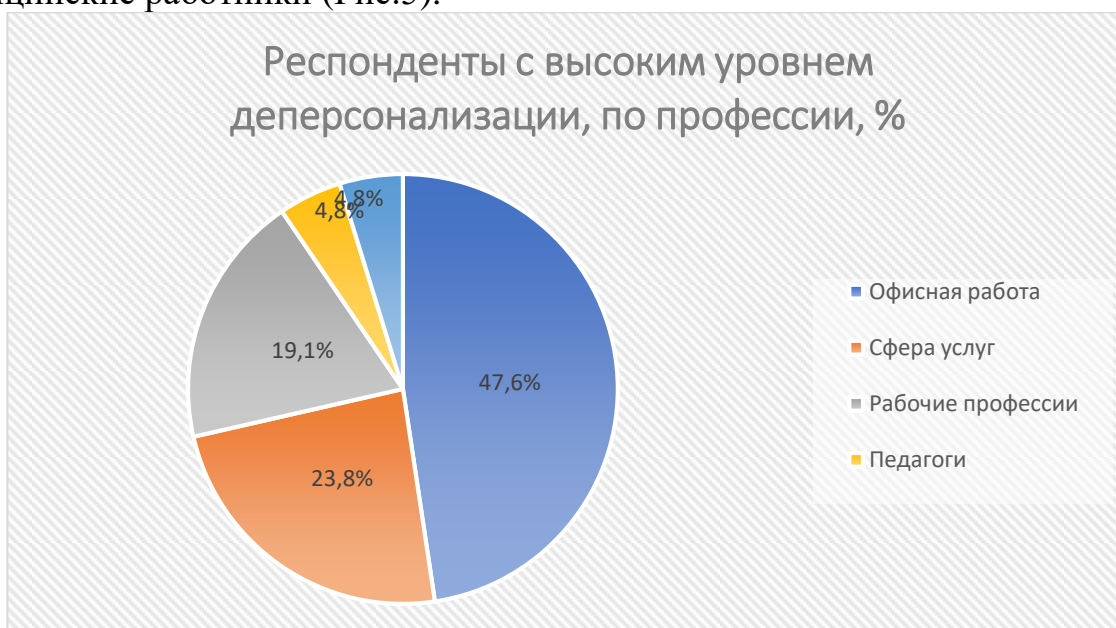

Рис.3 Высокий уровень деперсонализации по профессии в Группе 1

В Группе 2 высокий уровень деперсонализация наблюдается у 20 респондентов, среди них 35% сотрудники сферы услуг, 25% офисные сотрудники, 20% сотрудники рабочих профессий, 15% педагоги, 5% медицинские работники (Рис. 6).

Рис.4 Высокий уровень деперсонализации по профессии в Группе 2

Результаты исследования редукции личностных достижений по методике МВІ в адаптации Н.Е. Водопьяновой представлены ниже на Рис. 7 показали, что, в Группе 1 у 49,09% респондентов уровень деперсонализации высокий, у 36,36% средний уровень и у 14,54% низкий уровень.

В Группе 2 высокий уровень деперсонализации наблюдается у 47,82% респондентов, средний уровень у 39,13%, низкий уровень у 13,04%.

Рис.7 Уровень редукции личностных достижений у двух групп, %

В Группе 1 высокий уровень деперсонализация наблюдается у 27 респондентов, среди них 37,04% офисные сотрудники, 29,63% сотрудники сферы услуг, 29,63% сотрудники рабочих профессий, 3,7% педагоги (Рис.8).

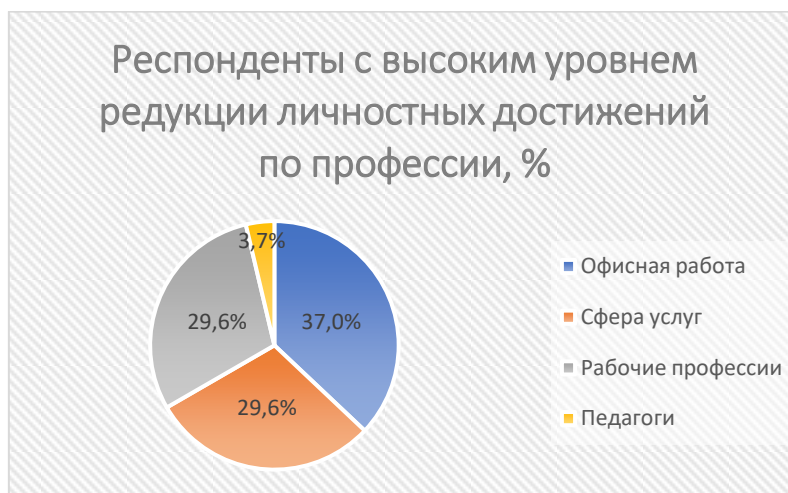

Рис. 8 Высокий уровень редукции личностных достижений, по профессии в Группе 1

В Группе 2 высокий уровень деперсонализация наблюдается у 22 респондентов, среди них 54,55% офисные сотрудники, 22,73% сотрудники сферы услуг, 13,64% сотрудники рабочих профессий, 4,55% педагоги, 4,55% медицинский работник (Рис. 9).

Рис. 9 Высокий уровень редукции личностных достижений, по профессии в Группе 2

Проведенное исследование профессионального выгорания среди сотрудников, работающих в Арктической зоне, с использованием методики МВИ в адаптации Н.Е. Водопьяновой позволило выявить ключевые различия и закономерности между группами приезжих сотрудников (Группа 2) и местного населения (Группа 1). Основные результаты и их интерпретация:

Ключевые выводы:

1. Эмоциональное истощение (ЕЕ):

У приезжих сотрудников (Группа 2) уровень эмоционального истощения значимо выше (60,87%), чем у местного населения (Группа 1) – на 11,78%. Это свидетельствует о том, что адаптация к условиям Арктической зоны, удаленность от привычной среды и повышенные профессиональные нагрузки способствуют развитию переутомления, апатии и эмоциональной опустошенности у приезжих.

2. Деперсонализация (DP):

У 43,48% приезжих сотрудников отмечается сформированность деперсонализации, что проявляется в формализации отношений с коллегами.

Однако статистически значимых различий между группами не выявлено. Это позволяет предположить, что факторы, влияющие на деперсонализацию (например, профессиональная изоляция или стресс), действуют в обеих группах схожим образом.

3. Редукция личностных достижений (РА):

Высокий уровень редукции личностных достижений зафиксирован в обеих группах: 49,09% (местное население) и 47,82% (приезжие). Это указывает на общую тенденцию к снижению веры в собственные профессиональные компетенции и способность решать рабочие задачи, что может быть связано с экстремальными условиями труда в Арктике [3].

4. Статистический анализ (U-критерий Манна-Уитни): значимые различия между группами обнаружены только по шкале эмоционального истощения ($*p* < 0.05$), что подтверждает его роль как основного маркера различий в профессиональном выгорании. Отсутствие различий по шкалам DP и РА требует учета дополнительных факторов (стаж работы, социальная поддержка, индивидуальные копинг-стратегии) для углубленного анализа.

Исследование выявило, что приезжие сотрудники в Арктической зоне в большей степени подвержены эмоциональному истощению. При этом деперсонализация и редукция личностных достижений являются общими проблемами для всех работников региона, независимо от их происхождения. Это подчеркивает необходимость разработки дифференцированных мер профилактики:

- для приезжих сотрудников – программы психологической адаптации, снижения стрессовой нагрузки, организации комфортных условий проживания;
- для всех работников – тренинги по укреплению профессиональной самооценки, создание системы поддержки внутри коллективов, мониторинг эмоционального состояния [5].

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы HR-службами компаний, работающих в Арктике, для разработки профилактических программ и улучшения условий труда, что способствует сохранению психического здоровья сотрудников и повышению их профессиональной эффективности [7].

Библиографический список

1. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб : Сударыня, 1999. – 28 с.
2. Водопьянова, Н. Е. Психология управления персоналом. Психическое выгорание : учебник для вузов / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 299 с
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : практическое пособие / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 299 с
4. Казначеевские чтения : Сборник докладов межрегиональной научно-практической конференции «Синдром полярного напряжения», Новосибирск, 15 декабря 2008 года / Общая редакция: академик В. П. Казначеев. Том 3.2008. – Новосибирск: ООО «Архивариус-Н», 2008. – 193 с. – EDN TUPDVL.
5. Константинов, В. В. Профессиональная деформация личности : учебник для вузов / В. В. Константинов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва

:Юрайт, 2025. – 186 с.

6. Хаснулин В. И., Хаснулин П. В. Современные представления о механизмах формирования северного стресса у человека в высоких широтах // Экология человека. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-predstavleniya-o-mehanizmah-formirovaniya-severnogo-stressa-u-cheloveka-v-vysokih-shirotah> (дата обращения: 01.04.2026).

7. Чувашова, И. А. Экзистенциальное выгорание как психологическое явление и его психодиагностика / И. А. Чувашова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2022. – Т. 1, № 17. – С. 75-85.

ББК 75.1

Мониторинг психомоторных реакций юных волейболистов с использованием цифровых технологий

А.А. Ржанов

ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет»
МБУ СШОР «Ангара»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мониторинга психомоторных реакций юных волейболистов с применением цифровых технологий. Обоснована их роль в повышении точности оценки сенсомоторных показателей и эффективности тренировочного процесса

Ключевые слова: психомоторные реакции, юные волейболисты, цифровые технологии, мониторинг, зрительно-моторная координация, спортивная подготовка

Monitoring of psychomotor reactions of young volleyball players using digital technologies

A.A. Rzhanov

Angarsk State Technical University
Sports School of Olympic Reserve “Angara”

Abstract. The article examines the monitoring of psychomotor reactions of young volleyball players using digital technologies. Their role in improving the accuracy of sensorimotor assessment and the effectiveness of the training process is substantiated.

Keywords: psychomotor reactions, young volleyball players, digital technologies, monitoring, visual-motor coordination, sports training

Современный волейбол предъявляет повышенные требования к уровню психофизиологической подготовки спортсменов, особенно к скорости реакции и точности выполнения двигательных действий. В условиях высокой динамики игры и ограниченного времени на принятие решений особую значимость приобретает развитие и контроль психомоторных способностей.

На этапе начальной спортивной специализации (11–12 лет) формируются базовые элементы технической и тактической подготовки. В этот период уровень сенсомоторного развития во многом определяет успешность освоения игровых навыков. Способность быстро воспринимать и перерабатывать

информацию, а также точно выполнять двигательные действия становится важнейшим фактором эффективности игровой деятельности.

Цель исследования заключается в обосновании значимости мониторинга психомоторных реакций юных волейболистов и выявлении его влияния на качество спортивной подготовки.

Исследование проводилось на базе МБУ СШОР «Ангара» (г. Ангарск) с участием спортсменов 11–12 лет. В работе применялись методы педагогического наблюдения и экспериментального тестирования с использованием цифровых технологий.

Мониторинг включал оценку скорости зрительно-моторной реакции, точности двигательных действий и способности к реагированию на изменяющиеся внешние условия. Применение цифровых инструментов позволило фиксировать показатели с высокой точностью и обеспечило объективность полученных данных.

Анализ результатов показал, что уровень психомоторного развития оказывает существенное влияние на качество выполнения технических элементов и принятие тактических решений. Спортсмены с более высокой скоростью реакции демонстрировали лучшую координацию движений и меньшую вероятность ошибок в игровых ситуациях.

Установлено, что систематический мониторинг позволяет отслеживать динамику развития психомоторных способностей и своевременно корректировать тренировочный процесс. Это способствует повышению эффективности подготовки и снижению риска перегрузок.

Таблица 1. Результаты оценки зрительно-моторной реакции юных волейболистов (11–12 лет)

Группа спортсменов	Среднее время реакции, мс	Точность действий, %	Кол-во успешных действий / 10 попыток
Высокий уровень (n=10)	220 ± 15	92 ± 3	9,2 ± 0,5
Средний уровень (n=12)	270 ± 20	84 ± 5	8,4 ± 0,6
Низкий уровень (n=8)	320 ± 25	75 ± 6	7,5 ± 0,7

Примечание: время реакции фиксировалось в миллисекундах; точность определялась по количеству правильно выполненных действий.

Полученные данные подтверждают, что высокий уровень развития психомоторных качеств способствует более эффективной игровой деятельности. Такие спортсмены быстрее ориентируются в игровой ситуации, точнее выполняют технические действия и принимают более обоснованные решения.

Использование цифровых технологий в процессе мониторинга позволяет повысить объективность оценки, а также обеспечивает возможность индивидуализации тренировочного процесса. Это особенно важно при работе с юными спортсменами, так как позволяет учитывать их индивидуальные особенности развития.

Выводы

1. Мониторинг психомоторных реакций является важным элементом

подготовки юных волейболистов.

2. Уровень сенсомоторного развития напрямую влияет на качество технических и тактических действий.

3. Применение цифровых технологий повышает точность диагностики и эффективность тренировочного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов при планировании тренировок и разработке упражнений, направленных на развитие реакции, координации и двигательной точности.

Библиографический список

1. Ржанов, А. А. Развитие психомоторных способностей юных волейболистов в условиях тренировочного процесса / А. А. Ржанов // Сахалинский гуманитарный журнал. – 2025. – № 3. – С. 59–63.

2. Ржанов, А. А. Показатели психомоторных способностей юных волейболистов / А. А. Ржанов // Психология и педагогика: история и современность : сб. науч. ст. – Ульяновск, 2025. – С. 40–42.

3. Singh, B., Singh, J. Relationship of psychomotor abilities in relation to selected sports skill in volleyball // Science Journal of Education. – 2016. – Vol. 4, № 2. – P. 27–31.

4. Yaroshenko, V. O., Mavliev, F. A., Baranova, S. N. Особенности физического состояния и психомоторных способностей у волейболистов сидя // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2025. – № 5. – С. 229–234.

5. Mroczek, D., Kawczyński, A., Superlak, E. et al. Psychomotor performance of elite volleyball players during a game // Perceptual and Motor Skills. – 2013. – Vol. 117, № 3. – P. 801–810.

ББК 74.5

Интеграция систем искусственного интеллекта в практическую деятельность специалиста коррекционного профиля

А.В. Рудакова

учитель-логопед КГБОУ «Красноярская школа № 7»

С.А. Перепёлкина

педагог-психолог МБДОУ № 72 «Дельфиненок»

Аннотация. В статье рассмотрены возможности применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в профессиональной деятельности специалиста коррекционной сферы. Приведен алгоритм использования ИИ при создании методических материалов для проведения коррекционно-педагогической работы

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, методические материалы, коррекционная работа

Integration of artificial intelligence systems into the practical activities of a specialist in the correctional field

A. Rudakova

speech therapist teacher of "Krasnoyarsk School №7"

S. Perepyolkina

Annotation. The article discusses the possibilities of using artificial intelligence (AI) technologies in the professional activities of a specialist in the field of correction. The article presents an algorithm for using artificial intelligence in creating methodological materials for correctional and pedagogical work

Keywords: artificial intelligence technologies, methodological materials, correctional work

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) открывает широкие возможности их применения в инклюзивном образовании. При этом, несмотря на очевидный потенциал применения технологий ИИ в коррекционно-развивающей работе, научных публикаций, посвященных указанной теме, на сегодняшний день крайне мало.

В рамках работы над статьей были проведены беседы с педагогами коррекционной сферы (учителя-логопеды, педагоги-психологи и другие) об использовании технологий ИИ в их профессиональной деятельности. Анализ показал, что ряд педагогов не обладают информацией о возможностях применения ИИ, некоторые опасаются внедрять в работу с детьми мало изученные технологии. Таким образом, проблема заключается в необходимости методологического обоснования и освещения возможностей применения систем ИИ в работе специалистов коррекционного профиля как вспомогательного инструмента.

Разные направления коррекционно-педагогической работы имеют свои уже сложившиеся классические методики. Однако, очень часто, для повышения эффективности коррекционной работы требуется разработка индивидуального плана сопровождения, индивидуальных заданий и прочих дополнительных материалов, что в условиях ограниченного времени педагога становится затруднительным. Кроме того, может возникнуть необходимость в многократном повторении упражнений, применении игровой формы подачи материала, что также становится трудновыполнимой задачей в рамках традиционных подходов [6]. ИИ обладают рядом возможностей, способных трансформировать уже сложившуюся практику психолого-педагогического сопровождения.

Прежде чем перейти к рассмотрению возможностей ИИ, определимся с основными понятиями. Согласно национальному стандарту РФ, определяющему понятийный аппарат в области искусственного интеллекта ГОСТ Р 71476-2024, ИИ представляет собой «область науки и техники, рассматривающая технические системы, которые порождают такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора, поставленных человеком задач» [1]. Иными словами, ИИ – это обобщающее понятие, включающее в себя такие реализующие элементы, как системы ИИ, технологии ИИ, методы ИИ и другие.

Говоря о программных продуктах (например, ChatGPT, Kandinsky, YandexGPT), то есть конкретном инструментарии для решения определенных задач, корректнее использовать термин «системы ИИ».

В случае описания совокупности методов и подходов к деятельности, используется термин «технологии ИИ», что согласуется с определением в

национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019) как совокупности технологий, «включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта» [5].

Так как практическая реализация применения ИИ неразрывно связывает технологии и системы ИИ в единый цифровой инструментарий педагога, далее будем использовать общий термин «искусственный интеллект (ИИ)», без конкретизации «система» или «технология», если иное не требуется по контексту.

Проанализировав научные работы по указанной тематике [2, 4] выделили направления, в которых ИИ может существенно облегчить работу специалиста:

– Автоматизация диагностики. Системы ИИ, оснащенные алгоритмами распознавания речи, позволяют автоматизировать сбор и первичная обработка речевого анамнеза: проводить фонетический анализ речи ребенка, выявить нарушения звукопроизношения, темпоритмических и интонационных особенностей. Также посредством ИИ можно проводить анализ письменных работ учащихся для быстрого выявления маркеров акустической и/или оптической дисграфии. В работе педагога-психолога ИИ позволяет проводить обработку данных наблюдений, первичный анализ ответов по диагностическим методикам, автоматическое выявление маркеров тревожности, агрессии, дефицита внимания.

– Индивидуализация коррекционной программы. На основе анализа данных о каждом ребенке ИИ может разработать программу индивидуальных комплексов упражнений, учитывающих особенности ребенка, динамику его развития.

– Разработка и подбор методических материалов. Системы ИИ позволяют создавать задания, дидактические игры, тексты, картинки, мнемотаблицы и другой необходимый методический материал. Это значительно экономит время педагога.

– Мониторинг и оценка динамики. ИИ позволяет отслеживать прогресс ребенка, формировать отчеты для родителей и администрации.

– Виртуальные ассистенты и тренажеры. Системы ИИ позволяют создавать голосовых помощников для самостоятельной коррекционной работы детей вне занятий.

По результатам бесед с педагогами, наиболее интересным направлением применения ИИ было признано создание методических материалов. Традиционная подготовка таких материалов, предполагающая подбор текстов, составление упражнений, оформление наглядных пособий отнимает много времени. Применение ИИ в этом направлении позволит не только снизить нагрузку на педагога, но и будет способствовать повышению качества психолого-педагогической помощи за счет многообразия и персонализации методических материалов.

Системы искусственного интеллекта способны:

– Генерировать тексты, изображения с заданным набором звуков, словарным запасом и грамматическими конструкциями, соответствующими возрасту и уровню развития учащихся.

– Создавать индивидуальные карточки с упражнениями с учетом

особенностей каждого ребенка.

– Адаптировать дидактические материалы под конкретные задачи коррекционной работы (например, развитие фонематического слуха, расширение словарного запаса), а также интересы учащегося.

– Создавать интерактивные задания для цифровых платформ, повышая тем самым мотивацию детей и делая занятия более увлекательными. Увлеченность ребенка является важной частью коррекционной работы, и может быть достигнута внедрением элементов геймификации.

В ходе опроса педагогов часть респондентов указала на наличие определенного разочарования в использовании систем ИИ. Основной причиной указывалось несоответствие полученных результатов профессиональным требованиям и специфике их работы. Анализ ответов показал, что низкое качество генерируемого материала чаще всего связано не с трудностью применения систем ИИ, а с некорректной постановкой задачи со стороны пользователя.

Эффективность взаимодействия с ИИ напрямую зависит от исходного запроса (промпта). Отсутствие четко сформулированных параметров приводит к генерации универсальных и методически слабых решений, что дискредитирует потенциал ИИ [3]. Следовательно, становится важным развитие навыков промпт-инжиниринга у педагогов коррекционной сферы.

Специалисты промпт-инжиниринга приводят разные формулы создания промптов, помогающих структурировать запрос:

– Простая модель. Предполагает задание команды без дополнительного контекста. Структура: [Действие] + [Объект]. Например, напиши текст для автоматизации звука [Р] в словах. В данном случае результат будет очень общим и, скорее всего, потребует доработки.

– Промпт с контекстом. Необходимо задать пример того, что нужно получить. Структура: [Контекст/Пример] + [Инструкция]. Например, по представленному примеру чистоговорки для звука [Ш]: «Ша-ша-ша – мама моет малыша», напиши похожую чистоговорку для звука [Ж]. Качество результата будет выше, так как у модели есть образец для подражания.

– Промпт с ролевой настройкой. Эта формула предполагает указания определенной роли или профессии, чтобы ограничить рамками заданной экспертизы и использовать соответствующую лексику. Структура: [Роль] + [Задача] + [Контекст/Аудитория] + [Параметры]. Специалистами указывается, что данная формула промпта дает наиболее качественный результат, генерирует ответ, который выглядит профессионально, корректно использует терминологию и учитывает специфику деятельности разработчика промпта.

Приведем алгоритм составления промпта с ролевой настройкой на примере деятельности педагога-логопеда:

Шаг 1. Определение роли. Укажите роль / профессию и уровень экспертизы составления ответа. Это задаст тон и уровень профессионализма. Пример: «Ты – опытный педагог-логопед с 10-летним стажем работы в начальной школе».

Шаг 2. Формулировка конкретной задачи. Опишите результат, используя глаголы-действия: «напиши», «составь», «сгенерируй» и другие. Пример: «Составь комплекс артикуляционной гимнастики».

Шаг 3. Описание целевой аудитории. Это критически важный пункт для

логопеда. Нужно указать возраст, класс и специфику детей. Пример: «Для ученика 1-го класса» или «Для детей 6–7 лет с дислалией».

Шаг 4. Описание технических параметров. Укажите все детали, которые имеют ключевое значение для вашей задачи. Например, для текстов/чистоговорок можно указать конкретные звуки, их позицию в слове, длину текста. Для упражнений: количество заданий, сложность, необходимость использования картинок. Для игр: описание правил, количество участников, необходимые материалы.

Шаг 5. Описание формата вывода. Укажите, в каком виде должен быть выведен результат. Пример: «В виде таблицы с двумя столбцами: "Задание" и "Инструкция для ребенка"» или «В виде списка из 5 пунктов».

Шаг 6. Описание ограничений. Укажите что ИИ делать не следует. Пример: «Без использования слов со звуком [Р]» или «Используй только простые предложения».

В итоге пример готового промта может выглядеть следующим образом: «Ты – опытный педагог-логопед с 10-летним стажем работы. Задача: составь комплекс из 5 упражнений для автоматизации звука [Л] в слогах и словах. Аудитория: ученик 2-го класса, который заменяет звук [Л] на [В]. Параметры: упражнения должны быть игровыми, чтобы удерживать внимание ребенка. Используй слова: лак, лапа, луна, ложка. Формат: представь ответ в виде нумерованного списка. Ограничения: не используй слова со стечением согласных в начале слова (например, глаза)».

В зависимости от полученного результата промпт можно дополнять. Специалисты по промпт-инжинирингу приводят следующие советы по улучшению:

– Итеративность. Если ответ не устроил, стоит отредактировать промпт, а не переписывать заново. Например, «Добавь еще одно упражнение на дифференциацию звуков [Л]-[Р]».

– Декомпозиция задачи. Разбивание сложных задач на последовательность более простых подсказок.

– Использование примеров. Применяйте подсказки, основанные на примерах, например, «Стиль текста должен быть как в примере ниже...» и вставить образец.

– Запрос на уточнение деталей. Чтобы ИИ мог выяснить точные детали и требования, можно задать запрос на уточняющие вопросы. Система ИИ будет задавать вопросы до тех пор, пока у нее не будет достаточно информации, чтобы предоставить необходимый результат. Например, «С этого момента я хотел бы, чтобы мне задавали вопросы, чтобы...».

– Запрос объяснения. Если нужен не просто материал, а обоснование, можно добавить запрос, на объяснение выданного результата. Например, «После выполнения задания объясни, на развитие каких речевых функций оно направлено».

В заключении хотелось бы отметить, что вопросы о внедрении ИИ в образование уже перешли от обсуждения его теоретической пользы к практической необходимости. Преобладающей становится точка зрения об острой потребности в разработке методологической базы, которая обеспечит органичное и эффективное включение ИИ в педагогический процесс в целом и коррекционную работу в частности. Использование ИИ в работе педагогов

коррекционной сферы становится насущной необходимостью для индивидуализации и повышения эффективности коррекционно-развивающей работы. Так же хотелось бы отметить, ИИ не заменяет специалиста, но он может применяться как эффективный конструктор методических материалов, что позволит специалисту тратить время не на рутинный поиск картинок и составление таблиц, а на живое общение с ребенком и тонкую настройку коррекционного воздействия.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 71476—2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Искусственный интеллект. Концепции и терминология. – Введ. 2024—03—01. – Москва : Российский институт стандартизации, 2024. – IV, 33 с.

2. Захарова Ю. П. Логопед-дефектолог в эпоху искусственного интеллекта: возможности и ограничения автоматизированных систем диагностики речевых нарушений / Ю. П. Захарова // Педагогическая антропология. – 2026. – № 1. – С. 66-70.

3. Лукинский И. С. Промт-инжиниринг в образовательном процессе и научной деятельности / И.С. Лукинский, И.А. Горшенева // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 4. – С. 148-154.

4. Мищенко Л. И. Использование технологии взаимодействия обучающихся с искусственным интеллектом как инновационная форма работы учителя-дефектолога и логопеда / Л. И. Мищенко, М. С. Иванова // Инклюзия в образовании. – 2022. – Т. 7, № 4(28). – С. 160-168.

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ № 490 от 10.10.2019.

6. Романова А. А. Цифровая трансформация логопедической помощи: возможности и риски / А. А. Романова // Психологическая наука и образование. - 2022. - Т. 27. - № 3. - С. 68-81.

ББК 67.410.2

Презумпция невиновности в уголовном процессе в цифровой эпохе: вызовы и пути решения

М.П. Рудько

Научный руководитель: С.Г. Хасанова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Адыгейский государственный университет»

Аннотация. В статье анализируется влияние медиасреды и социальных сетей на реализацию принципа презумпции невиновности в цифровую эпоху. Рассматриваются феномены «суда медиа» и «культуры отмены», приводятся примеры из судебной практики. Предлагаются законодательные меры по защите прав обвиняемых от преждевременного публичного осуждения

Ключевые слова: презумпция невиновности, суд медиа, цифровая эпоха, уголовный процесс, социальные сети, свобода слова

**The presumption of innocence in the digital age: how the media environment
affects criminal proceedings**

M.P. Rudko

Scientific supervisor: S.G. Khasanova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Adyghe State University»

Abstract. The article examines the impact of media and social networks on the implementation of the presumption of innocence in the digital age. The phenomena of «media trial» and «cancel culture» are analyzed, with examples from judicial practice. Legislative measures are proposed to protect the rights of the accused from premature public condemnation

Keywords: presumption of innocence, media trial, digital age, criminal procedure, social networks, freedom of speech

Презумпция невиновности - это один из краеугольных камней уголовного процесса. Она прямо закреплена в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1; 2]. Её смысл достаточно прост и понятен: пока в законном порядке не будет доказана виновность и вынесен обвинительный приговор, лицо считается невиновным. Но в эпоху цифрового развития эта незыблемая гарантия справедливого исхода сталкивается с новыми проблемами.

Новые технологии привели к глобальным изменениям в медиасреде. Одним из таких изменений является феномен «суда медиа». Социальные сети, онлайн-СМИ и блоги формируют общественное мнение об участниках уголовных дел, нередко используя эмоционально окрашенные формулировки и публикуя сведения, полученные из неофициальных источников. Как отмечается в современных исследованиях, чрезмерное освещение уголовных дел в СМИ угрожает презумпции невиновности, подрывает независимость судей и оказывает психологическое давление на участников процесса [5].

Особое внимание в этом вопросе заслуживает то, что многие журналисты и уж тем более блогеры не попадают напрямую под действие уголовно-процессуальных норм и из-за этого ошибочно считают, что презумпция невиновности их никак не ограничивает, так как она связана только с участниками уголовного процесса. В результате их действий и слов в информационном поле формируется устойчивый образ «виновного», который даже после оправдательного приговора остаётся в сознании общества и оправданный человек навсегда останется в его глазах «тем, кого оправдали за недостатком улики», а не невиновным, что является прямым нарушением духа закона.

Анализ судебной практики последних лет подтверждает вышесказанное и показывает развивающуюся тенденцию к распространению порочащих сведений о лицах, в отношении которых уголовное дело ещё не рассмотрено судом по существу. Так, в деле, рассмотренном Советским районным судом г. Омска в 2025 году, на сайте местного СМИ был опубликован видеоролик, в котором журналист прямо называл человека преступником и «главарём» организованной преступной группы, хотя обвинительный приговор на тот момент ещё не был вынесен. Видеоролик посмотрели почти две тысячи человек, и распространённые сведения не соответствовали действительности ни на момент публикации, ни на момент вынесения приговора [4].

Ещё одним примером подобной ситуации является случай, произошедший в 2022 году. В Общественную коллегия по жалобам на прессу обратилась заявительница, утверждавшая, что журналисты федерального телевидения и авторы постов в Telegram-канале нарушили принцип презумпции невиновности обвиняемого при освещении неоконченного судебного процесса. Экспертный анализ подтвердил, что был нарушен ряд правил профессиональной этики: необъективно освещён судебный процесс, распространены неподтвержденные сведения, было вмешательство в частную жизнь и осуществлялось запугивание аудитории [8].

Особую остроту данная проблема приобретает в контексте социальных сетей, где информация распространяется мгновенно и сразу же приобретает вирусный характер. Из здесь проявляется один из видов «суда медиа» - «суд в социальных сетях». Пользователи, часто не имеющие юридического образования и обладающие лишь предоставленной автором поста информацией, выносят свой вердикт, который зачастую намного жестче реального исхода дела [6]. С этим явлением очень тесно переплетена концепция «культуры отмены», которая предполагает публичное осуждение и изоляцию человека на основании обвинений, вынесенных общественностью и не обязательно подтвержденных судебным решением. Как отмечают исследователи, «онлайн-осуждение» создает устойчивый негативный настрой в общественном сознании и формирует перманентную форму цифрового наказания, которая противоречит фундаментальному принципу последующей реабилитации человека в обществе [5].

Вместе с тем нельзя игнорировать и позитивное влияние медиасреды на уголовный процесс в цифровую эпоху. В ряде случаев именно активное освещение дела в СМИ и социальных сетях способствует защите прав пострадавших и обвиняемых, а также предотвращению злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Ярким примером такого влияния является дело журналиста Ивана Голунова. После того как обстоятельства его задержания и фабрикация обвинения стали достоянием общественности благодаря публикациям в интернете, следственные органы были вынуждены прекратить уголовное дело в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления [9; 10]. Широкий медийный резонанс не только привел к освобождению невиновного, но и способствовал последующим кадровым изменениям в правоохранительной системе. Так, медиасреда может выступать в роли общественного контролера, помогая восстановить справедливость там, где официальные механизмы дают сбой. Кроме того, позитивное влияние проявляется и в ускорении судебных процессов под давлением общественного внимания, и в формировании нетерпимости к откровенно незаконным действиям.

Также особое внимание в данной теме стоит уделить примерам из зарубежного опыта, где существуют более жесткие методы решения проблемы преждевременного и несоответствующего реальности освещения уголовных дел. Так, в Великобритании действует доктрина «sub judice contempt of court» (презрение к суду за обсуждение дела, находящегося на рассмотрении). Согласно ей, после того как уголовное дело становится «активным» (с момента ареста, предъявления обвинения или выдачи ордера), публикация материалов, способных повлиять на суд или присяжных, может рассматриваться как

уголовное преступление, наказуемое штрафом в неограниченном размере или лишением свободы на срок до двух лет. Английский суд также наделен полномочиями издавать приказы об ограничении публикаций для обеспечения справедливого судебного разбирательства [3].

В научной литературе справедливо подмечают: с появлением новых цифровых возможностей связь между преступностью, уголовным правосудием и СМИ вышла на новый уровень. Теперь защита обвиняемого может потребовать реагирования не только на уголовные обвинения, но и на негативное общественное мнение в медиасреде [7]. Поэтому исследователи предлагают создать правовые механизмы, прямо регулирующие все аспекты данного вопроса [7; 8].

Для решения описанной проблемы можно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ нормами, которые обязуют суд (по ходатайству стороны или по собственной инициативе) выносить СМИ предупреждение о недопустимости нарушения презумпции невиновности, а при повторном нарушении – налагать штраф. Также имеет смысл законодательно закрепить за судом право требовать от владельцев сайтов и социальных сетей удалять информацию, формирующую образ виновности лица до вступления приговора в силу – по аналогии с уже существующим порядком удаления порочащих сведений, признанных ложными.

Но тут есть и обратная сторона: обвиняемый может попытаться злоупотребить этим правом, чтобы просто заткнуть общественность или скрыть реальные факты. Требование удалить информацию или наказать СМИ не должно превращаться в инструмент цензуры и способ заставить замолчать тех, кто законно интересуется громким делом. Поэтому судам стоит выработать чёткие критерии: убирать только те сведения, где прямо утверждается о виновности человека до приговора или содержатся заведомо ложные факты, — но не трогать оценочные суждения журналистов. Главное здесь — найти баланс между свободой слова и презумпцией невиновности. И это как раз та задача, которую законодателю и правоприменителю предстоит решать в цифровую эпоху.

В итоге можно сказать так: цифровая эпоха создала для презумпции невиновности и всей системы уголовного процесса совершенно новые вызовы. Информация сегодня разлетается мгновенно, охватывая миллионы людей в социальных сетях, — достаточно пары неосторожных слов, чтобы за несколько минут уничтожить репутацию человека. В таких условиях правовая система обязана реагировать быстро и в соответствии с реальностью. Дальнейшие исследования в этой области стоит направить на поиск того самого баланса: между свободой массовой информации и правом каждого на справедливый суд и сохранение репутации, пока вина не доказана официально. Только такой баланс и позволит презумпции невиновности оставаться реально работающим принципом, а не просто красивой декларацией.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. — 1993. — 25 дек. ; Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398 ; 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 08 марта 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — №52. — Ст. 4921.
3. Contempt of Court Act 1981 (UK). — Текст : электронный // Legislation.gov.uk. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/49/contents> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Решение № 2-106/2025 от 12 февраля 2025 г. по делу № 2-106/2025. — Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IMkFSjkQR3ZW/> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Бабаева, В. А. Новостная криминология в XXI веке: формирование общественного мнения в новых реалиях / В. А. Бабаева. — Текст : электронный // Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novostnaya-kriminologiya-v-xxi-veke-formirovanie-obschestvennogo-mneniya-v-novyh-realiyah> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Белодед, Д. Р. Информационно-психологическое воздействие на внутреннее убеждение присяжных заседателей посредством размещенной в интернете информации / Д. Р. Белодед. — DOI отсутствует. — Текст : электронный // Прикладная юридическая психология. — 2024. — № 1 (66). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskoe-vozdeystvie-na-vnutrennee-ubezhdenie-prisyazhnyh-zasedateley-posredstvom-razmeschennoy-v-internete> (дата обращения: 30.03.2026).
7. Вильская, Н. В. Презумпция невиновности: теория и актуальные аспекты современной судебной практики / Н. В. Вильская, В. Ю. Малахова. — DOI 10.25799/NI.2025.75.85.022. — Текст : электронный // Современное право. — 2025. — 4 мая. — С. 131-137. — URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Презумпция-невиновности-теория-и-актуальные-аспекты-современной-судебной-практики-С-131-137> (дата обращения: 30.03.2026).
8. Шайхитдинова, С. К. Этика освещения неоконченного судебного процесса / С. К. Шайхитдинова. — Текст : непосредственный // Агзамовские чтения : сборник материалов и научных статей Международной научно-практической конференции. — Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. — С. 432–438.
9. Заявление Министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева. — Текст : электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. — 2019. — 11 июня. — URL: <https://мвд.рф/news/item/17219712/> (дата обращения: 30.03.2026).
10. Хронология уголовного дела в отношении Ивана Голунова / А. Геодакян. — Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. — 2019. — 11 июня. — URL: <https://tass.ru/info/6541285> (дата обращения: 30.03.2026).

ББК 88.92

**Особенности работы с запросом о нехватке ресурсов
в психологическом консультировании**

Л.Е. Свириденко

Научный руководитель: Г.Г. Дулинец

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье рассматривается специфика психологического консультирования при запросе клиента о нехватке ресурсов. Проведён теоретический анализ ресурсного подхода в психологии, ключевых видов психологических дефицитов и особенностей консультативной работы с данным запросом. Обозначены перспективные направления интеграции различных терапевтических подходов для активации ресурсного потенциала личности

Ключевые слова: ресурсный подход, психологическое консультирование, нехватка ресурсов, жизнестойкость, теория сохранения ресурсов, психологические дефициты, активация ресурсов, краткосрочная терапия, ориентированная на решение

Peculiarities of working with the request for lack of resources in psychological counseling

L.E. Sviridenko

Scientific supervisor: G.G. Dulinets

Autonomous non-profit organization of higher education

«Siberian Institute of Business, Management and Psychology»

Annotation. The article examines the specifics of psychological counseling when a client requests a lack of resources. A theoretical analysis of the resource approach in psychology, key types of psychological deficits, and the peculiarities of counseling work with this request are carried out. Promising directions for integrating various therapeutic approaches to activate the individual's resource potential are outlined.

Keywords: resource approach, psychological counseling, lack of resources, hardiness, conservation of resources theory, psychological deficits, resource activation, short-term therapy, solution-focused

Запрос о нехватке ресурсов занимает одно из центральных мест в практике психологического консультирования. Формулировки «у меня нет сил», «я истощён» отражают глубинные переживания клиентов о собственной несостоятельности перед жизненными задачами. За простотой этих высказываний скрывается сложный психологический феномен, требующий от консультанта чёткой теоретической ориентации в вопросах ресурсного функционирования личности. Цель статьи – теоретически осмыслить специфику работы с данным запросом, опираясь на современные концепции ресурсного подхода и представления о ключевых психологических дефицитах.

Теоретическим фундаментом выступает ресурсный подход. Ресурсы определяются как совокупность внутренних и внешних возможностей, обеспечивающих эффективное функционирование личности. В отечественной традиции значительный вклад внёс В. А. Бодров, предложивший ресурсную модель стресса, согласно которой стрессовая реакция возникает при рассогласовании требований среды и наличных ресурсов индивида [1].

Особое место занимает теория сохранения ресурсов (COR) С. Хобфолла. Согласно ей, люди обладают фундаментальной мотивацией к накоплению, сохранению и приумножению ресурсов (объектных, личностных, обуславливающих и энергетических). Стресс возникает в ситуациях реальной

или потенциальной утраты ресурсов, угрозы их потери, а также при отсутствии ожидаемого прироста после осуществлённых вложений [5]. Важно, что ресурсы не существуют изолированно: они образуют «ресурсные караваны», где утрата одного элемента может запустить «спираль потерь», а накопление – «спираль приобретений» [6].

Ресурсный подход развит и в концепции жизнестойкости С. Мадди. Жизнестойкость – интегральная характеристика, обеспечивающая совладание со стрессом и включающая вовлечённость, контроль и принятие риска [7]. Исследования показывают, что жизнестойкость выступает важнейшим ресурсным компонентом психики [2, 7].

При анализе запроса о нехватке ресурсов необходимо дифференцировать виды психологических дефицитов. Энергетический дефицит проявляется в упадке сил, хронической усталости и снижении работоспособности. Его природа связана с длительным эмоциональным напряжением и неэффективным распределением ресурсов [6]. Мотивационный дефицит характеризуется утратой интереса к деятельности, ранее приносившей удовлетворение; клиент переживает бессмысленность того, что раньше вдохновляло. Этот феномен соотносится с компонентом «вовлечённости» в модели жизнестойкости [7]. Эмоциональный дефицит выражается в обеднении эмоциональной сферы, неспособности к позитивным переживаниям, раздражительности. В рамках COR-теории он рассматривается как следствие истощения энергетических и личностных ресурсов [5]. Когнитивный дефицит включает снижение концентрации, ухудшение памяти и трудности принятия решений; он тесно связан с общим истощением психофизиологических ресурсов [1].

Специфика консультативного запроса о нехватке ресурсов определяется двумя особенностями. Во-первых, он редко изолирован и часто маскирует более глубокие проблемы. Во-вторых, клиенты находятся вне контакта со своими ресурсами, растрачивают силы на второстепенные цели и неадекватно оценивают собственные возможности.

Особого внимания заслуживает «нересурсное состояние» – комплекс симптомов, включающий потерю интереса к жизни, снижение активности и социальную изоляцию. Ощущение бессмысленности дополняет картину, создавая замкнутый круг истощения. Отсутствие ресурсов часто становится следствием перенесённого тяжёлого стресса [5]. В тяжёлых случаях состояние может достигать уровня депрессивной симптоматики, требующей дифференциальной диагностики.

Практическая работа опирается на подходы, доказавшие эффективность. Ориентированная на решение краткосрочная терапия (ОРКТ) фокусируется на достижении цели и опоре на уже имеющиеся у клиента ресурсы. Позитивная психотерапия использует вопросы, направленные на поиск ресурсов в прошлом, настоящем и будущем. Современные модели, такие как Пятишаговая модель ресурсного консультирования, предлагают алгоритмизированный подход к восстановлению потенциала клиента. Важным диагностическим инструментом выступает тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [3].

Перспективным направлением является интеграция теоретических подходов. Сочетание COR-теории, объясняющей динамику ресурсных потерь и приобретений, с техниками ОРКТ и позитивной психотерапии создаёт прочную

методологическую основу для эффективной консультативной работы [6].

Резюмируя вышесказанное, запрос о нехватке ресурсов – сложный феномен, требующий от консультанта понимания ресурсного подхода, дифференцированной диагностики дефицитов и владения инструментами ресурсной активации. Современная психологическая наука располагает достаточным арсеналом концептуальных моделей и методов для работы с данной категорией запросов [4]. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию эффективности интегративных моделей помощи клиентам с ресурсными дефицитами.

Библиографический список

1. Бодров, В. А. Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 2. – С. 113-122.

2. Гаранина, М. М. Феномен жизнестойкости: подходы к рассмотрению, перспективы изучения // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 12 (138).

3. Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. Тест жизнестойкости. – Москва : Смысл, 2006. – 63 с.

4. Шелекета, В. О., Казинцева, Н. О. Ситуация пандемии как стресс-тест для жизнестойкости личности: проблемы и перспективы социологической оценки экзистенциальных модусов в контексте метода С.Мадди // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 223-234.

5. Hobfoll, S. E. Conservation of Resources: A New Attempt at Conceptualizing Stress // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44, № 3. – P. 513-524.

6. Hobfoll, S. E., Halbesleben, J., Neveu, J. P., Westman M. Conservation of Resources in the Organizational Context: The Reality of Resources and Their Consequences // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. – 2018. – Vol. 5. – P. 103-128.

7. Maddi, S. R., Khoshaba, D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Vol. 63, № 2. – P. 265-274.

ББК 74.044.4

Адаптивные образовательные системы: текущее состояние, проблемы и перспективы развития

В.Г. Сиденко, Т.М. Щеховцева

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние адаптивных систем обучения как одного из ключевых направлений цифровизации образования. Проводится анализ базовых компонентов адаптивных систем, обзор существующих платформ и методов диагностики знаний. Выявляются основные проблемы, препятствующие внедрению адаптивных технологий, и ограниченность диагностических моделей

Ключевые слова. Адаптивное обучение, персонализация образовательных траекторий, диагностика знаний, искусственный интеллект в образовании, EdTech, диагностическая модель знаний

**Adaptive educational systems:
current status, problems and development prospects**

V.G. Sidenko, T.M. Shekhovtseva

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Belgorod State National Research University»

Abstract. The article discusses the current state of adaptive learning systems as one of the key areas of digitalisation in education. It analyses the basic components of adaptive systems and reviews existing platforms and methods of knowledge assessment. It identifies the main problems hindering the implementation of adaptive technologies and the limitations of diagnostic models

Keywords: Adaptive learning, personalisation of educational trajectories, knowledge assessment, artificial intelligence in education, EdTech, diagnostic knowledge model

Currently, personalisation of the learning process is a topical area in education. Recent studies have shown that adaptive and intelligent educational systems enable students to receive an education that meets their individual needs and abilities [7]. Thus, technologies that can build personalised educational trajectories, taking into account the user's level of knowledge, preferences and perception of information, adapting to the specific individual, are becoming particularly important. This refers to a comprehensive system consisting of many interconnected components that together provide a personalised educational environment.

An adaptive learning system is an academic method that uses computer algorithms and artificial intelligence to interact with students, providing a flexible environment, customisable resources, and learning activities that meet the unique needs of each student [2]. Thus, the user does not simply receive a stream of information and categorise it independently, but becomes a full participant in the educational process, acting as an independent figure with existing educational needs, attitudes, and their own knowledge. In this case, the system acts as a link that facilitates the user's navigation in the educational space, providing information based on their interests and requests.

According to research by K.A. Skvorchevsky and O.V. Dyatlova, any adaptive educational system includes four key elements, presented in Table 1 [7].

Table 1 – Elements of the education system

Component	Purpose
Subject area model	Structured representation of knowledge, learning elements and the connections between them
Learner model	Set of data about the learner (level of knowledge, cognitive characteristics, learning style, psychological)

	characteristics)
Adaptation mechanism	A mechanism that uses data from the first two models to make decisions about adjusting information and building an educational path
Learning mechanism	Interface and logic for presenting recommendations to the user in an understandable form

Thus, the system must initially have a database containing information for training, collect student characteristics for subsequent personalisation of the educational process, and provide the same information in an understandable and easy-to-understand form.

The structure can be supplemented with elements such as a knowledge control block, a communication block, a reflection block, and a navigation system [8]. Knowledge assessment is an interim assessment conducted for the purpose of self-control and tracking progress. The communication module allows students to immerse themselves in an environment of like-minded people, maintaining the atmosphere of 'school' learning. The reflection block is useful for tracking one's own state when solving any tasks and categorising the degree of mastery of topics. The navigation system is more of an additional function and facilitates comfortable movement in the virtual educational space.

There are several generations of adaptive systems in the digital educational space:

1) The first generation consists of simple metrics based on the number of correct answers. They are easy to implement but have low resolution and are subjective.

2) The second generation consists of probabilistic models and Item Response Theory + ML. They allow for the assessment of latent parameters (student abilities, task complexity), but require large amounts of data for calibration [3]. They make the learning process more adaptive compared to the first case, but still cannot fully adapt to a specific user, covering all of their educational needs;

3) Third generation (currently under development) – multidimensional models that take into account metacognitive factors, temporal characteristics, and psychological characteristics.

For a clearer understanding of how the described generations of methods are implemented in practice, it is useful to analyse existing educational platforms. It is interesting to see which of them have remained at the first generation level, which have moved on to the second, and which are already demonstrating the characteristics of the emerging third.

Let us consider several foreign adaptive educational platforms. One of them is Khan Academy, which uses some elements of adaptability (hints, recommendations). However, diagnosis here is mainly based on the correctness of the answers, which is characteristic of first-generation systems. A more relevant approach is demonstrated by the ALEKS (Assessment and Learning in Knowledge Spaces) platform, which is based on the theory of knowledge spaces. It implements in-depth diagnosis of gaps [1] and can be classified as a second-generation platform. Duolingo is quite widespread. It uses adaptive algorithms based on IRT and spaced repetition, which

also corresponds to second-generation methods, but with a shift towards the third generation through more fine-tuned adjustment to the individual characteristics of the user.

Among domestic platforms, Yandex.Uchebnik is popular, containing elements of adaptability and allowing for the analysis of typical errors [1]. Based on the methods used, it can be classified as a transitional stage between the first and second generations. Uchi.ru is also well known, distinguished by its personalisation of the pace of learning. Here, knowledge assessment is limited to correctness, which is typical for basic first-generation systems [1]. LMS Moodle with adaptive extensions deserves special attention. Although the possibilities for integrating adaptive modules into this solution have not been fully explored, ongoing research [8] suggests that it could potentially belong to the second generation.

The platforms discussed above reflect the current state of adaptive learning. Their development is directly linked to the emergence of new technologies. It is important to understand what changes and improvements await adaptive education in the near future. To do this, let us turn to the trends identified by EdTech experts for 2025–2026 [6]:

1) The integration of AI into educational platforms is becoming standard practice.

2) Textbooks feature interactive materials with built-in adaptation.

3) AI is becoming a teacher's assistant and a student's mentor, with learning taking place through dialogue accompanied by questions;

4) There is a shift from long courses to short educational modules focused on more targeted acquisition of specific skills with the possibility of quick results.

To summarise the above, it can be argued that the further development of adaptive platforms will be linked to the deepening integration of AI.

Despite obvious progress, existing systems still have a fundamental limitation that is a common problem for most platforms: knowledge diagnosis is based primarily on analysing the correctness of answers. As a result, there is no objective way to construct an accurate individual learning trajectory.

The contradiction between the growing capabilities of adaptive technologies and the limitations of the diagnostic models used determines the relevance of this study and allows us to move on to a more detailed examination of the problem.

Despite technological advances, most adaptive systems use simplified diagnostic models based primarily on the binary criterion of correctness of responses. Consequently, a number of limitations characteristic of adaptive educational platforms can be identified.

First, adaptive systems have low differentiation capabilities – they do not classify random errors and systemic gaps in knowledge, even though these aspects are qualitatively different types of errors. A random error caused by an external factor and an unmastered topic are perceived by the system in the same way. As a result, when building an educational trajectory, it is possible to repeat mastered topics or, conversely, skip unstudied ones.

Second, existing systems do not analyse metacognitive factors at all. A student's confidence in their own answer, their reflection on their knowledge, and their ability to assess their level of understanding of the material are aspects of learning that remain outside the scope of analysis. Situations where a student is mistakenly confident in their knowledge of a particular topic are particularly

dangerous.

Third, existing models are practically immune to possible noise in the data. Many of them are based on a binary assessment of knowledge that is sensitive to random factors: one unsuccessful test can distort the overall picture of a student's knowledge, leading to controversial recommendations and the erroneous construction of an educational trajectory. The lack of mechanisms to distinguish systematic errors from random ones reduces the validity of diagnostics and, consequently, the effectiveness of adaptation.

Comparing the growing popularity of adaptive educational systems with the problems arising from their use, it is worth reviewing possible directions for the development of this topic that guarantee the most effective training for users.

By looking at how adaptive systems work now and what their limits are, we can see a few key areas for further development in this field. These areas cover both improving diagnostic methods and bringing in new tech solutions.

The most promising of these is the transition from one-dimensional diagnostic models, which take into account only the correctness of the answers obtained, to multidimensional models with the aim of expanding the space of diagnostic features to a wide range of data on the learning process. Thus, the picture of the student's knowledge will become more complete and accurate. Potential sources of data include metacognitive indicators such as confidence in answers, self-assessment, and the ability to reflect. In addition, behavioural data, including task completion time, platform navigation patterns, and number of attempts, can also provide valuable information about the depth and quality of material assimilation. Collecting and comparing the psychological characteristics of learners – their cognitive style, anxiety level, and learning motivation – will allow for adaptation not only at the level of knowledge, but also taking into account individual characteristics of perception.

Another area of development is the integration of adaptive systems with artificial intelligence technologies. Every day, the use of AI in education is becoming more and more common. This includes not only the recommendation systems mentioned above, but also the use of generative models to create personalised learning tasks and explanations tailored to the student's current level. Predictive analytics deserves special attention – the ability to use accumulated data to predict learning outcomes and identify at-risk students at an early stage.

As the algorithms that make decisions about learning trajectories become more complex, explainable artificial intelligence (Explainable AI) is becoming increasingly relevant. In order for the system's recommendations to be trusted by users – students, their parents and teachers – it is necessary for the system to be able to explain the logic behind its decisions in an accessible way: why this particular topic is proposed, on the basis of what data the conclusion about the lack of mastery of any of the topics is made [5].

Transparency of the model becomes not just a desirable characteristic, but a condition for its practical implementation in order to avoid the formation of biased educational trajectories.

Finally, an important direction seems to be the search for a balance between automatic adaptation and preservation of the social dimension of learning. Excessive individualisation, as some researchers note, is accompanied by the risks of fragmentation of knowledge and isolation of the student.

A promising solution is the development of hybrid models that combine

adaptive algorithms with elements of collaborative learning – group projects, pair work, peer-to-peer interaction (which is already being used in practice in flagship schools) [8]. This approach allows us to leverage the strengths of personalisation without losing the advantages of teamwork and the exchange of experience between students.

Together, these areas form the image of the adaptive system of the future – a system that not only selects tasks according to the current level of knowledge, but also understands the psychology of the student, is able to explain its decisions, and fits organically into both individual and collective learning activities.

Adaptive learning systems are one of the leading and most promising components of the digitalisation of education. They have gone from experimental developments to mass implementation and are now one of the most relevant areas of EdTech development. The key challenge remains improving the accuracy of knowledge assessment – it is the quality of the learner model that determines the effectiveness of the entire system, as it is directly related to the construction of an individual educational trajectory. Prospects are determined by the expansion of the space of diagnostic features, the integration of artificial intelligence methods, and the search for a balance between personalisation and preserving the integrity of education.

List of references

1. Veretin R.S. Analiz effektivnosti tsifrovyykh obrazovatel'nykh platform s podderzhkoy iskusstvennogo intellekta v shkolakh Rossii [Analysis of the effectiveness of digital educational platforms with artificial intelligence support in Russian schools]. Vestnik MGPU. Seriya «Informatika i informatizatsiya obrazovaniya», 2025, no. 3(73), pp. 7-19. (In Russian).

2. Golubeva S.L. Adaptivnye obrazovatel'nye sistemy [Adaptive educational systems]. [S.l.], 2022. (In Russian).

3. Irgashev Sh.T. Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: adaptivnye tekhnologii obucheniya [Artificial intelligence in education: adaptive learning technologies]. Zenodo, 2025. DOI: 10.5281/zenodo.17341304. (In Russian).

4. Lipagina L.V. Obratnaya storona individualizatsii: riski primeneniya adaptivnykh modeley v obuchenii matematike studentov neprofil'nykh napravleniy [The flip side of individualization: risks of using adaptive models in teaching mathematics to non-specialized students]. Financial University under the Government of the Russian Federation, 2025. (In Russian).

5. Makhmutov A.N., Kereev A.K. Issledovanie i sovershenstvovanie algoritmov dlya povysheniya funktsional'nosti mul'timediynykh obrazovatel'nykh platform [Research and improvement of algorithms to enhance the functionality of multimedia educational platforms]. Vestnik Aktyubinskogo regional'nogo universiteta im. K. Zhubanova, 2025, vol. 82, no. 4, pp. 11-15. (In Russian).

6. Sitosanova O.V. Osnovnye tendentsii v razvitiy sistemy obrazovaniya [Main trends in the development of the education system]. Sbornik nauchnykh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2025, vol. 2025, no. 1, pp. 505-508. (In Russian).

7. Skvorchevsky K.A., Dyatlova O.V. Sovremennye adaptivnye i intellektual'nye tsifrovyye sistemy obucheniya: mekhanizmy i potentsial [Modern adaptive and intelligent digital learning systems: mechanisms and potential]. Voprosy obrazovaniya, 2024, no. 3, pp. 299-337. DOI: <https://doi.org/10.17323/vo-2024->

19751. (In Russian).

8. Shamsutdinova T.M. Formirovanie individual'noy obrazovatel'noy traektorii v adaptivnykh sistemakh upravleniya obucheniem [Formation of an individual educational trajectory in adaptive learning management systems]. Otkrytoe obrazovanie, 2021, vol. 25, no. 6, pp. 36-44. (In Russian).

ББК 75.4(2Рос)

**Физическая грамотность, как инструмент против цифровой зависимости:
интеграция в уроки для формирования пожизненной
идентичности движения**

Д.А. Сидорченко

Научный руководитель: А.С. Третьяков

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о том как физическая грамотность студентов помогает бороться с цифровой зависимостью и приучать их к двигательной активности.

Ключевые слова: студенты, физическая грамотность, цифровая зависимость, физическая культура

**Physical literacy as a tool against digital addiction: integrating lessons
to shape the movement's lifelong identity**

D.A. Sidorchenko

Scientific adviser: A.S. Tretyakov

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Abstract: This article examines how students' physical literacy helps fight digital addiction and accustom them to physical activity.

Keywords: students, physical literacy, digital addiction, physical education

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни студентов университетов, что приводит к росту цифровой зависимости, проявляющейся в чрезмерном использовании гаджетов, социальных сетей и онлайн-платформ, часто в ущерб физической активности и здоровью. По данным исследований, более 48,5% студентов российских вузов проводят в интернете свыше четырех часов в день, что способствует снижению мотивации к движению и формированию сидячего образа жизни [1].

Физическая грамотность, определяемая как мотивация, уверенность, физическая компетентность, знания и понимание ценности физической активности на протяжении всей жизни, выступает мощным инструментом против этой зависимости [2]. Она помогает формировать пожизненную идентичность движения – внутреннюю самоидентификацию человека как активного индивида, где движение становится частью личностного «я», а не временным занятием.

Интеграция физической грамотности в уроки физической культуры в университете позволяет не только противостоять цифровой зависимости, но и

закладывать основу для долгосрочного благополучия. Исследования показывают, что регулярная физическая активность снижает риск интернет-зависимости на 20-30%, поскольку стимулирует выработку эндорфинов и повышает самооценку, конкурируя с «быстрым удовольствием» от цифровых устройств [3].

В контексте университетского образования в России физическая грамотность может быть интегрирована через комбинацию традиционных упражнений и элементов цифровой грамотности, например, использование приложений для трекинга активности, что помогает студентам осознанно балансировать онлайн - и оффлайн-жизнь.

Проблема цифровой зависимости среди студентов усугубляется интенсивным электронным обучением и пандемийными ограничениями, где экранное время выросло на 50%, приводя к ожирению, тревоге и снижению социальных навыков [4]. Физическая грамотность, как концепция, эволюционировала от простого владения моторными навыками к целостному подходу, включающему эмоциональные и когнитивные аспекты, что делает ее идеальным противовесом цифровой изоляции [5].

Формирование пожизненной идентичности движения подразумевает переход от внешней мотивации (например, обязательные занятия по физической культуре) к внутренней, где человек видит в движении источник радости и самореализации на протяжении всей жизни [2].

Для анализа эффективности этой интеграции в феврале 2026 года было проведено исследование в форме анонимного опроса среди студентов СибГУ ИКТ (2 курса, технической специальности) с использованием Google Форм. Выборка случайная. Опрос содержал 10 вопросов на шкале Ликерта (от 1 – полностью не согласен, до 5 – полностью согласен), а также открытые вопросы.

Ключевые вопросы:

1) Сколько часов в день вы проводите за гаджетами (социальные сети, онлайн-курсы, игры)?

2) Чувствуете ли вы мотивацию к физической активности без внешнего принуждения (например, без зачета по физкультуре)?

3) Считаете ли вы движение частью своей идентичности (например, «я – активный человек, даже в повседневной жизни»)?

4) Замечаете ли вы, что гаджеты мешают заниматься спортом или физической культурой?

5) Участвовали ли вы в занятиях по физической культуре, сочетающих традиционные упражнения и цифровые инструменты (например, apps для фитнеса или VR)?

6) Насколько вы уверены в своих физических навыках (компетентность в движении)?

7) Помогает ли физическая активность снижать стресс от онлайн-учебы?

8) Хотели бы вы больше интегрированных уроков, где физическая грамотность учит балансу между цифровым и физическим?

9) Влияет ли пол на вашу зависимость от гаджетов (например, эмоциональная зависимость от соцсетей)?

10) Как вы представляете свою физическую активность через 10 лет (пожизненная перспектива)?

Таблица 1. Результаты опроса студентов СибГУ, 2026 (n=20)

Вопрос	Средний балл (все)	Средний балл (мужчины)	Средний балл (женщины)
1. Экранное время (>4 ч)	4,1	4,0	4,3
2. Внутренняя мотивация	4,0	4,1	3,7
3. Идентичность движения	4,3	4,4	4,0
4. Гаджеты мешают	4,2	4,1	4,3
5. Уверенность в навыках	4,1	4,2	3,7
6. Снижение стресса	4,2	4,1	4,3
7. Желание цифровых инструментов	3,6	3,7	3,3
8. Активность через 10 лет	4,2	4,3	4,0
9. Эмоциональная зависимость	2,4	2,2	3,7
10. Осознание ценности движения	4,2	4,2	4,0

Для удобства анализа результатов составлены диаграммы по данным Google Формы (См. Рис. 1–12).

Ваш пол:
20 ответов

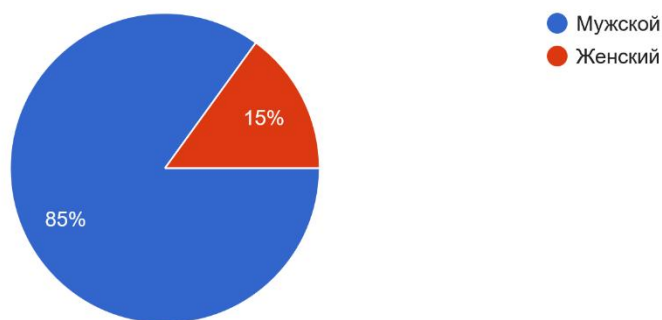

Рис. 1. Диаграмма ответов на вопрос: Ваш пол?

Ваш возраст: _____ лет
20 ответов

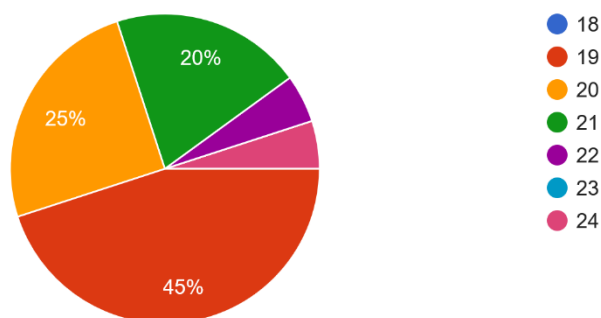

Рис. 2. Диаграмма ответов на вопрос: Ваш возраст?

Я провожу более 4 часов в день за гаджетами (смартфон, компьютер, планшет) на соцсети, игры, YouTube, онлайн-учёбу помимо обязательных занятий.

20 ответов

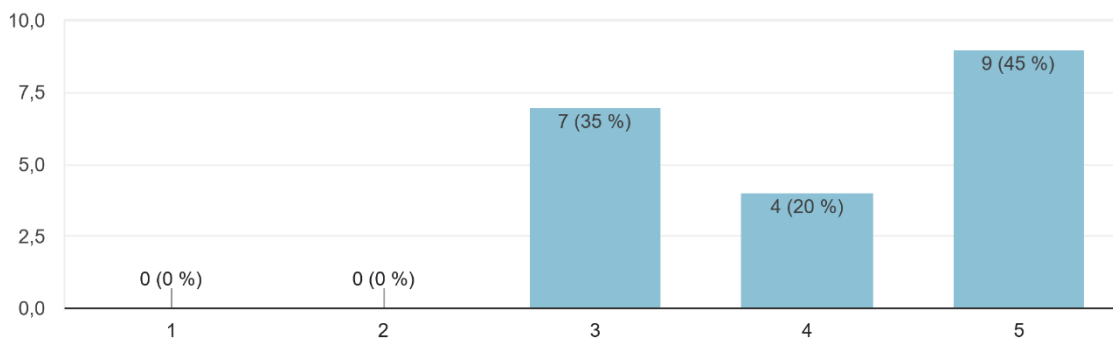

Рис. 3. Диаграмма ответов на вопрос 1: Экранное время (>4 ч).

У меня есть сильная внутренняя мотивация заниматься физической активностью даже без требований преподавателя и зачёта.

20 ответов

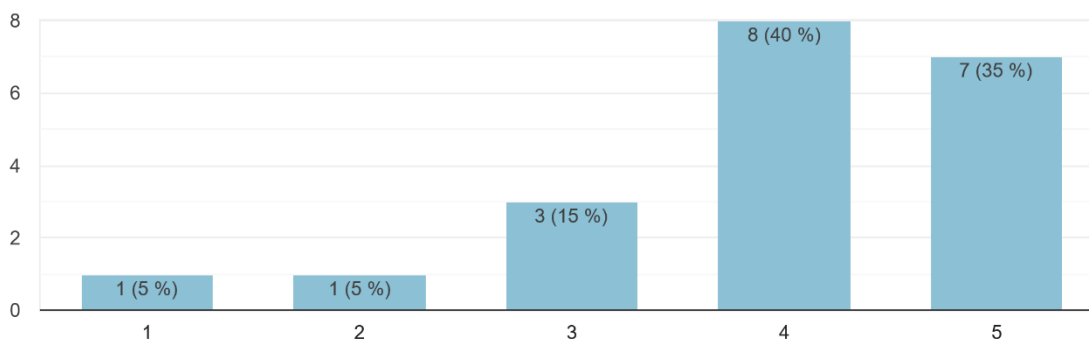

Рис. 4. Диаграмма ответов на вопрос 2: Внутренняя мотивация.

Я считаю движение и физическую активность важной частью своей личности (я – активный человек).

20 ответов

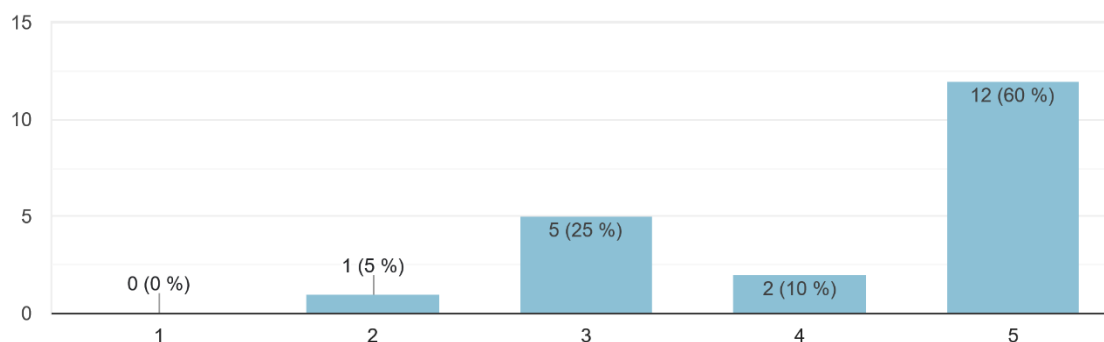

Рис. 5. Диаграмма ответов на вопрос 3: Идентичность движения.

Гаджеты часто мешают мне заниматься спортом или физкультурой.

20 ответов

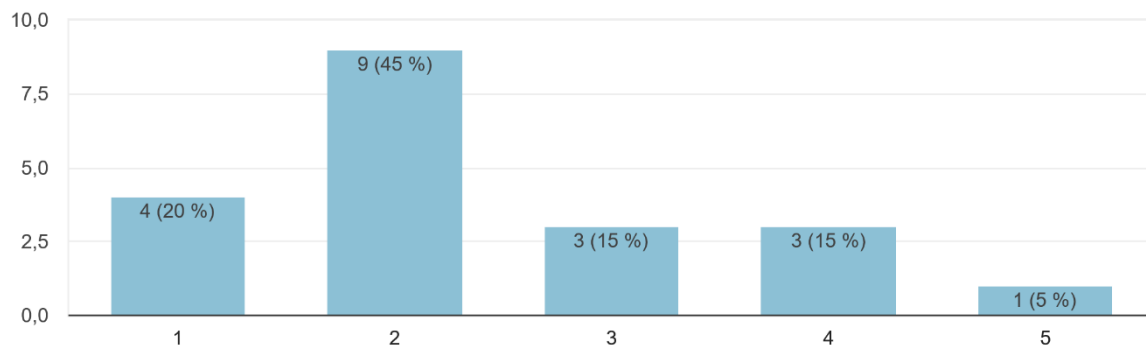

Рис. 6. Диаграмма ответов на вопрос 4: Гаджеты мешают?

Я уверен(а) в своих физических возможностях и моторных навыках (координация, сила, выносливость).

20 ответов

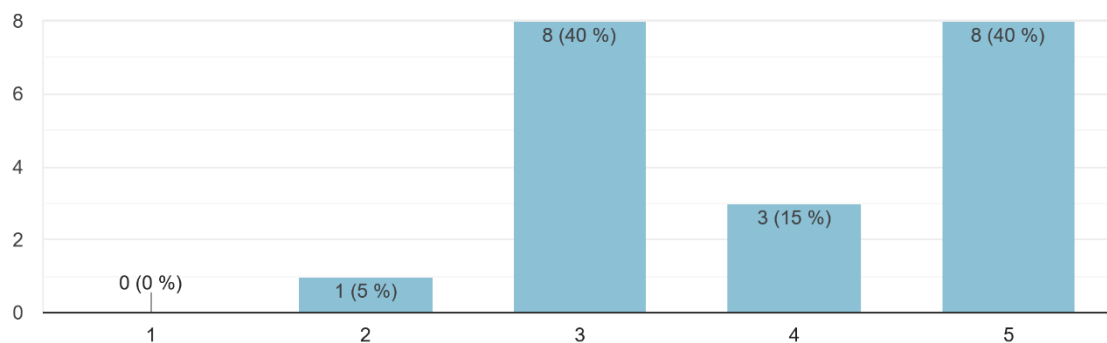

Рис. 7. Диаграмма ответов на вопрос 5: Уверенность в навыках.

Физическая активность помогает мне снижать стресс и усталость от учёбы.

20 ответов

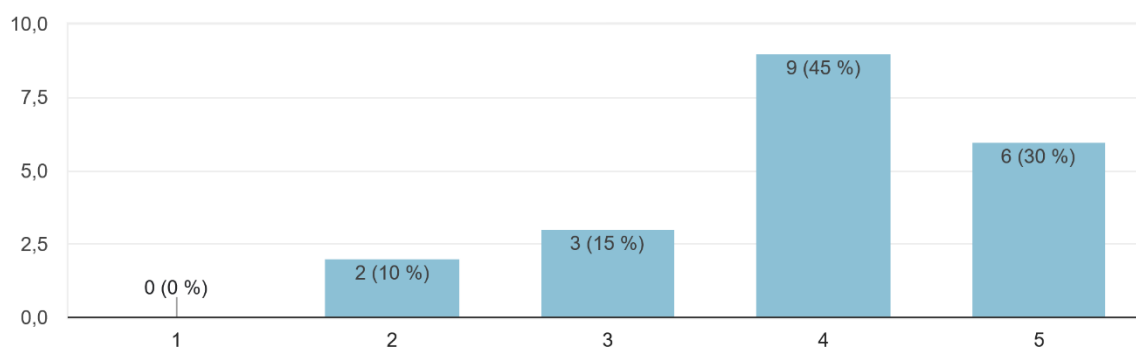

Рис. 8. Диаграмма ответов на вопрос 6: Снижение стресса.

Я хотел(а) бы, чтобы на занятиях по физической культуре чаще использовались цифровые инструменты (приложения, трекеры, VR).

20 ответов

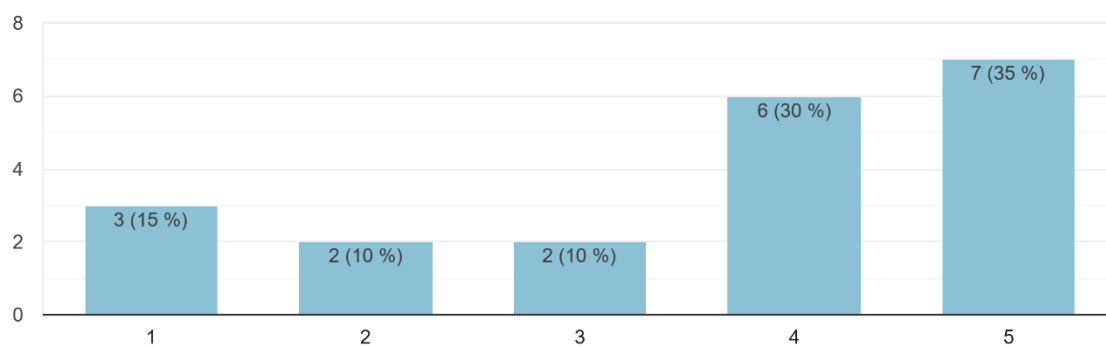

Рис. 9. Диаграмма ответов на вопрос 7: Желание цифровых инструментов.

Я представляю себя физически активным человеком через 10 лет.

20 ответов

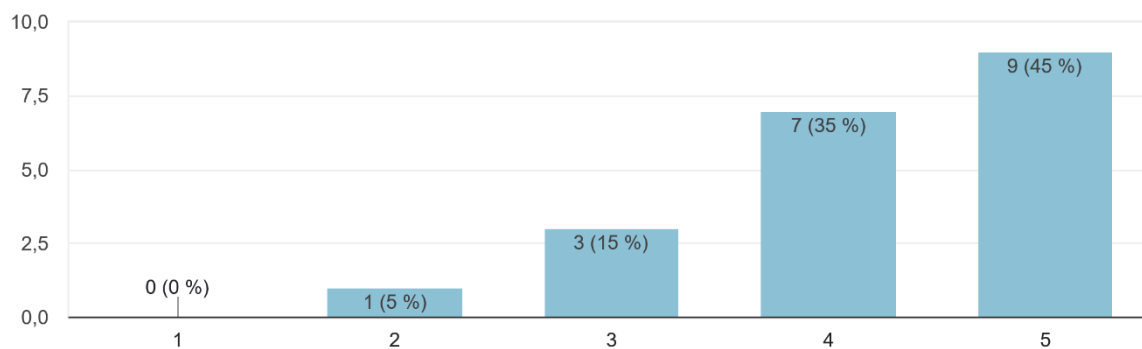

Рис. 10. Диаграмма ответов на вопрос 8: Активность через 10 лет.

Эмоциональная зависимость от социальных сетей (страх пропустить новости, лайки) у меня выше, чем у большинства моих одногруппников.

20 ответов

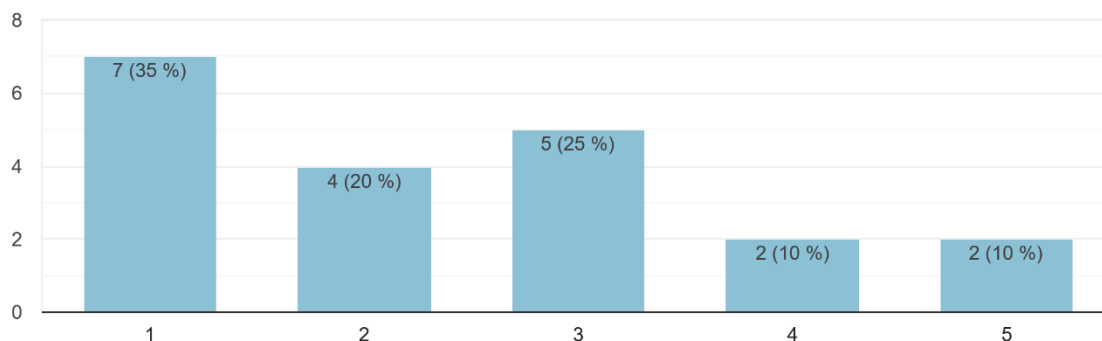

Рис. 11. Диаграмма ответов на вопрос 9: Эмоциональная зависимость.

Занятия физической культурой помогают мне лучше осознавать ценность движения в жизни.

20 ответов

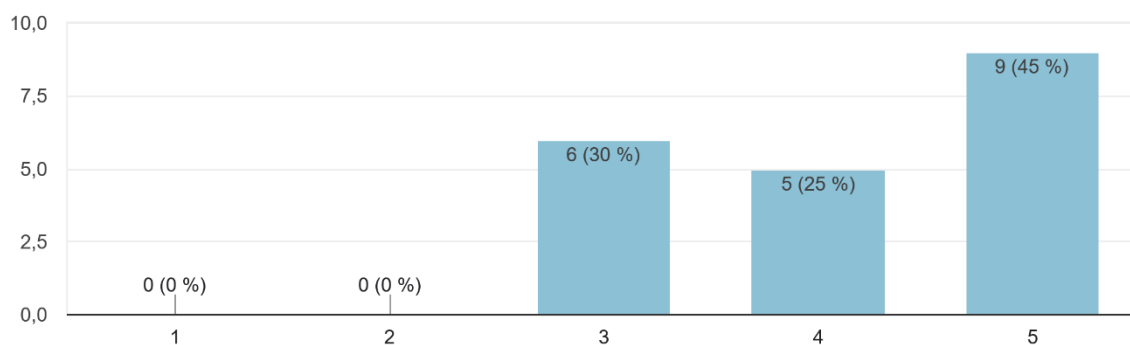

Рис. 12. Диаграмма ответов на вопрос 10: Осознание ценности движения.

Результаты опроса показали, что средний возраст студентов — 20 лет. Среди участников 85% парней и 15% девушек.

По первому вопросу средний балл составил 4,1. Это значит, что большинство студентов проводят за гаджетами больше четырёх часов в день. У тех, кто много сидит в телефоне (баллы 4 и 5), мотивация заниматься спортом заметно ниже — в среднем 3,7 балла против 4,6 у тех, кто меньше пользуется гаджетами. Также у них слабее выражена идентичность движения (4,0 против 4,7 балла).

В открытых ответах почти 70% студентов написали, что хотели бы на физкультуре больше интересных занятий с цифровыми инструментами. Они предложили использовать VR, трекеры и делать занятия более добровольными. Главными причинами, почему студенты мало двигаются, оказались: нехватка времени из-за учёбы и работы, обычная лень и сильная зависимость от соцсетей.

Полученные результаты подтверждают, что развитие физической грамотности помогает снижать зависимость от гаджетов и повышает желание двигаться [6]. В научной литературе тоже пишут, что интернет-зависимость плохо влияет на общение и эмоции студентов и снижает их физическую активность [7].

Чтобы внедрить физическую грамотность на занятиях, можно действовать поэтапно: сначала проверить текущий уровень грамотности, потом проводить занятия с VR и приложениями, а в конце давать время подумать, зачем вообще нужно движение в жизни [2, 8]. Такие занятия, как показывают исследования, помогают студентам чувствовать себя лучше и меньше зависеть от телефона [9].

Опрос также показал разницу между парнями и девушками. Девушки чаще признаются в эмоциональной зависимости от соцсетей и чуть ниже оценивают свои физические возможности. Поэтому программы нужно делать более гибкими [10].

В целом можно сказать, что физическая грамотность — это хороший способ бороться с цифровой зависимостью и приучать себя к движению на всю жизнь. Если на занятиях по физкультуре больше внимания уделять трекерам, приложениям и осознанному отношению к движению, то физическая культура сможет лучше соединять цифровой мир с реальным.

Таким образом, развитие физической грамотности помогает студентам не только меньше сидеть в телефоне, но и сохранять здоровье на долгие годы.

Библиографический список

1. Исследование: только 15% студентов считают интернет-зависимость проблемой // Реальное время. – 2024. – URL: <https://realnoevremya.ru/news/304481-issledovanie-tolko-15-studentov-schitayut-internet-zavisimost-problemoj> (дата обращения: 16.02.2026).

2. Butler T. Physically Active Futures: Unlocking Lifelong Physical Literacy Through Holistic PE // PE Scholar. – 2026. – URL: <https://www.pescholar.com/insight/physically-active-futures-unlocking-lifelong-physical-literacy-through-holistic-pe> (дата обращения: 16.02.2026).

3. The relationship between physical activity and Internet addiction among Chinese adolescents // Frontiers in Psychology. – 2025. – DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1628586.

4. Исследование взаимосвязей цифровой зависимости студентов и электронного обучения в педагогическом вузе // Вестник педагогических инноваций. – 2024. – URL: https://www.vestnik-pi.ru/ru/2024_4_4r (дата обращения: 16.02.2026).

5. Schaerz S., Balderson D. Mapping the 'lifelong journey' of physical literacy: a biographical assessment method for the physical activity and health context // Taylor & Francis. – 2024. – DOI: 10.1080/13573322.2024.2383948.

6. Impact of digital addiction on youth health: A systematic review and meta-analysis // PMC. – 2026. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12486297> (дата обращения: 16.02.2026).

7. ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ СРЕДИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – URL: <https://expeducation.ru/article/view?id=4964> (дата обращения: 16.02.2026).

8. A scoping review on physical literacy domains associated with participation in sports video games among youth and adolescence // ResearchGate. – 2024. – DOI: 10.13140/RG.2.2.12345.67890.

9. Склонность к интернет-зависимости у студентов и ее взаимосвязь с психологическим благополучием // Молодой ученый. – 2025. – URL: <https://moluch.ru/archive/570/125003> (дата обращения: 16.02.2026).

10. Ученые ТюмГУ узнали, что интернет-зависимость у старшеклассников критичнее, чем у студентов // ТюмГУ. – 2024. – URL: <https://www.utmn.ru/abiturient/novosti/1242324> (дата обращения: 16.02.2026).

ББК 87.524.84

Стоическая доктрина как система формирования жизнестойкости личности

Е.В. Симагина

Научный руководитель В.А. Козловская

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация: в статье рассматривается стоицизм как целостная

философская система, способствующая формированию жизнестойкости в условиях неопределенности и стресса. Систематизируются ключевые принципы стоической доктрины, сопоставляются структурно-функциональные компоненты жизнестойкости, а также показывается корреляция между ними. Стоицизм предстает не как теория, а как практическая система когнитивной перестройки, результатом которой является формирование жизнестойкости личности

Ключевые слова: жизнестойкость, стоицизм, стоическая философия, адаптивные стратегии, психологическая устойчивость

Stoic doctrine as a system for developing personal hardiness

E.V. Simagina

Scientific Adviser V.A. Kozlovskaya

Autonomous non-profit organization of Higher Education

«Siberian Institute of Business, Management and Psychology»

Abstract. This article examines Stoicism as a holistic philosophical system that fosters the development of hardiness in the face of uncertainty and stress. The key principles of the Stoic doctrine are systematized, the structural and functional components of hardiness are compared, and the relationship between them is demonstrated. Stoicism is presented not merely as a theory, but as a practical system of cognitive restructuring, the outcome of which is the cultivation of personal hardiness

Keywords: hardiness, Stoicism, Stoic philosophy, adaptive strategies, psychological hardiness

Непредсказуемость и высокая скорость изменений стали определяющими чертами современной эпохи, порождая хронический стресс и повышенные требования к психологической адаптации человека. В таких условиях формирование жизнестойкости превращается из частной задачи в критически важный социальный и индивидуальный запрос. Современная наука активно изучает данный феномен, однако поиск глубоких, системных оснований для развития жизнестойкости закономерно обращает исследовательский интерес к философским традициям, сформировавшимся в аналогичные исторические периоды кризисов.

Особую актуальность в данном контексте приобретает стоицизм, как античное учение, изначально разработанное как целостная практическая философия личной стойкости перед лицом внешнего хаоса. Целью данной статьи является анализ стоической доктрины как целостной системы формирования жизнестойкости. Для достижения цели необходимо систематизировать ключевые принципы стоической доктрины, сопоставить структурно-функциональные компоненты жизнестойкости, а также показать корреляцию между ними.

Стоическая доктрина, фундамент которой заложил Зенон Китийский, сегодня рассматривается не только как объект исторического анализа, но и как устойчивая система взглядов. А.А. Столяров отмечает, что если до середины XX века стоицизм считался малоприменимым, то теперь его глубина признается превосходящей многие современные теории [11]. Система Зенона

включает три ключевых раздела: логику, физику и этику, где этика занимает главное место.

Логика включает риторику и диалектику, обеспечивая осмысленную связь языка с действительностью.

Значимость физики определяется не эмпирическим описанием, а обоснованием метафизических принципов мироздания. Через познание объективной логики космоса субъект приходит к осознанию высшего блага, что создает онтологический фундамент для этики [9].

Этика является завершающей частью философии, интегрирующей знания в жизненное искусство. Как отмечает П.А. Гаджикурбанова, единственным истинным благом является добродетель; все остальное относится к сфере «безразличного», хотя и выделяется класс «предпочитаемого» [2].

Логика, физика и этика представляют собой неразрывную триаду. Развитие доктрины отражает процесс адаптации: от систематизации Зенона и Хрисиппа к экзистенциальной практике римских стоиков — Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия. Общее ядро учения стоицизма (доктрины) состоит из следующих принципов: дихотомия контроля, добродетель – высшее благо, принятие судьбы (природы), практика здесь и сейчас.

Для наглядного сравнения ключевые принципы учения систематизированы в сравнительной таблице [1;7;13].

Принцип	Эпиктет	Сенека	Марк Аврелий
Контроль	«Разделяй на то, что в твоей власти, и что нет»	«Свобода – не быть рабом обстоятельств»	«Преобразуй себя через принятие событий»
Отношение к событиям	«Не события, а суждения о них тревожат людей»	«Несчастье – дело мнения»	«Убери суждение – и ты убережешь страдание»
Принятие Судьбы	«Желай, чтобы все было как есть»	Судьбу ведут, сопротивляющегося тащат»	«Люби свой жребий принявший тебя в лоно»
Разум против Страсти	«Используй впечатления правильно»	«Разум побеждает страсти, если не потакает им»	«Твой разум должен побеждать внутренний огонь страстей»
Смерть	«Смерть неизбежна – не делай ее страшной»	«Учись умирать каждый день»	«Смерть – как созревание плода: естественно»
Внешние блага	«Не цепляйся за имущество – оно не твое»	«Богатство – слуга мудрого, господин глупца»	Слава, богатство – мишура; добродетель – истинное благо»
Действие в мире	«Исполняй свою роль достойно»	«Делай, что должно, даже в неподходящих условиях»	«Действуй сейчас! Жди справедливости от себя»
Отношение к другим	«Помни, что другие заблуждаются невольно»	«Прощай ошибки других – сам не без греха»	«Людей создал один разум – мы части целого»
Самодисциплина	«Начинай с малого: чашки, одежды»	«Закаляй душу, уводя от соблазнов»	«Утром говори себе: встречу глупцов, но это не должно менять меня»
Практика	«Тренируйся ежедневно в применении принципов»	«Философия должна лечить душу, а не украшать речь»	«Не философствуй на словах – живи по принципам»

Проведенный сравнительный анализ учений позволяет заключить, что стоицизм представляет собой не монолитную концепцию, а три взаимодополняющих модуля единой философской доктрины. Данная стоическая дихотомия напрямую коррелирует с ядром современной концепции

жизнестойкости, разработанной Сьюзен Кобейса и Сальваторе Мадди в 1980-е годы XX века. С позиции Сальваторе Мадди жизнестойкость «hardiness» представляет собой особую систему убеждений человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса [4].

Данная концепция получила весомое развитие и в отечественной науке. Российский психолог Д.А. Леонтьев предложивший в 2000 году термин «жизнестойкость» для перевода «hardiness», заложил основы для ее исследования в русскоязычном пространстве.

Жизнестойкость включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска.

Вовлеченность «commitment» – определяется как убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности.

Контроль «control» – представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

Принятие риска «challenge» – это убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного [5].

Для наглядного сравнения структурно-функциональные компоненты жизнестойкости сопоставлены в таблице [6].

Критерий	Вовлеченность (Commitment)	Контроль (Control)	Принятие риска (Challenge)
Ключевая убежденность (Суть)	Быть вовлеченным в события жизни – интересно, значимо и полезно. Изоляция – это тупик.	На события можно влиять своими действиями. Стресс – не приговор, а область для усилий.	Изменения и неопределенность – это нормальная часть жизни и возможность для роста.
Проявления в мышлении (Когниции)	Поиск смысла и важности в происходящем. Вопросы: «Что здесь важно?», «Чему я могу научиться?».	Поиск возможностей для влияния. Вопросы: «Что я могу сделать?», «На что я могу повлиять?».	Восприятие трудностей как шанса научиться. Фокус на будущих возможностях, а не на потере стабильности.
Проявления в эмоциях	Интерес, любопытство к людям и событиям. Энергия от вовлеченности.	Мотивация, решимость, готовность к усилию. Чувство ответственности.	Здоровое волнение, азарт от новизны, а не парализующий страх.
Проявления в поведении	Активное участие, инициатива. Стремление к контактам, а не к изоляции.	Целенаправленные действия, упорство, использование ресурсов, планирование.	Гибкость, готовность к взвешенному риску, экспериментирование, адаптивность.
Противоположная установка (Антагонист)	Отчуждение (Alienation): Чувство ненужности, бессмысленности. Цинизм, апатия, изоляция.	Беспомощность (Powerlessness): Ощущение себя жертвой обстоятельств. Пассивность, фатализм.	Ориентация на безопасность (Security/Threat): Стремление к комфорту любой ценой. Восприятие изменений как угрозы. Ригидность.
Роль в преодолении стресса	Дает мотивацию действовать, не позволяет «выпасть» из жизни. Источник энергии.	Направляет энергию на решение проблемы, снижает тревогу через действие, борется с чувством бессилия.	Позволяет быстро адаптироваться, видеть в стрессе толчок для развития, а не травму.
Главный вопрос	Зачем? (Смысл)	Как? (Влияние)	Что дальше? (Рост)

Система установок С. Мадди (вовлеченность – контроль – принятие риска) напрямую коррелирует с фундаментальными принципами стоицизма: вовлеченность соответствует стоической причастности к миру и долгу, контроль отражает дихотомию контроля, а принятие риска созвучно восприятию препятствий как материала для добродетели. Данное пересечение демонстрирует, что идеи стоиков о различении «того, что в нашей власти» находят свое конкретное научное выражение в трехкомпонентной модели, раскрывающей механизм, позволяющий человеку не только выстоять, но и извлечь ресурс из столкновения с невзгодами. Следовательно, жизнестойкость можно считать психологическим воплощением ключевых стоических принципов, направленных на развитие личностной устойчивости.

В таблице показано, как стоические принципы, образующие концептуальную основу жизнестойкости, трансформируются в стратегии поведения личности [12].

Базовый принцип стоицизма	Ключевая ментальная установка	Развиваемый компонент жизнестойкости	Формируемая адаптивная стратегия поведения
Дихотомия контроля	«Я могу влиять только на свои мысли, выборы и действия. Все остальное – внешние условия для принятия».	Контроль (Control)	Стратегия фокусировки ресурсов: в момент стресса энергия автоматически направляется не на переживания, а на поиск конкретных действий в зоне личного влияния.
Добродетель как высшее благо	«Истинная ценность – в качестве моего характера. Внешний успех или неудача – лишь материал для проявления добродетели».	Вовлеченность (Commitment)	Стратегия смыслового вовлечения: дает мотив действовать даже при негативных внешних обстоятельствах, превращая их в поле для тренировки внутренних качеств.
Принятие судьбы	«Все происходящее – часть целого. Препятствие – не помеха, а необходимый материал для моего роста».	Принятие риска (Challenge)	Стратегия конструктивной переоценки: позволяет воспринимать изменения и неудачи не как угрозы, а как вызовы, что снижает сопротивление и повышает гибкость.
Практика «здесь и сейчас»	«Устойчивость – это не состояние, а ежедневная тренировка ума через осознанность и рефлексия».	Интегральная тренировка (всех компонентов)	Стратегия системного развития: превращает отдельные установки в устойчивые когнитивные привычки через регулярную умственную гигиену.

Представленная систематизация демонстрирует, как абстрактные принципы стоицизма транслируются в конкретные ментальные установки, каждая из которых целенаправленно развивает определенный компонент психологической устойчивости. Данные установки, в свою очередь, формируют адаптивные поведенческие стратегии, применимые в условиях стресса и неопределенности. Ключевым условием их эффективности является регулярная практика, превращающая философские идеи в инструменты повседневной психогигиены. Таким образом, стоическая доктрина предлагает не теорию, а практическую систему когнитивной перестройки, результатом которой и является формирование жизнестойкости личности.

Библиографический список

1. Аврелий, М. А. Марк Аврелий Антонин. Размышления / М. А. Аврелий; [пер. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Яан Унт]. – СПб.: Наука, 1993. – 248 с.

2. Гаджикурбанова, П. А. Этика Ранней Стои : учение о должном / П. А. Гаджикурбанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2012. – 219 с.
3. Кашин, В. В. Жизнь и учение Зенона из Китиона / В. В. Кашин // ВЕСТНИК ОГУ, 2004. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-uchenie-zenona-iz-kitiona> (дата обращения: 05.04.2026).
4. Леонтьев, Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. Личностный потенциал : структура и диагностика : методическое руководство / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова – М.: Издательство Смысл, 2011. – 680 с.
5. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости : методическое руководство / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова – М.: Издательство Смысл, 2006. – 63 с.
6. Мадди, С. Р. Жизнестойкость : превращение стрессовых обстоятельств в устойчивый рост / С. Р. Мадди – Нью-Йорк : Спрингер, 2013. – 170 с.
7. Сенека, Л. А. Нравственные письма к Луцилию / Л. А. Сенека; [пер. с лат. С. А. Ошеров]. – М.: АСТ, 2024. – 640 с.
8. Степанова, А. С. Философия Древней Стои / А. С. Степанова – СПб.: Издательство КН, 1995. – 272 с.
9. Столяров, А. А. Зенон из Кития : жизнь и учение основателя Стои / А. А. Столяров // Философская антропология, 2020. – Т. 6, № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zenon-iz-kitiya-zhizn-i-uchenie-osnovatelya-stoi> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Столяров, А. А. Стоя и Стоицизм / А. А. Столяров – М.: АО «Ками Групп», 1995. – 448 с.
11. Столяров, А. А. Философия стоической школы : основные проблемы становления и эволюции : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / А. А. Столяров – Москва, 1997. – 50 с.
12. Холидей, Р. Ежедневный стоик : 366 размышлений о мудрости, воле и искусстве жить / Р. Холидей, С. Хансельман; [пер. А. Андреева] – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 438 с.
13. Эпиктет. Энхиридтон. Беседы. Фрагменты / Эпиктет; [пер. Г. С. Тихий] – СПб.: Наука, 2021. – 488 с.

ББК 74.48:60.54

**Наставничество офицеров-воспитателей СВУ как управленческая
задача подготовки кадров**

В.Ю. Сеницын, О.А. Остыловская

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский федеральный университет»

Аннотация. В статье обосновывается наставничество как ключевой управленческий механизм профессиональной адаптации офицеров-воспитателей СВУ в условиях сложного совмещения военных и педагогических функций. Автор предлагает структурно-содержательную программу наставничества для ИрСВУ, раскрывая её нормативные основания, этапы реализации, а также систему критериев и уровней эффективности. Реализация данной модели позволит существенно сократить период вхождения в профессию, укрепить кадровую стабильность и повысить качество

воспитательной работы с суворовцами

Ключевые слова: наставничество, офицеры-воспитатели, профессиональная адаптация, кадровая стабильность, суворовские военные училища, управление в образовании

Mentorship of Suvorov Military School educators as a managerial task of personnel training

V.Y. Sinitsyn, O.A. Ostylovskaya

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Siberian Federal University"

Abstract. This article substantiates mentoring as a key managerial mechanism for the professional adaptation of officer-educators in Suvorov Military Schools, addressing the challenges of integrating military and pedagogical responsibilities. The author proposes a structured mentoring program for the Irkutsk Suvorov Military School, outlining its regulatory foundations, implementation stages, and a comprehensive framework of evaluation criteria and effectiveness levels. Implementing this model is expected to significantly reduce the professional integration period, enhance personnel retention, and improve the quality of educational guidance provided to cadets.

Keywords: mentorship, officer-educators, professional adaptation, personnel stability, Suvorov military schools, education management

Современная система суворовских военных училищ (СВУ) предъявляет высокие требования к квалификации офицеров-воспитателей, от которых ожидается не только безупречное владение военно-служебными стандартами, но и глубокое понимание педагогических процессов. Однако, как справедливо отмечает Е.Ю. Иванов, на практике институт наставничества в СВУ применяется фрагментарно и не носит системного характера [2]. Данное противоречие между государственным запросом на качественную кадровую подготовку и реальным состоянием практики существенно снижает эффективность профессиональной адаптации молодых специалистов.

Профессиональная специфика деятельности офицера-воспитателя предполагает органичное совмещение военных функций с педагогическими задачами. Если вопросы организации дисциплины и режима дня, как правило, решаются успешно, то внедрение гуманистических методов воспитания и психолого-педагогическое взаимодействие с подростками вызывают у начинающих офицеров существенные затруднения. Отсутствие своевременной методической поддержки нередко приводит к профессиональной неуверенности, эмоциональному истощению и, как следствие, повышает риски кадровой текучести.

В то же время современная нормативно-правовая база чётко закрепляет наставничество в качестве ключевого инструмента развития и удержания кадров. Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года акцентирует внимание на необходимости его системной организации и методического сопровождения на всех этапах профессионального становления специалиста [3].

Цель данной статьи заключается в обосновании наставничества как

эффективного управленческого механизма подготовки и адаптации офицеров-воспитателей в Иркутском суворовском военном училище. Для её достижения последовательно решаются следующие задачи: анализируются ключевые вызовы профессиональной адаптации в системе СВУ; раскрывается управленческий потенциал наставничества в решении кадровых задач; представляются структурно-содержательные элементы авторской программы наставничества для ИрСВУ.

Деятельность офицера-воспитателя СВУ характеризуется профессиональным дуализмом: наряду с обеспечением воинской дисциплины и регламентированного режима он выступает субъектом воспитательного процесса. Данная специфика требует от специалиста гибкого перехода от авторитарно-командных практик к личностно ориентированным моделям взаимодействия с суворовцами подросткового возраста.

Процесс профессиональной адаптации молодых специалистов осложняется комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевым барьером выступает дефицит психолого-педагогических компетенций, затрудняющий органичную интеграцию военно-служебных и воспитательных задач. Отсутствие системной методической поддержки провоцирует рост эмоционального напряжения и профессиональной неуверенности, особенно в ситуациях разрешения подростковых конфликтов. При отсутствии своевременного сопровождения возрастает риск формализации воспитательной деятельности, а отсутствие институционализированного наставничества существенно замедляет интериоризацию офицером-воспитателем специфической профессиональной культуры СВУ.

На макроуровне описанные адаптационные трудности транслируются в кадровую нестабильность. Наблюдаемые тенденции указывают на системный характер текучести офицеров-воспитателей на начальных этапах службы. Частая смена кадров нарушает преемственность воспитательных традиций, увеличивает функциональную нагрузку на опытных специалистов и, в конечном счёте, негативно отражается на качестве подготовки суворовцев.

В данном контексте актуализируется управленческая задача перехода от стихийной адаптации к системному кадровому сопровождению. Институт наставничества выступает ключевым механизмом реализации данной задачи, обеспечивая не только ускоренную профессиональную социализацию новичков, но и формирование устойчивой корпоративно-педагогической среды училища.

Наставничество представляет собой целенаправленное профессиональное взаимодействие, обеспечивающее системную передачу опыта молодому специалисту. В его структуре выделяются две ключевые функции - адаптационная, которая сокращает период вхождения в профессию, и стабилизирующая, способствующая удержанию квалифицированных кадров [4]. В рамках данного взаимодействия наставник организует индивидуальное сопровождение подопечного: демонстрирует эффективные методы воспитательной работы, совместно анализирует типичные практические ситуации и обеспечивает регулярную обратную связь по итогам проделанной работы.

Правовой статус наставничества закреплён в действующей нормативной базе. В частности, Концепция развития наставничества в Российской

Федерации до 2030 года определяет его как ключевой инструмент кадровой политики, а государственные ориентиры предполагают обязательную системную организацию данного процесса на институциональном уровне [3].

Успешность реализации программы напрямую зависит от грамотного отбора наставников. К участию привлекаются офицеры с опытом работы не менее трёх лет, обладающие сформированной военно-педагогической компетентностью. Развитые коммуникативные навыки позволяют им эффективно транслировать практический опыт и выстраивать доверительное взаимодействие с подопечными.

Авторская программа для ИрСВУ реализуется в три последовательных этапа. На диагностическом этапе выявляется исходный уровень профессиональной готовности офицера-воспитателя. Этап сопровождения включает регулярные консультации и совместную практическую работу. Завершающий оценочный этап позволяет зафиксировать динамику развития и достигнутые результаты адаптации.

Критерии эффективности программы базируются на комплексе ключевых показателей. Освоение профессиональных навыков диагностируется через степень владения современными методами воспитательной работы. Кадровая стабильность отслеживается по показателю сохранения специалиста в должности офицера-воспитателя. Уровень удовлетворённости профессиональной деятельностью фиксируется посредством регулярного анкетирования и обратной связи.

В зависимости от достигнутых результатов выделяются три уровня эффективности программы:

- низкий уровень, при котором сохраняются выраженные адаптационные затруднения и потребность в дополнительном сопровождении;
- средний уровень, обеспечивающий уверенное выполнение должностных обязанностей и стабильную педагогическую практику;
- высокий уровень, характеризующийся инициативностью, готовностью к самостоятельному решению воспитательных задач и проявлением признаков профессионального лидерства.

Ожидаемые эффекты реализации программы включают сокращение периода профессиональной адаптации на 25-30% и повышение уровня ключевых компетенций у 80% участников [1]. Внедрение системного наставничества способствует укреплению кадровой стабильности, поскольку позволяет молодым офицерам быстрее и осознаннее осваивать профессиональную роль. В долгосрочной перспективе это обеспечивает преемственность воспитательных традиций СВУ и создаёт условия для устойчивого повышения качества подготовки суворовцев.

Библиографический список

1. Башманова, Е. Л. Наставничество в образовании : учебно-методическое пособие / Е. Л. Башманова, С. И. Беленцов (сост.). – Курск : Курский государственный университет, 2019. – 38 с

2. Иванов, Е. Ю. Характеристика потенциала наставничества в педагогическом сопровождении социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения / Е. Ю. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — № 3 (99). – С. 45-52.

3. Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.05.2025 № 1264-р – Текст : электронный. –Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>) (Дата обращения: 01.04.2026).

4. Методические рекомендации по организации наставничества в образовательных организациях / ПКIRO. – 2021.

ББК 67.911.19

Перспективы реализации Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года в современных реалиях

А.М. Сиротина, А.Е. Попова

Научный руководитель: В.С. Киченина

Северо-Западный институт управления

«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Аннотация. В работе рассматриваются особенности международно-правовой действенности Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года (далее – Соглашение о Луне). Особое внимание исследования направлено на оценку действенности Соглашения о Луне и уделяется внимание перспективам его реализации в современных реалиях. Рассматриваются проблемы содержательной стороны Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее – Договор о космосе) и Соглашения о Луне. Потребность в исследовании данного вопроса обусловлено необходимостью понимания существующих проблем международного космического права (далее – МПК) и нахождения путей их преодоления

Ключевые слова: международное космическое право, Соглашение о Луне, Договор о космосе, Соглашение Артемиды, концепция общего наследия человечества, коммерческое освоение космоса, космическая деятельность, правительственные организации

Prospects for the implementation of the 1979 agreement on the activities of states on the Moon and other celestial bodies in modern times

A.M. Sirotina, A.E. Popova

Scientific supervisor: V.S. Kichenina

North-Western Institute of Management "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation"

Annotation. The paper examines the features of the international legal effectiveness of the Agreement on the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies of 1979 (hereinafter referred to as the Moon Agreement). The study focuses on assessing the effectiveness of the Moon Agreement and exploring its potential implementation in the current context. It also addresses the challenges associated with the content of the Treaty on Principles Governing the Activities of

States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies of 1967 (hereinafter referred to as the Outer Space Treaty) and the Moon Agreement. The need to study this issue is due to the need to understand the existing problems of international space law (hereinafter referred to as ISL) and find ways to overcome them

Keywords: international space law, Moon Agreement, Outer Space Treaty, Artemis Agreement, concept of common heritage of mankind, commercial space exploration, space activities, governmental organizations

Развитие международного космического права (далее - МКП) пришлось на вторую половину 20 века. В этот период было принято множество международных договоров, регулирующие многие вопросы деятельности государств по освоению космоса. В целом, вторую половину XX века можно назвать золотым периодом развития МКП, обусловленным техническим и научным прорывом: запуском первого искусственного спутника Земли («Спутник-1»), первым полетом человека в космос, посадкой первого планетохода («Луноход-1») на Луну и другими знаковыми достижениями того времени. Указанные исторические вехи объективно детерминировали необходимость создания разветвленной системы правового регулирования, где наряду с общими договорами, устанавливающими фундаментальные принципы, были разработаны и приняты специальные соглашения, призванных учитывать специфику конкретных направлений космической деятельности. В работе С. В. Кичениной указано, что именно «пять основных международных договоров составляют современное международно-правовое регулирование деятельности человечества в космосе»⁶.

К договорам общего характера исследователь относит Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (далее – Договор о космосе) и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (далее — Соглашение о Луне). «К договорам, которые являются специальными, относятся Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г., Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1976 г. и Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г.»⁷. Безусловно, указанные договоры и ряд других соглашений и сегодня остаются актуальными. Так, ключевым принципом Договора о космосе является всеобщее и равное право государств на исследование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Также М. Ю. Горелов выделил ещё несколько ключевых положений Договора о космосе. Он подчеркнул, что данный документ определил основные принципы освоения космоса: «исследование космоса должно быть мирным делом, и никто не

⁶ Киченина, В. С. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.: история разработки в рамках ООН и причины неудачи / В. С. Киченина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 12(136). – С. 183. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88916338> (дата обращения: 28.03.2026)

⁷ См. там же, С.184

должен размещать там оружие массового уничтожения»⁸. Соглашение о Луне, как известно, соотносится с Договором о космосе, и в нем находят развитие принципиальные положения, регулирующие освоение космоса. К примеру, вопрос о мирном использовании космоса и Луны в Соглашении 1979 года детализирован более подробно: «государства-участники обязуются не выводить на орбиту вокруг Луны или на другую траекторию полета к Луне или вокруг нее объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, а также не устанавливать и не использовать такое оружие на поверхности Луны или в ее недрах»⁹. Положение п. 1 ст. 3 Соглашения о Луне в отличие от Договора о космосе устанавливает использование Луны исключительно в мирных целях.

Прежде чем говорить о тех, обстоятельствах, которые обуславливают специфику применения Соглашения о Луне в современных условиях, необходимо рассмотреть концептуальные аспекты данного акта. Так, Соглашение о Луне пронизано концепцией общего наследия человечества, которая также применима к районам морского дна. Как точно отметила М. С. Савченко указанная концепция относится: «к пространствам и ресурсам, которые по самой своей природе не могут находиться под суверенитетом того или иного государства»¹⁰.

Возникновение концепции общего наследия человечества и дальнейшее её отражение в Соглашении о Луне во второй половине XX века связано с проблемой нераспространения национального права на космическое пространство и ресурсы, имеющиеся в нем. Как следствие, мировое сообщество пришло к компромиссу – установить для общих объектов ограничение на национальное присвоение. Такой шаг продиктован рядом факторов, во-первых, государства в указанный период времени не имели технических возможностей обеспечения постоянного присутствия на Луне и осуществления комплексного освоения её ресурсов.

Вторым фактором можно также обозначить вопрос о технических и экономических возможностях ряда развивающихся стран второй половины XX века. Многие из них не имели необходимых ресурсов для проведения тех исследований в области освоения космоса, которые были у СССР и США. Если говорить о возможности обеспечения своих национальных прав на общие ресурсы космоса, развивающиеся страны, несомненно, также уступали космическим державам. Однако, заинтересованность указанной категории государств в принятии Соглашения о Луне была продиктована ещё одной причиной, на которую указала в своем исследовании В. С. Киченина: «первостепенной задачей данного международного документа для

⁸ Горелов, М. Ю. Международно-правовой режим Луны / М. Ю. Горелов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. - 2021. – С. 885. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47561963> (дата обращения: 28.03.2026)

⁹ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. – принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. – 1979 год. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 28.03.2026)

¹⁰ Савченко, М. С. Эволюция Концепции общего наследия человечества в контексте цивилизационного подхода к правопониманию на примере Соглашения о Луне 1979 г / М. С. Савченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2023. – № 3(60). – С. 18. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54947902> (дата обращения: 28.03.2026)

развивающихся стран являлось предоставление правовых гарантий их участия в получении доходов от добычи лунных ресурсов»¹¹.

Таким образом, можно констатировать, что страны третьего мира стремились обеспечить себе превентивную защиту от монополизации космического пространства со стороны космических держав, а также закрепить мирный режим деятельности государств в космосе.

В этом аспекте и раскрывается особенность положения п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне: «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица»¹². Вместе с этим, п. 5 ст. 11 Соглашения о Луне устанавливает обязанность государств-участников данного акта установить режим эксплуатации ресурсов указанных объектов космоса. Это требование обусловлено необходимостью обеспечения равного доступа всех государств к проведению исследований и использованию Луны.

Анализ положений Соглашения о Луне, с одной стороны, указывает на их потенциал для обеспечения справедливого распределения выгод, связанных с освоением космического пространства, а также для поддержания реализации режима мирного использования всех ресурсов космоса. Однако события минувших лет показали, что правовая эффективность данного соглашения не соответствует тем ожиданиям, которые преследовало международное сообщество во второй половине XX века.

Это обусловлено тем, что государства-участники так и не создали международный режим эксплуатации природных ресурсов Луны. Причина его отсутствия как отметила М. С. Савченко «находится в плоскости конфликта концепции общего наследия человечества с правом каждой страны на природные ресурсы Луны и извлечение из них прибыли»¹³.

Экономический аспект сегодня можно назвать камнем преткновения на пути реализации Соглашения о Луне в области деятельности государств по освоению небесных тел космоса. Как отметил Р.С. Супрунов: «в последние годы наблюдается значительный рост интереса к разработке космических ресурсов, созданию лунных баз и развитию коммерческой космонавтики»¹⁴.

¹¹ Киченина В.С. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.: история разработки в рамках ООН и причины неудачи / В.С. Киченина. - Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № 12(136). - С. 186. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88916338> (дата обращения: 28.03.2026)

¹² Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. - принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. - 1979 год. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 28.03.2026)

¹³ Савченко, М. С. Эволюция Концепции общего наследия человечества в контексте цивилизационного подхода к правопониманию на примере Соглашения о Луне 1979 г / М. С. Савченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. - 2023. - № 3(60). - С. 18. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54947902> (дата обращения: 28.03.2026)

¹⁴ Супрунов, Р. С. Правовые проблемы освоения Луны и других небесных тел / Р. С. Супрунов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики и 10-летию науки и технологий. - Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева. - 2025. - С. 744. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83199422> (дата обращения: 28.03.2026)

В коммерческом освоении космоса заинтересованы не только сами государства, но и частные компании. «Сегодня частные компании, такие как SpaceX, Blue Origin и другие, разрабатывают планы по добыче ресурсов, строительству колоний и коммерческому использованию внеземных объектов»¹⁵.

И для этого космические державы, в особенности США, стремятся создать необходимые условия частным компаниям по коммерческому освоению и исследованию космоса, в том числе, и Луны. В этом мы усматриваем также количественный аспект ратифицирования Соглашения о Луне, на текущий момент всего 17 государств состоят в данном акте. Как отметила В. С. Киченина «в данное число не входит ни одна страна, самостоятельно осуществляющая космические запуски»¹⁶, которой в том числе является и США.

Вместе с этим, в отличие от Соглашения о Луне, Договор о космосе ратифицировало большое число государств. Опять же, такое обстоятельство, многие исследователи связывают с неопределенностью положений Договора о космосе. Как отметил М. Ю. Горелов «договор по космосу намеренно расплывчат»¹⁷.

Можно отметить, что осознанное неучастие, например, США в Соглашении о Луне позволило предоставить «право своим гражданами и бизнес-структурами право на приобретение права собственности на объекты в космическом пространстве по Договору о космосе 1967 года»¹⁸.

Неопределенность в Договоре о космосе вопроса о возможности присвоения частными субъектами ресурсов Луны и других небесных тел - стало ключевым фактором, обусловившим стремление к национальному правовому регулированию освоения Луны не только США, но и другими государствами.

Такие пробелы стали причиной принятия в апреле 2020 года Д. Трампом указа, разрешающего коммерческое освоение ресурсов Луны (в том числе и других планет Солнечной системы). Проведение таких мероприятий, как отметил Н. Е. Шонин, будут осуществлять «частные компании, что позволяет американской администрации утверждать, что данный акт не является национальным присвоением и, следовательно, не противоречит Договору по космосу»¹⁹.

Следует отметить, что в октябре 2020 г. рядом государств: США, Великобританией, Японией и др. было подписано Соглашение Артемиды. Особенность данного акта заключается в том, что «оно основано на заключении

¹⁵ См. там же, С. 745

¹⁶ Киченина В.С. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.: история разработки в рамках ООН и причины неудачи / В.С. Киченина. - Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № 12(136). - С. 184. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88916338> (дата обращения: 28.03.2026)

¹⁷ Горелов, М. Ю. Международно-правовой режим Луны / М. Ю. Горелов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева". - 2021. – С. 886. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47561963> (дата обращения: 28.03.2026)

¹⁸ См. там же, С.886

¹⁹ Шонин, Н. Е. Международно-правовые проблемы освоения космоса / Н. Е. Шонин // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 75-3. – С. 110-114. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46405487> (дата обращения: 28.03.2026)

двусторонних договоров между США и странами-партнёрами для освоения Луны при лидирующей роли США»²⁰.

Ранее мы выразили мнение, что Соглашение о Луне можно рассматривать как попытку стран третьего мира обеспечить себе правовую защиту от монополизации освоения космического пространства.

Однако, следует обратить и на наиболее интересный аспект рассматриваемого вопроса, который позволяет нам усмотреть двойственную природу действия Соглашения о Луне. В рамках Соглашения Артемиды и Соглашения о Луне одновременно участвуют такие страны как Мексика и Австралия. Как отметила С. В. Киченина: «подобное пересечение участников международных договоров говорит о том, что в современных условиях нельзя однозначно утверждать, что Соглашение о Луне полностью утратило практическое значение»²¹.

Представляется, что такой подход государств к данному вопросу может быть обусловлен тем, что такое пересечение двух соглашений позволяет странам использовать их как взаимодополняющие механизмы регулирования своей космической деятельности. Т.е. данный подход обеспечивает интеграцию общих принципов взаимодействия государств в области освоения космоса с коммерческими аспектами, направленными на извлечение экономических выгод из данной деятельности.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в современных условиях Соглашение о Луне не является международно-правовым актом, имеющим широкое признание и поддержку. Это суждение обусловлено, во-первых, неоднозначностью положений Договора о космосе, который частично является фактором, исключающим применение Соглашения о Луне. Во-вторых, количественный аспект признания данного акта свидетельствует о его ограниченной природе регулирования космической деятельности стран (в отличие от Договора о космосе). В-третьих, стремление государств извлечь выгоду, преимущественно через механизм приобретения собственности, который исключен Соглашением о Луне, стало причиной его ограниченного признания. Также учитывая, что Соглашение о Луне было заключено отчасти с целью дополнения Договора о космосе, вопрос о правовом режиме деятельности неправительственных (частных) организаций остался нерешенным. Это упущение можно считать ключевым в своей совокупности с вышеназванными тезисами, которые исключают международно-правовую действенность Соглашения о Луне в современных реалиях, характеризующихся коммерциализацией космической деятельности как правительственных, так и неправительственных субъектов.

Принимая во внимание, что сегодня коммерческое освоение космоса уже начато и активным образом вовлекает частных субъектов в эту тенденцию, можно говорить, что «этот процесс уже не остановить, ввиду стратегических, в

²⁰ Исполинов, А. С. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса / А. С. Исполинов // Международное правосудие. – 2020. – № 4(36). – С. 38. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44447621> (дата обращения: 28.03.2026)

²¹ Киченина В.С. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.: история разработки в рамках ООН и причины неудачи/ В.С. Киченина. - Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № 12(136). - С. 190. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88916338> (дата обращения: 28.03.2026)

том числе военных задач»²². В этой связи, Р. С. Супрунов предлагает возможные пути разрешения этих вопросов:

1. «Разработать новое международное соглашения, регулирующего коммерческое освоение Луны, с учетом участия частных компаний»²³.

Исследователь также отмечает, что данное соглашение должно учитывать интересы государств и частных субъектов космической деятельности. Но самое ключевое, данное соглашение должно также определять правовой статус последних субъектов, включающий также порядок получения разрешения на добычу и использование ресурсов небесных тел солнечной системы.

2. «Закрепить принцип справедливого распределения прибыли от использования космических ресурсов в виде международного фонда, финансирующего научные и исследовательские программы»²⁴.

В этом предложении, приведенным Р. С. Супруновым, мы усматриваем также возможно реализации концепции общего наследия человечества. В рамках данных мероприятий все государства, независимо от их экономического и научно-технического потенциала, также будет иметь возможность использования ресурсов космоса, в том числе и Луны, во благо развития своего общества и всего человечества.

3. «Разработать механизмы предотвращения конфликтов, связанных с созданием баз и инфраструктуры на Луне, в том числе международной координации в вопросах строительства и эксплуатации космических объектов»²⁵.

Создание таких инструментов будет способствовать реализации принципа мирного использования космоса, а также всё это в своей совокупности позволит обеспечить действенность международно-правовых механизмов регулирования космической деятельности.

Как верно отметил А. Исполинов, уже к концу этого десятилетия мы можем увидеть формирование космического права «Нового космоса»²⁶. И в этой связи реализация Соглашения о Луне не представляется возможной.

Только новые механизмы международно-правового регулирования, о которых, в частности, говорит Р.С. Супрунов, позволят обеспечить всеобъемлюще согласованное регулирование космической деятельности правительственных и неправительственных субъектов.

Библиографический список

1. Горелов, М. Ю. Международно-правовой режим Луны / М. Ю. Горелов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню

²² Иловыйский И. Б., Давтян-Давыдова Д. Н., Гусейнов Т. А. Отдельные правовые аспекты использования природных ресурсов Луны // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – № 1. – С. 203. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=wauwgr&ysclid=mnadncprchd992773583> (дата обращения: 28.03.2026)

²³ Супрунов, Р. С. Правовые проблемы освоения Луны и других небесных тел / Р. С. Супрунов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики и 10-летию науки и технологий. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева. - 2025. – С. 745. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83199422> (дата обращения: 28.03.2026)

²⁴ См. там же, С.746

²⁵ См. там же, С.746

²⁶ Исполинов, А. С. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса / А. С. Исполинов // Международное правосудие. – 2020. – № 4(36). – С. 41. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44447621> (дата обращения: 28.03.2026)

космонавтики. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева". - 2021. – С. 885-887. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47561963> (дата обращения: 28.03.2026);

2. Иловайский И. Б., Давтян-Давыдова Д. Н., Гусейнов Т. А. Отдельные правовые аспекты использования природных ресурсов Луны // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 197–206. – DOI: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=wauwgr&ysclid=mnadncpchd992773583> (дата обращения: 28.03.2026);

3. Исполинов, А. С. Международное космическое право эпохи начала бизнес-колонизации космоса / А. С. Исполинов // Международное правосудие. – 2020. – № 4(36). – С. 22-44. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44447621> (дата обращения: 28.03.2026);

4. Киченина, В. С. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.: история разработки в рамках ООН и причины неудачи / В. С. Киченина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 12(136). – С. 182-190. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88916338> (дата обращения: 28.03.2026);

5. Савченко, М. С. Эволюция Концепции общего наследия человечества в контексте цивилизационного подхода к правопониманию на примере Соглашения о Луне 1979 г / М. С. Савченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2023. – № 3(60). – С. 16-21. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54947902> (дата обращения: 28.03.2026);

6. Супрунов, Р. С. Правовые проблемы освоения Луны и других небесных тел / Р. С. Супрунов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики и 10-летию науки и технологий. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева. - 2025. – С. 744-746. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83199422> (дата обращения: 28.03.2026);

7. Шонин, Н. Е. Международно-правовые проблемы освоения космоса / Н. Е. Шонин // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 75-3. – С. 110-114. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46405487> (дата обращения: 28.03.2026).

ББК 65.7

Экономика Китая на современном этапе развития

В.В. Слипченко, М.М. Писанкова

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье дается анализ современного состояния экономики Китая на апрель 2026 года, рассматриваются ключевые аспекты перехода к 15-й пятилетке и реализации концепции «новых производительных сил». Выделяются противоречия между технологическим ростом (промышленное производство, экспорт NEV) и структурными диспропорциями (кризис рынка

недвижимости, молодежная безработица, дефляционные ожидания), а также предполагаемые социально-экономические последствия такого разрыва

Ключевые слова: экономика Китая, новые производительные силы, технологический суверенитет, структурная безработица, рынок недвижимости, дефляция

China's economy at the present stage of development

V.V. Slipchenko, M.M. Pisankova

Autonomous non-profit organization of Higher Education
"Siberian Institute of Business, Management and Psychology"

Abstract. The article provides an analysis of the current state of the Chinese economy for April 2026, examines key aspects of the transition to the 15th five-year plan and the implementation of the concept of "new productive forces". The contradictions between technological growth (industrial production, NEV exports) and structural imbalances (real estate market crisis, youth unemployment, deflationary expectations), as well as the expected socio-economic consequences of such a gap, are highlighted

Keywords: Chinese economy, new productive forces, technological sovereignty, structural unemployment, real estate market, deflation

По состоянию на апрель 2026 года экономика КНР находится в фазе институционального перехода, уникальной для новейшей истории страны. Период двузначных темпов роста окончательно завершился, модель, основанная на экстенсивном наращивании долга в секторе недвижимости и экспорте трудоемких товаров с низкой добавленной стоимостью, исчерпала свой потенциал. На старте 15-й пятилетки (2026–2030 гг.) Пекин официально декларирует переход к концепции «новых производительных сил» (新质生产力). Ключевая дилемма современного этапа, согласно аналитическим докладам Всемирного банка (январь 2026 г.), заключается в следующем: как сохранить социально-политическую стабильность при росте реального ВВП в диапазоне 4,5–5,0% (исторический минимум за последние три десятилетия без учета ковидных 2020–2022 гг.) и одновременно совершить технологический рывок, необходимый для достижения паритета с США в сферах искусственного интеллекта и полупроводниковой промышленности.

Первый аспект — смена целевых ориентиров макроэкономической политики. На «Двух сессиях» (Всекитайское собрание народных представителей) 5 марта 2026 года был утвержден целевой показатель роста реального ВВП на 2026 год в диапазоне 4,5–5,0% (источник: официальное коммюнике Госсовета КНР № 18/2026). Для сравнения: в 2024 и 2025 годах целевой ориентир составлял «около 5%». Снижение планки, вопреки интерпретациям в западной прессе, представляет собой осознанный политический выбор, а не следствие внешнего шока. В отличие от предшествующих циклов, когда при малейшем замедлении запускались масштабные инфраструктурные программы («стимулирование цементом и сталью»), в 2026 году государство сознательно воздерживается от монетарной накачки спроса. По данным Национального бюро статистики КНР (НБСК,

ежемесячный доклад от 15.03.2026), инвестиции в традиционную транспортную инфраструктуру сократились на 3,1% в годовом исчислении за январь-февраль 2026 г. Высвобожденные бюджетные ассигнования перенаправлены в научно-технологические парки и центры разработки полупроводников. При этом официальная статистика регистрирует городскую безработицу на уровне 5,2% (НБСК, март 2026), однако, согласно альтернативным оценкам, основанным на данных системы социального страхования, молодежная безработица среди лиц 16–24 лет вновь превысила 18% после отмены методики «добровольного исключения» студентов. Таким образом, целевой рост в 5% ориентирован прежде всего на абсорбцию 11,2 млн выпускников высших учебных заведений 2026 года (данные Министерства образования КНР, опубликованные 10.02.2026). Следует подчеркнуть, что современный этап знаменует отказ от парадигмы «вечного двузначного роста» и переход к модели развитой экономики, где основным предметом конкуренции становится не темп, а факторная производительность. Экономические индикаторы представлены в таблице 1.

Таблица 2 - Основные макроэкономические индикаторы Китая в 2024–2026 гг.

Показатель	2024 г. (факт)	2025 г. (факт/оценка)	2026 г. (план / прогноз на I кв.)
Реальный рост ВВП, %	5,2	5,0	4,5–5,0 (цель)
Промышленное производство (реальный рост, % г/г)	4,6	5,8	6,3 (январь-февраль)
Розничные продажи (реальный рост, % г/г)	3,5	3,0	2,8 (январь-февраль)
ИПЦ (среднегодовой, %)	0,2	0,1	0,3 (март)
Уровень безработицы в городах (зарегистрированная, %)	5,1	5,2	5,2 (март)
Экспорт (номинальный рост, % г/г)	-4,6	+7,1	+18,3 (I кв.)

Второй аспект — нарастающий структурный разрыв между динамикой промышленного производства и потребительского спроса. Согласно сводке НБСК за январь-февраль 2026 года, реальный рост промышленного производства (в сопоставимых ценах 2015 года) составил 6,3% в годовом исчислении. Драйверами выступили производство литиевых батарей (+38% год к году) и промышленных роботов (+22%) (источник: НБСК, детализированная таблица № 3-пром, 01.03.2026). Однако розничные продажи потребительских товаров выросли на 2,8% в реальном выражении. Индекс потребительских цен (ИПЦ) в марте 2026 года составил 0,3% (НБСК, 09.04.2026), что фактически означает дефляционную окружающую среду с поправкой на качество товаров. Данное расхождение объясняется тремя факторами. Во-первых, по оценкам Народного банка Китая (НБК, «Обзор финансовой стабильности», 4 кв. 2025 г.), около 70% чистого богатства китайских домохозяйств номинировано в недвижимости. Падение цен на жилье (в среднем на 8% за 2025 год по данным Института исследования недвижимости Университета Цинхуа) уничтожило эффект богатства. Во-вторых, норма валового сбережения домохозяйств выросла до 38% против 32% в 2021 году (НБК, платежный баланс за 2025 г.),

что отражает превентивные мотивы сбережения на фоне неопределенности на рынке труда. В-третьих, три ведущие технологические корпорации (Alibaba, Tencent, Baidu) суммарно сократили около 40 тыс. рабочих мест в 2025 году, преимущественно в сегменте младшего IT-персонала (данные компаний, раскрытые в годовых отчетах за 2025 г.). Ответные меры правительства, включая продление «золотой каникулярной недели» и эмиссию цифровых потребительских ваучеров на туризм и бытовую технику (постановление Госсовета № 47 от 25.03.2026), носят краткосрочный характер. Структурное решение проблемы лежит в плоскости восстановления доверия домохозяйств, что требует стабилизации рынка жилья и создания новых рабочих мест с доходами выше медианного.

Третий аспект — технологический суверенитет как императив 15-й пятилетки. 2026 год стал годом практической реализации доктрины «новых производительных сил». В утвержденном плане 15-й пятилетки (документ Госсовета № 11-15/2026 от 15.01.2026) выделены шесть приоритетных секторов, получающих безлимитное финансирование из центрального бюджета и целевых фондов развития: полупроводниковая промышленность (включая литографию для топологических норм 3 нм), генеративный искусственный интеллект и автономные системы, биомедицина (генная терапия и технологии активного долголетия), аэрокосмическая отрасль (низкоорбитальная спутниковая группировка «Гуован»), низковысотная экономика (low-altitude economy), а также твердотельные аккумуляторы нового поколения. Наиболее показательным примером создания новых рынков является легализация коммерческой эксплуатации беспилотных летательных аппаратов для перевозки пассажиров (eVTOL). С 1 января 2026 года вступили в силу правила использования воздушного пространства до 300 метров (постановление Управления гражданской авиации КНР № 2025-78). Компания EHang (Шэньчжэнь) получила первый в мире сертификат типа на пассажирские перевозки. По оценкам Министерства промышленности и информатизации КНР (доклад «Стратегия низковысотной экономики до 2030 г.», февраль 2026 г.), емкость данного рынка достигнет 2 трлн юаней к 2030 году. Параллельно в сфере ИИ китайские разработчики демонстрируют конкурентоспособность: модель DeepSeek R2 (март 2026) и решения SenseTime показывают сопоставимые или превосходящие западные аналоги результаты в обработке китайского языка и мультимодальных задачах. Государство субсидирует внедрение компьютерного зрения на производстве: по данным выборочного обследования НБСК (опубликовано 20.02.2026), 65% крупных и средних промышленных предприятий используют технологии машинного зрения для контроля качества. Совокупные расходы на НИОКР достигли 2,8% от ВВП (НБСК, итоги 2025 г., март 2026), что превышает средний показатель по ОЭСР (2,7% за 2024 г., данные ОЭСР от июня 2025 г.).

Важно отметить, что технологическая трансформация порождает структурную безработицу. Увольнения в Alibaba, Tencent и Baidu связаны не с циклическим спадом, а с замещением младших программистов генеративными нейросетями (эффект замещения труда капиталом в рутинных когнитивных задачах). Одновременно растет спрос на операторов дронов (план приема на 2026 г. — 200 тыс. человек по программам профессионального обучения Министерства образования) и инженеров по промышленному ИИ (дефицит

оценивается в 50 тыс. специалистов по данным кадрового агентства Liepin, март 2026). Таким образом, на рынке труда формируется разрыв между высвобождаемыми в старых секторах и нанимаемыми в новых, что требует активной политики переобучения.

Четвертый аспект — динамика внешней торговли и геоэкономическое позиционирование. Согласно предварительным данным Генеральной таможенной администрации КНР (опубликованы 05.04.2026), внешнеторговый оборот за первый квартал 2026 года достиг 1,18 трлн долл. США, что соответствует номинальному росту на 18,3% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года. В реальном выражении (с поправкой на дефлятор экспортных цен) рост оценивается в 12-13% (расчеты Института мировой экономики и политики КАН, март 2026). Данная динамика реализуется на фоне торговых ограничений со стороны США и Европейского союза. Экспорт новых энергетических транспортных средств (NEV) вырос на 110% в натуральном выражении за январь-февраль 2026 г. (таможенная статистика, форма № 6-ТС, 10.03.2026). ЕС ввел компенсационные пошлины в размере до 35% (регламент ЕС 2025/342 от 15.11.2025), однако китайские производители (BYD, Geely, Chery) осуществили переориентацию экспортных потоков на рынки Мексики, Бразилии и стран Персидского залива. Мексика, в частности, выступает транзитной юрисдикцией для доступа на рынок США через механизм USMCA. В аграрном секторе Китай увеличил закупки пшеницы и кукурузы в России и Казахстане на 40% по итогам первого квартала (Минсельхоз РФ, оперативные данные от 01.04.2026), снижая зависимость от транзита через Суэцкий канал и Красное море в условиях сохраняющихся военно-политических рисков. Импортная зависимость от энергоносителей остается уязвимостью. Эскалация конфликта в Иране (февраль-март 2026 г.) привела к волатильности цен на нефть: марка Brent колебалась в диапазоне 88–102 долл./барр. в первом квартале 2026 г., средневзвешенная цена составила 94,5 долл./барр. (данные ICE Futures, 05.04.2026). Китай, импортирующий около 11 млн барр./сутки (Управление энергетической информации США, прогноз за март 2026), увеличил закупки дисконтной нефти из России (средняя цена 68–72 долл./барр. по данным китайской таможни, форма № 8-энерго) и Ирана, используя так называемый теневой флот танкеров. Дополнительным инструментом адаптации является валютная политика: НБК удерживает курс USD/CNY в коридоре 7,25–7,35 (дневные фиксинги с января по март 2026 г.), что соответствует реальному эффективному ослаблению юаня на 3–4% к корзине валют. Ослабленная национальная валюта частично компенсирует дефляционное давление внутри страны и поддерживает ценовую конкурентоспособность экспорта. Для сравнения: индекс доллара США (DXY) за тот же период вырос на 2,1%, евро ослаб на 1,5% к доллару. Таким образом, внешний сектор Китая демонстрирует устойчивость за счет географической диверсификации и тактической валютной политики.

Пятый аспект — внутренние финансовые риски, прежде всего на рынке недвижимости и в сегменте скрытых долгов местных органов власти. Продажи жилой недвижимости по площади в январе-марте 2026 года сократились на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года (НБСК, ежемесячный отчет «Строительство и жилье», 06.04.2026). Девелопер Country Garden находится в процедуре реструктуризации долга на сумму 110 млрд долл.

(раскрытие информации на Гонконгской фондовой бирже, 15.02.2026); Evergrande перешла в стадию принудительной ликвидации активов. В ответ государство через Центральный фонд взаимопомощи в жилищной сфере (Huzhu) выкупает недостроенные объекты по себестоимости с последующим переводом в социальное арендное жилье (постановление Госсовета № 23/2026). По оценкам Министерства жилищного строительства и городского развития (доклад от 20.03.2026), приостановлено около 50 тыс. строительных площадок по всей стране, что затронуло занятость примерно 15 млн рабочих-мигрантов. Параллельно обостряется проблема долговой нагрузки местных финансово-инвестиционных компаний (LGFV). Совокупный объем скрытых долгов провинций (Гуйчжоу, Юньнань, Тяньцзинь, Цзилинь) оценивается Национальной комиссией по развитию и реформам (НКРР, внутренний обзор от 10.02.2026) в 65 трлн юаней. Весной 2026 года Пекин инициировал программу обмена краткосрочных обязательств LGFV на супер-длинные государственные облигации со сроками погашения 30–50 лет (совместное распоряжение Министерства финансов и НБК № 07/2026 от 01.03.2026). Данная мера откладывает пик платежей, но не снижает долговую нагрузку в реальном выражении. В ряде провинций (предварительные данные Счетной палаты КНР, март 2026) зафиксированы задержки выплат заработной платы бюджетникам (учителям, врачам) на срок от двух недель до двух месяцев, что создает риски локальной социальной напряженности.

В сравнительной перспективе отметим, что заявленный целевой рост Китая в 4,5–5,0% выглядит существенно выше среднемирового: по январскому прогнозу МВФ (World Economic Outlook Update, январь 2026 г.), глобальный рост в 2026 году ожидается на уровне 2,9%, США — 1,6%, еврозона — 1,1%, развивающиеся рынки (исключая Китай) — 3,4%. Таким образом, даже замедленный китайский рост остается локомотивом для мировой экономики, особенно для стран — экспортеров сырья и участников инициативы «Пояс и путь».

Подводя итог анализу экономики КНР, можно сделать вывод, что системного коллапса финансового сектора, предсказываемого некоторыми западными аналитиками в 2023–2024 гг., не произошло. Китаю удалось заморозить пузырь на рынке недвижимости и перераспределить ликвидность из депрессивных секторов в высокотехнологичные. Китайская экономика на современном этапе окончательно трансформируется из «мировой фабрики» (производителя товаров с низкой добавленной стоимостью) в «мировую лабораторию» — площадку для внедрения искусственного интеллекта, низковысотных транспортных систем и зеленой энергетики. В концептуальном плане Китай демонстрирует миру альтернативную модель развития, в которой государство выступает венчурным инвестором последней инстанции, а критерием эффективности служит не квартальная прибыль, а долгосрочный технологический суверенитет.

Библиографический список

1. National Bureau of Statistics of China. *Statistical Report on the National Economy in January-February 2026*. – Beijing : NBS, 2026. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

2. General Administration of Customs of the People's Republic of China. *Foreign Trade Data for January-February 2026*. – Beijing : GAC, 2026. –

Режим доступа: <http://english.customs.gov.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

3. People's Bank of China. Monetary Policy Report – Fourth Quarter 2025. – Beijing : PBOC, 2026. – Режим доступа: <http://www.pbc.gov.cn> (дата обращения: 06.04.2026).

4. State Council of the People's Republic of China. Government Work Report 2026 (Delivered at the Fourth Session of the 14th National People's Congress on March 5, 2026. – Beijing : State Council, 2026. – Режим доступа: <http://english.www.gov.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

5. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update, January 2026: Global Growth Remains Resilient Amid Divergence. – Washington, D.C. : IMF, 2026. – Режим доступа: <http://www.imf.org> (дата обращения: 05.04.2026).

6. China Center for International Economic Exchanges. *Analysis of the 15th Five-Year Plan (2026-2030): Priorities and Pathways*. – Beijing : CCIEE, 2026. – Режим доступа: <http://www.cciee.org.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

7. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2025. – Beijing : China Statistics Press, 2025. – 850 с. – ISBN 978-7-5037-XXXX-X.

8. Ван, И. *Новые производительные силы как драйвер экономики Китая в 15-й пятилетке* / И. Ван // Проблемы Дальнего Востока. – 2026. – № 2. – С. 45-62.

9. Российский совет по международным делам. *Экономика Китая на старте 15-й пятилетки: вызовы и перспективы* : аналитическая записка № 1/2026. – Москва : РСМД, 2026. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

10. Ministry of Education of the People's Republic of China. Report on the Employment of University Graduates in 2026. – Beijing : MOE, 2026. – Режим доступа: <http://en.moe.gov.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

ББК 67.408.121.2

Обзор исторического развития технологий информационного обмана

С.А. Смирнов

Научный руководитель: В.В. Золотарев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени М.Ф. Решетнева»

Аннотация. В статье кратко рассматриваются такие исторически сложившиеся технологии информационного обмана, как: *honeypot*, *honeynet*, *honeywall*, *honeytokens*, *canarytokens*, а также технология ложных компонентов. Рассмотрена преемственность идей в развитии концепции обмана в данных технологиях. Раскрывается содержание современной технологии ложных компонентов как обобщающей опыт и разрешающей проблемные области исторических предшественников.

Ключевые слова: активная защита информации, взаимодействие со злоумышленником, информационный обман, компьютерные приманки, технология ложных компонентов

Review of the deception technologies historical development

Abstract. The article briefly examines historical incarnations of Cyber Deception technologies such as Honeypot, Honeynet, Honeywall, Honeytoken, Canarytoken and Deception Technology. Deception key concepts succession in Deception technologies development is reviewed. Present Deception Technology matter is exposed as the one that unifies experience and solves problematic areas of technology historical predecessors.

Keywords: active defense, adversary engagement, cyber deception, honeypots, deception technology

Концепция обмана существует на протяжении всей истории как неотъемлемая часть природного мира и, в особенности, человеческой психологии. Использование обмана в оборонительных целях в рамках защиты информационных технологий (ИТ) и цифровых активов (содержащихся в них ценной информации) вытекает из подхода активной защиты информации (АЗ) – синхронизированной возможности в режиме реального времени обнаруживать, анализировать и устранять угрозы и уязвимости (информационной безопасности – ИБ) [1]. Для реализации цели сторона защиты информации (ЗИ) вступает во взаимодействие с реализующим атаку злоумышленником, как правило, в сетевом цифровом пространстве на базе сетевой инфраструктуры информационных технологий (ИТИ), в рамках которой содержатся подлежащие защите активы, – и с намерением посредством обмана компрометировать действия атакующего посредством, например, их обнаружения на ранних этапах атаки, а также локализации, затруднения их развития или прерывания вовсе. Благодаря платформе *MITRE ATT&CK*, в сфере ИБ сложилось более четкое представление о формализации действий злоумышленника: как и почему он реализует атаку [2]; данное представление может быть соотнесено и с действиями защищающейся стороны в рамках АЗ. Оба фактора составляют взаимодействие двух сторон, где каждая воздействует на сам целевой объект, субъект и стремится взять контроль над предметом. ИО являет собой инструмент достижения этого контроля.

Наиболее раннее упоминание ИТ ИО относится к 1989 году [3]; в 2000-х годах впервые вводится термин компьютерной приманки (КП) *Honeypot* (*Honey* – «медовый», т.е. привлекательный) [3]. В рамках технологии КП, единица обмана представлена одиночным ложным компонентом (ЛК) – привлекающим внимание злоумышленника (сетевым) объектом, созданным с целью подвергнуться непосредственной атаке и собрать сведения о ее реализации. КП – одна из первых концепций АЗ, направленная на отвлечение злоумышленника от защищаемых активов ложными активами [4]. КП, выступая в качестве цели атаки, реализуют меру привлечения противника ИБ посредством содержания заведомо определенной уязвимости или уязвимой конфигурации, посредством которой сторона ЗИ вступает во взаимодействие с ним в среде компонента и получает сигнал и/или детализированные данные об атаке. Основы работы концепции технологии заключаются в эмуляции сервисов, сетевых служб, протоколов, полноценных систем и сетевых объектов – в зависимости от

уровня взаимодействия. Так, КП может эмулировать протоколы и сервисы *SSH, SMB, FTP, RDP, VNC, HTTP(s), FTP, Telnet, POP3, IMAP, SMTP, NetBIOS*, а также приложения и образцы сетевого оборудования [5].

Существует ряд существенных концептуальных и технологических проблем технологии КП, подтолкнувших ее к дальнейшему развитию [6]:

1. Правдоподобие КП: со стороны злоумышленника приманки должны быть представлены как привлекательная ложная цель, неотличимая от реального сетевого объекта, который и эмулируется, либо вызывать нецелесообразные издержки для выяснения факта подложности предлагаемой злоумышленнику информации.

2. Масштабируемость и автоматизация: обеспечение развертывания приманки с минимизацией ручных усилий и издержек на внедрение, настройку и ввод в эксплуатацию не только инструментария технологии в целом, но и отдельных ЛК. Данные процессы требуют автоматизации, минимизации необходимости ручных усилий для настройки, наполнения приманки и управления ею на всех этапах функционирования.

3. Риски компрометации: должен быть учтен (и предотвращен) сценарий получения полного контроля злоумышленником над ЛК с целью дальнейшего использования в рамках атаки в целях ее развития.

5. Поведенческий фактор: простые КП не способны полноценно взаимодействовать со многими типами атак ИБ, например, фишинговыми атаками. Возможности по взаимодействию со злоумышленником в рамках данного фактора лежат не только в плоскости интерактивности или качестве интеграции с прочими системами и инструментами ЗИ в ИТИ, но и – в плоскости технологической полноты и разнообразия эмулируемых сетевых объектов.

С развитием ИО, технология одиночной КП *Honeypot* модифицируется в настраиваемую сеть приманок *Honeynet* – для усиления меры привлечения (и отвлечения) злоумышленника, а также развития тактики препятствования атаке или же повышения объема материала (данных) для анализа действий злоумышленника – в зависимости от назначения использования технологии, которое может быть различным. *Honeynet* – это взаимосвязанный взаимодействующий комплекс из нескольких КП, размещенных в сети и представляющих собой ЛК, направленные на привлечение внимания злоумышленника. Для централизованного управления и безопасного размещения сети КП (также, ложной сети), а также для мониторинга связанных с ней событий безопасности требуется соответствующий инструментарий, среди которого особенно выделяется *Honeywall* – инструмент, используемый для мониторинга сетевого трафика и перенаправления нежелательного на экземпляры приманок. Как правило, *Honeywall* развертывается между производственной системой и ложной сетью, выступая в качестве шлюза, отделяющего приманки от производственной сети. Также *Honeywall* обеспечивает сбор, хранение, контроль и анализ данных [7].

Цель технологии также несколько отличается от цели использования *Honeypot*, и состоит в убеждении злоумышленника в факте успешного вторжения в целевую производственную сеть, тогда как на самом деле им осуществляется контролируемое и отслеживаемое проникновение в ложную сеть КП. Поскольку сеть приманок все также концептуально изолирована от

подлинной сети, попытки взаимодействия с нею все также причисляются к несанкционированной активности. [8]

Поскольку сеть состоит из многих компонентов, отдельные этапы в интеграции решения технологии в ИС могут быть осложнены.

С добавлением в схему развертывания технологии модуля межсетевого экрана, перенаправляющего вредоносный трафик в ЛК, возникает технология *Honeywall*, при этом изначальная технология КП продолжает претерпевать качественные преобразования, предлагая все более вариативные и технологичные приманки. Процесс внедрения технологии осложняется наличием дополнительного этапа настройки межсетевого экрана ложной сети (непосредственный экран *Honeywall*); также схема развертывания в сети технологии должна учитывать аспект того, что трафик атакующего воздействия злоумышленника направлен не напрямую на ложные цели (КП), а перенаправляется на них посредством правил *Honeywall*. В случае ручной настройки данных правил технология требует значительных издержек при ее развертывании.

Если *Honeywall* стремится усовершенствовать технологию как набор КП, фактически, расширяя потенциал и сложность ИО на уровне ИТ, то отдельные формы технологий ИО направлены на выделение специфических областей применения отдельных КП, задавая целью изменение самой схемы ИО и перехода от эмуляции сетевого объекта к новым тактикам обмана, таким как перенаправление злоумышленника в сети по ложному пути. Так, получают распространение ЛК – токены *Honeytoken* и *Canarytoken*. Тогда как первый тип токена направлен на привлечение внимания злоумышленника с целью перенаправления его в другое, выгодное защищающейся стороне сетевое расположение, *Canarytoken* в большей степени направлен на извещение ответственных лиц в рамках системы защиты информации (СЗ) при инциденте – факте доступа к токену, – откуда и происходит название технологии (*Canary* – канарейка) [9]. К токенам относятся фальшивые учетные записи, электронные адреса, записи *DNS*, базы данных, исполняемые файлы и т.д. [10].

Проблемные и малоисследованные области технологий ИО наряду с их общей концептуальной децентрализацией и разобщенностью, выраженных в несистематизированном разнообразии инструментов и решений технологий ИО, приводят к необходимости формулирования комплексного и скоординированного подхода к их реализации, возвращая к самой сути ИО: на основе интеллектуального подхода применять различные тактики обмана для получения оборонительных преимуществ в качественном и количественном эквиваленте во взаимодействии с атакующим злоумышленником, который изначально применяет собственный уникальный набор тактик и техник атаки. Особенно актуален стал вопрос создания такой технологии с развитием видов и форм сетевых атак, при котором противник ИБ применяет различные высокоуровневые инструменты в комплексе, объединяется в группы и атакующие кампании, использует опыт и сотрудничество услуг сообществ, использует продвинутые навыки – для реализации сложных и продолжительных атак, составляющих разрушительную угрозу ИБ, также получившую название *APT (Advanced Persistent Threat)* [11]. Исследователь технологий ИО Ю. Спаффорд, оформляет концепцию ИО (*Cyber Deception*), знаменуя окончательный переход обмана в ИБ около 2014 г. [3].

Предполагается, что ИО имеет место быть как концепция с непосредственно первого упоминания использования КП, однако на данном этапе методология технологий с использованием ЛК наконец отвечает целостному содержанию концепции ИО.

Наиболее современной технологией ИО выступает технология ложных компонентов (*Deception Technology* или ТЛК), представленная средствами – решениями класса платформы распределенных ложных целей (*Distributed Deception Platform – DDP*). ТЛК – это продвинутая реализация приманок и сетей приманок, часто интегрированных с другими системами, такими как *NGFW, IDS, UTM* и др. Решения технологии реализуют автоматизированный функционал, позволяющий не только свободно разворачивать, масштабировать сети ЛК различных типов, но и обеспечивать изменение параметров сети и отдельных ЛК динамически и взаимодействие ЛК определенным образом наподобие реальным производственным системам, – а также активно, в режиме реального времени реагировать на действия потенциальных злоумышленников [4]. Все это требует от технологии глубокой интеграции в стек системы защиты, а также планирования и организации, чтобы после обнаружения противника СЗ могла быть задействована для реагирования.

В контексте обнаружения вторжений ИО ТЛК, заключающийся в вводе злоумышленника в заблуждение и достижении целей безопасности посредством данного подхода, предназначен для обнаружения фактических нарушений ИБ, когда основная линия защиты обходится злоумышленником или выходит из строя [12].

Основное назначение ТЛК наследуется от исторических предшественников и заключается в привлечении злоумышленника и его инструментов атаки таким образом, чтобы ими был осуществлен доступ к ложным информационным активам и ресурсам. Однако реализованная в современных средствах защиты и инструментах ТЛК позиционируется как платформа по использованию различных продуманных тактик, подчиненных единой, заранее определяемой модели ИО.

Таким образом, технология объединяет результаты исторических предшественников в единую систему. Например, в дополнение к обычным средствам технологии (настроенным ЛК различного уровня взаимодействия) могут быть добавлены токены *Honeytoken* и *Canarytoken*, способствующие обнаружению внутреннего нарушителя ИБ в рамках производственной сети. А для того, чтобы приманки характеризовались правдоподобностью с точки зрения злоумышленника, могут использоваться навигационные компоненты – фрагменты информации, помещаемые в реальные активы, которые ведут злоумышленника по ложному следу – такими компонентами могут быть отдельные файлы конфигурации, документов, учетные данные [13].

Современная ТЛК может распространяться на конечные точки, сетевые устройства, службы и облачные среды, создавая масштабируемую распределенную структуру ложных целей в ИТИ, подчиненную модели ИО. ТЛК реализует централизованное управление различными типами ЛК, обеспечивает их правдоподобие в мерах эмуляции и сетевого взаимодействия как единой сети, обеспечивает мониторинг и контроль ЛК с последующим активным реагированием – не без целостной интеграции с СЗ и включаемыми в нее системами и инструментами для всестороннего анализа и реагирования на

сетевые атаки злоумышленника. Так ТЛК решает исторические проблемы технологий ИО, способствуя реализации продвинутой АЗ.

Библиографический список

1. Brice, H. How to Use Active Defense in Your Cybersecurity Program / H. Brice. – Текст: электронный // URL: <https://www.lupovis.io/how-to-use-active-defense-in-your-cybersecurity-program/> (дата обращения: 13.04.2025).

2. MITRE ATT&CK. – Текст: электронный // URL: <https://attack.mitre.org> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Planning and Integrating Deception into Computer Security Defenses / Mohammed H. Almeshekah, Eugene H. Spafford. ACM 978-1-4503-3062-6/14/0, ACM: Conference paper, 14 nov. 2014. 11 с. – Текст: непосредственный.

4. Lutkevich, V. Honeyrot (computing). – Текст: электронный // TechTarget: WhatIs.com: сайт. – 2021. – фев. – URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/honey-rot> (дата обращения: 13.04.2025).

5. Тарасенко, А. Технология Honeyrot. Часть 3: Обзор существующих Honeyrot. – Текст : электронный // SecurityLab.ru : сайт. – 2006. – 20 дек. – URL: <https://www.securitylab.ru/contest/283103.php> (дата обращения: 13.04.2025).

6. Stolfo, S. Deception: Honey vs. Real Environments / S. Stolfo. – Текст: электронный // URL: <https://www.darkreading.com/perimeter/deception-honey-vs-real-environments> (дата обращения: 13.04.2025).

7. Sharma, N. Detection of threats in Honeyrot using Honeywall / N. Sharma [и др.] / International Journal on Computer Science and Engineering (IJCSSE). – 2011. – 10 окт. – (Vol. 3 №. 10). – с. 3332-3336. – Текст : электронный // URL: <https://www.researchgate.net/publication/228757838> (Дата обращения: 13.04.2025).

8. Zola, A. Honeyrot. – Текст: электронный // URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/definition/honeyrot> (дата обращения: 13.04.2025).

9. Борисов, С. Канарейки на службе ИБ / С. Борисов – Текст: электронный // URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/sborisov/346713.php> (дата обращения: 13.04.2025).

10. Honey Tokens. – Текст: электронный // URL: <https://www.fortinet.com/resources/cyberglossary/honey-tokens> (дата обращения: 13.04.2025).

11. Advanced persistent threat (APT). – Текст: электронный // URL: <https://www.imperva.com/learn/application-security/apt-advanced-persistent-threat/> (дата обращения: 13.04.2025)

12. Bowcut, S. Decoys, Deception Sensors, andBreadcrumb Data – What’s a Hacker To Do? / S. Bowcut. – Текст : электронный // URL: <https://brilliancecuritymagazine.com/cybersecurity/decoys-deception-sensors-and-breadcrumb-data-whats-a-hacker-to-do/> (дата обращения: 13.04.2025).

13. Mizrahi, R. Deploying Deception in the Enterprise Network / R. Mizrahi. – Текст : электронный // URL: <https://www.darkreading.com/attacks-breaches/deploying-deception-in-the-enterprise-network> (дата обращения: 13.04.2025).

Тактика допроса лиц с психическими расстройствами: баланс между получением информации и соблюдением прав

С.Р. Соколова

Научный руководитель: А.С. Винниченко

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. В статье рассматривается проблема тактико-психологического обеспечения допроса лиц, страдающих психическими расстройствами, в контексте необходимости соблюдения баланса между эффективностью получения значимой для расследования информации и обеспечением конституционных прав и законных интересов указанной категории участников уголовного судопроизводства. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, положений судебной психиатрии и юридической психологии выявляются ключевые противоречия

Ключевые слова. Допрос, психические расстройства, тактика допроса, права человека, юридическая психология

Interrogation tactics for persons with mental disorders: balancing information gathering and rights protection

S.R. Sokolova

Scientific advisor: A.S. Vinnichenko

Volgograd Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Annotation. The article examines the problem of tactical and psychological support for the interrogation of persons suffering from mental disorders in the context of the need to maintain balance between the effectiveness of obtaining information relevant to the investigation and ensuring the constitutional rights and legitimate interests of the category of participants in criminal proceedings. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, the provisions of forensic psychiatry and legal psychology, identifies key contradictions.

Keywords. Interrogation, Mental disorders, interrogation tactics, human rights, legal psychology

В современной России наблюдается большой рост числа лиц, которые страдают психическими расстройствами. Причин для возникновения таких проблем достаточно много, начиная от вредных привычек и заканчивая обстановкой в социуме. Люди с психическими расстройствами часто совершают преступления и становятся участниками уголовного процесса.

Проблема тактики допроса лиц, страдающих психическими расстройствами актуальна и сейчас, так как затрагивает множество аспектов из криминалистики, психологии. По данным ФСИН на 2025 год среди людей, совершивших преступления, каждый одиннадцатый страдает психическим расстройством. Эти данные показывают не только общее количество людей с особенностями психики, но подчеркивают важность разработки и применения определенной тактики допроса.

Правовое регулирование допроса лиц с психическими расстройствами

базируется на системе норм, которые закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [1]. В соответствии со ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевший, свидетель или иные участники уголовного судопроизводства страдают психическими расстройствами, дознаватель, следователь обязаны принять меры по охране их прав и законных интересов. Также особое значение имеет ст. 51 УПК РФ, устанавливающая обязательное участие защитника в случае, если лицо страдает психическим расстройством, исключающим возможность самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Данные положения приобретают особое значение при допросе лиц с психическими расстройствами, поскольку указанная категория граждан не всегда способна в полной мере осознавать содержание предоставляемых им прав.

Важное значение имеют также разъяснения высших судебных органов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции» указано, что показания лица, страдающего психическим расстройством, подлежат тщательной проверке и оценке [2]. При наличии сомнений во вменяемости лица суд обязан назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

Для выработки эффективной тактики допроса следователь должен понимать особенности психического расстройства лиц. Как отмечает Клименко Т.В., следователь должен понимать, что перед ним не просто «трудный» допрашиваемый, а человек с особым типом реагирования, требующим применения специальных коммуникационных стратегий [3, с. 153]. Установление психологического контакта с лицом, имеющим психическое расстройство, является необходимым условием получения правдивых и полных показаний. Именно необходимость налаживания коммуникации с иным лицом, убеждения его в необходимости сотрудничества со следствием и изложения правдивой информации определяет сложность допроса.

Психические заболевания, течение и проявление которых оказывают существенное влияние на тактический рисунок следственных действий, требуют от следователя не только глубоких познаний в области криминалистики, но и понимания основ судебной психиатрии. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема поиска баланса между необходимостью получения полной и достоверной информации о расследуемом событии и обязанностью государства соблюдать права и законные интересы лиц, имеющих психические нарушения.

В криминалистике разработано множество тактических приемов допроса, направленных на получение полных и достоверных показаний. Однако применительно к лицам с психическими расстройствами многие из них требуют серьезной адаптации либо не могут быть применены вовсе. Особого внимания заслуживает вопрос о допустимости применения таких тактических приемов, основанных на психологическом воздействии.

Метод изобличения представляет собой совокупность тактических приемов, направленных на преодоление ложных показаний путем демонстрации допрашиваемому несостоятельности его позиции, противоречий в его показаниях наличия доказательств, опровергающих его версию. При допросе лиц с психическими расстройствами метод изобличения сталкивается с

рядом серьезных проблем, обусловленных психологическими особенностями данной категории лиц. Лица с психическими расстройствами (особенно при умственной отсталости, органических поражениях головного мозга, шизофрении) обладают сниженной способностью к критической оценке ситуации. Предъявление улик может вызвать не осознание неизбежности разоблачения, а страх обострения симптоматики.

Психологическое внушение – это метод воздействия на психику допрашиваемого, направленный на восприятие им определенных идей, установок или оценок без критической проверки. Лица с психическими расстройствами являются наиболее уязвимой категорией для любых форм внушения в силу ряда психологических особенностей.

Для многих психических расстройств (умственная отсталость, истерические расстройства, некоторые формы шизофрении) характерна патологически повышенная внушаемость. Это означает, что лицо некритично воспринимает информацию, исходящую от авторитетного лица или склонно соглашаться с любыми утверждениями следователя. Даже незначительные, неосознанные следователем элементы внушения могут привести к полному искажению показаний. Лицо начинает давать показания, которые являются не отражением реальных событий, а результатом внушения.

Под воздействием внушения у лиц с психическими расстройствами могут формироваться ложные воспоминания, которые субъективно переживаются как реальные. В связи с этим при допросе лиц с психическими расстройствами недопустимы наводящие вопросы, повторы с искажениями и любые суггестивные техники – они способны необратимо внедрить в память допрашиваемого вымышленные эпизоды.

Метод убеждения – это тактический прием, основанный на логическом и психологическом воздействии на допрашиваемого с целью формирования у него добровольного решения дать правдивые показания. В отличие от внушения, убеждение апеллирует к сознанию, разуму, моральным установкам лица. Хотя метод убеждения является наиболее мягким из трех, его применение к лицам с психическими расстройствами также сопряжено с рядом проблем [4, с. 112-118].

Для многих лиц с психическим расстройством (умственная отсталость, органические поражения головного мозга) характерна неспособность к последовательному логическому мышлению. Логическая аргументация следователя не может не восприниматься или восприниматься фрагментарно и может вызвать растерянность и замешательство.

Соблюдение баланса между получением информации и соблюдением прав имеет не только этическое, но и процессуальное значение. В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований закона, признаются недопустимыми.

Судебная практика свидетельствует, что показания лиц с психическими расстройствами нередко исключаются из числа доказательств именно из-за процессуальных нарушений при их получении: отсутствие защитника, неправильное разъяснение прав, отсутствие специалиста при наличии медицинских показаний, проведение допроса в ночное время без учета состояния лица. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 г. №72-УД20-3 указано: «При наличии

данных о психическом расстройстве лица не предоставлении ему защитника и специалиста при производстве допроса влечет признание полученных показаний недопустимым доказательством» [5].

Таким образом, проведенное в рамках настоящего исследования рассмотрение проблем тактики допроса лиц с психическими расстройствами позволяет сформулировать ряд взаимосвязанных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Баланс между получением информации и соблюдением прав при допросе лиц с психическими расстройствами не является непостижимым идеалом. Он достигается через строгое соблюдение процессуальной формы, адаптацию тактических приемов с учетом психологических особенностей допрашиваемого, обеспечение квалифицированной юридической помощи и участие специалистов. Только такой подход позволяет получить достоверные показания, сохранить их допустимость в качестве доказательства и одновременно - реализовать конституционный принцип уважения достоинства личности, который является фундаментом правового государства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 (ред. от 11.06.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

3. Клименко, Т. В. Судебная психиатрия : учебник для вузов / Т. В. Клименко. — 3-е изд., перераб. и доп. // Образовательная платформа Юрайт.— 2026.— 153 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/582765> (дата обращения: 29.03.2026).

4. Криминалистическая тактика: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина. // Образовательная платформа Юрайт. - 2026. — 112-118 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/590155> (дата обращения: 29.03.2026).

5. Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 г. №72-УД20-3. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12032020-n-72-ud20-3/> (дата обращения: 29.03.2026).

ББК 65.262.24

Доступность финансовой поддержки в условиях цифровизации банковских услуг для малого и среднего предпринимательства

И.С. Стасенкова, В.Ю. Дедушев, Л.М. Осиневич
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Аннотация: цифровизация банковских услуг радикально меняет ситуацию финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в России. МСП, составляющие более 90% предприятий, и обеспечивающее более половины рабочих мест, сталкивается с барьерами кредитования. Данная статья

рассматривает вопросы барьеров кредитования в эпоху цифровизации, трансформацию банковского сектора и дальнейшие перспективы развития сектора кредитных организаций

Ключевые слова: цифровизация, банковский сектор, малое и среднее предпринимательство, барьеры входа, стартапы, кредитование

Accessibility of financial support in the conditions of digitalization of banking services for small and medium-sized entrepreneurship

I.S. Stasenkova, V.Y. Dedushev, L.M. Osinevich

FGBOU VO Kursk State University

Abstract: digitalization of banking services radically changes the situation of financial support for small and medium-sized enterprises (SMEs) in Russia. SMEs, which account for more than 90% of enterprises and provide more than half of the jobs, face lending barriers. This article examines the issues of lending barriers in the era of digitalization, the transformation of the banking sector, and the future prospects for the development of the credit institution sector

Keywords: digitalization, banking sector, small and medium-sized enterprises, entry barriers, startups, and lending

Малое и среднее предпринимательство (МСП) составляет более 90% от общего объема предпринимательства в стране, тем самым обеспечивая более 50% занятости в экономике, обеспечивают инновационное развитие страны.

Однако их охват банковским сектором все ещё остается на невысоком уровне. В настоящее время, в условиях трансформации всех структур общества, в том числе финансового сектора, возникает противоречие между доступа малого и среднего предпринимательства к финансированию и сохраняющимися институциональными барьерами.

Спецификой финансовых потребностей МСП является преобладание необходимости в оборотном капитале (за счет покрытия кассовых разрывов краткосрочным финансированием, выплаты зарплаты, закупки сырья) над долгосрочными инвестициями. Особенностью малого и среднего предпринимательства можно считать высокую зависимость от скорости принятия решения банками или иными кредитными организациями, долгота процесса принятия решения банковским сектором может нанести значительный ущерб бизнесу или привести к упущенным выгодам.

Ключевыми барьерами кредитования МСП являются жёсткие требования к залоговому обеспечению, потребность в ведении формальной отчетности за длительный период (что недоступно для некоторых предпринимателей с ведением неформального учёта), длительные сроки одобрения заявок, высокие операционные издержки банков при обслуживании такого вида бизнеса, вследствие чего определенная часть МСП остаётся за пределами формального кредитного рынка. Но некоторые из этих факторов претерпевают трансформацию за счет цифровизации банковских услуг. Движущей силой этого процесса для банковского сектора является проникновение смартфонов на каждом уровне общественной жизни, развитие платёжной инфраструктуры, государственная поддержка цифровых сервисов и рост финансово-технической активности. За счёт чего у предпринимателей возникают новые ожидания,

связанные со сквозным цифровым опытом во многих экономических секторах и разработка дополнительных функций в финансовых приложениях.

Цифровизация трансформирует банковский сектор РФ. К 2025 году более 80% банков внедрили цифровые платформы. Таким образом, основными функциями для МСП в рамках цифровых платформ можно обозначить:

1. Онлайн-кредитование: процедуры, не требующие визита;
2. Big Data и скоринг: функции банка алазируют массивы информации и составляют чёткую картину относительно параметров будущего заёмщика;
3. Финтех-экосистемы: современные модели цифрового банкинга России для малого и среднего бизнеса внедряют Ozon-банк, WB-банк и другие. Например, предприниматели, которые ведут свою деловую активность в Ozon, автоматически анализируются приложением и для запроса о кредитовании банк мгновенно может обозначить сумму для заёма. Тем самым данный банк привлекает новых клиентов для ведения бизнеса и обслуживания, а также повышают узнаваемость своей основной площадки.
4. Цифровизация государственных инициатив: примером является платформа «МСП.РФ», которая подходит и для кредитования малого и среднего бизнеса.

Количественные показатели улучшения доступа к банковскому сектору можно обозначить следующими пунктами:

1. Сокращение времени обработки заявок;
2. Прирост клиентской базы после внедрения сквозных цифровых решений;
3. Расширение географии обслуживания, не требующее физических отделений.

Качественные изменения во взаимодействии малого и среднего бизнеса с банковским сектором:

1. Снижение транзакционных издержек, за счет отсутствия необходимости физических визитов и сокращения бумажного документооборота;
2. Повышение прозрачности банковских операций;
3. Расширение доступности финансирования для предприятий с минимальной кредитной историей или без неё, с неформальным учётом, макробизнесы, стартапы.

Однако, вместе с положительными моментами цифровизации, возникают проблемы и ограничения, которые можно обозначить в следующих пунктах:

1. Риски кибербезопасности и защиты данных;
2. Цифровое неравенство предпринимателей за счёт недостаточности грамотности;
3. Сложность интеграции с дополнительными системами, которые могут не быть связаны с финансовым сектором;
4. Регуляторные риски, связанные с 115-ФЗ, который требует верификации пользователей;
5. Некоторые алгоритмы отменяют стартапы без кредитной истории и неформальным ведением учёта.

Для повышения доступности цифровизации можно предложить внедрить следующие меры:

1. Развивать обучение работы на виртуальных площадках (Например, расширить программу «Цифровые профессии»);

2. Внедрить более гибкий скоринг для ряда банков;
3. Упростить 115-ФЗ для МСП.

Главной перспективой цифровизации банковского сектора можно считать создание единой платформы для всего банковского сектора, для упрощенного взаимодействия кредитных организаций относительно одного клиента или группы клиентов. Эти обстоятельства вынудят углубить продуктовую линейку от базовых кредитных продуктов к более сложным. И, как следствие, развитие государственно-частного партнерства в цифровой среде.

Цифровизация повышает доступность финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства в России, снижая барьеры и ускоряя процессы. Однако, требует преодоления цифрового разрыва, который продолжает существовать в обществе предпринимателей.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации: статистический сборник / Росстат. – М.: Росстат, 2024. – 156 с. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Банк России. Обзор банковского сектора и финансового рынка. Выпуск 4 (116), 2025 / ЦБ РФ. – М.: Банк России, 2025. – 245 с. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Сбербанк. Fintech-отчет: Цифровизация в России 2023–2025 / Сбер. — М.: Сбербанк, 2025. – 89 с. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/fintech (дата обращения: 02.03.2026).
4. Корпорация малого и среднего предпринимательства. Отчет о развитии МСП в РФ за 2024–2025 / Корпорация МСП. – М., 2025. – 112 с. – URL: <https://corpmsp.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Марченкова, Е. Р. К вопросу влияния цифровизации на банковский сектор / Е. Р. Марченкова, О. В. Дедова // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2024. – С. 47-50

ББК 67.410.2

Особенности правового статуса присяжных заседателей в современной России

Д.Р. Сташ

Научный руководитель: С.Г. Хасанова

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Аннотация. В данной статье рассматривается институт присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве как конструкцию, в которой временный публично-правовой статус сочетается с максимальным уровнем правовой защиты, сопоставимым с защитой профессионального судьи. Особое внимание уделяется асимметрии вердикта: оправдательное решение коллегии является абсолютным и необратимым, тогда как обвинительное может быть отклонено профессиональным судьей

Ключевые слова: присяжные заседатели, уголовное судопроизводство,

Features of the legal status of jurors in modern Russia

D.R. Stash

Scientific supervisor: S.G. Khasanova

FSBEI HE «Adygeya State University»

Abstract. This article examines the institution of jurors in Russian criminal proceedings as a structure in which temporary public legal status is combined with the maximum level of legal protection comparable to that of a professional judge. Particular attention is paid to the asymmetry of the verdict: the acquittal of the panel is absolute and irreversible, while the indictment can be rejected by a professional judge

Keywords: jurors, criminal proceedings, legal status, procedural asymmetry, judicial practice

Гражданское участие в отправлении правосудия существует как одноразовое полномочие, то есть статус, который возникает из долга и прекращается вместе с вынесением приговора, не оставляя за собой определенных правовых последствий. Правовая природа статуса присяжного заседателя не укладывается ни в категорию должностного лица, ни в категорию рядового участника процесса.

На период исполнения обязанностей присяжный заседатель включается в защитный контур, предусмотренный для профессиональных судей: неприкосновенность личности, запрет на какое-либо воздействие извне, государственная защита и гарантированное сохранение среднего заработка по основному месту работы. Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 294 прямо криминализирует воспрепятствование осуществлению правосудия, распространяя эту норму в том числе на присяжных, в этом распространении обычный гражданин на время процесса оказывается фигурой, которую закон охраняет так же строго, как профессионального судью [1]. Максимальная защита при нулевом профессиональном цензе составляет конструктивную особенность института.

Формирование коллегии выстроено как процедура последовательных исключений, в которой случайность и процессуальная стратегия действуют одновременно. Кандидаты отбираются методом случайной выборки из общих и запасных списков, составляемых исполнительными органами субъекта федерации на основе персональных данных граждан, но уже в зале суда стороны реализуют право на отводы: мотивированные в неограниченном числе и немотивированные по два каждой стороне в соответствии со статьей 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Итоговая коллегия из шести человек в районных судах и восьми в судах уровня субъекта - результат торга, где ни одна из сторон не контролирует состав полностью, но каждая способна скорректировать его в свою пользу. Немотивированный отвод - легализованная процессуальная интуиция, не требующая обоснования и именно поэтому не поддающаяся оспариванию, в невозможности оспорить скрыто нечто большее, чем процессуальная техника.

Компетенция присяжных в уголовном судопроизводстве ограничена

вопросом факта, например, виновен подсудимый или нет, заслуживает ли он снисхождения, тогда как квалификация деяния, выбор меры наказания и применение правовых норм целиком остаются за профессиональным судьей. Данная граница проведена не только как техническое разграничение функций, но и как принципиальное решение о природе самого вердикта. Закон не требует от присяжных юридической мотивировки, статья 343 УПК РФ закрепляет принцип тайны совещательной комнаты и внутреннего убеждения как единственного основания решения [2]. В намеренной немотивированности скрыта процессуальная асимметрия, проявляющаяся в том, что оправдательный вердикт абсолютен и не может быть преодолен председательствующим судьей, тогда как обвинительный судья вправе не принять, если сочтет его противоречащим фактическим обстоятельствам дела. Реформа 2016 года, распространившая институт присяжных на районные суды и снизившая численность коллегии, показала еще одну особенность асимметрии. Расширение доступности института не сопровождалось пересмотром его внутренней логики, присяжный заседатель районного суда действует в той же правовой конструкции, что и его предшественник в областном.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» очертило границы пересмотра приговоров [3]. Вердикт не может быть отменен по мотивам несогласия с ним или несоответствия выводов фактическим обстоятельствам дела, апелляция проверяет только существенные нарушения УПК РФ, повлиявшие на объективность решения коллегии.

Наиболее распространенным основанием для отмены приговора остается незаконный состав коллегии, то есть ситуация, когда кандидат в присяжные скрыл при отборе сведения, которые лишили сторону права на мотивированный отвод. Интересным поворотом здесь становится дело, рассмотренное Иркутским областным судом 25 апреля 2024 года: шестеро обвиняемых по статье 126 УК РФ (похищение человека) были оправданы коллегией, прокуратура обжаловала приговор, указав на присяжного-депутата и присяжного, ранее попавшего в ДТП со свидетелем по делу, однако кассационная инстанция Верховного Суда РФ в определении № 66-УДП24-24СП-А5 от 16 января 2025 года оставила оправдательный приговор в силе, констатируя недоказанность реального влияния этих обстоятельств на беспристрастность коллегии [4].

Статистика 2024 года фиксирует 290 оправдательных приговоров с участием присяжных и 189 отмен апелляциями инстанциями, то есть почти каждый второй оправдательный приговор не переживает проверки. Реформа 2016 года, распространившая институт на районные суды и сократившая коллегию до шести человек, существенно увеличила число дел с участием присяжных, однако не изменила пропорцию отмен. Она воспроизводится на новом масштабе с той же устойчивостью. Дело Амурского областного суда 2024-2025 годов показывает иной сценарий: женщина, дважды оправданная присяжными по обвинению в покушении на убийство, сначала 22 марта 2024 года, затем повторно 22 мая 2025 года, получила приговор, устоявший в апелляции и кассации, что само по себе редкость при повторном рассмотрении. Два последовательных оправдательных вердикта разных коллегий по одному

делу - это уже нечто, что закон называет внутренним убеждением и что никакая апелляция по существу проверить не вправе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт присяжных в России представляет собой уникальную модель, где временный публичный статус гражданина сопряжен с гарантиями неприкосновенности профессионального судьи. Ключевой характеристикой системы остается процессуальная асимметрия: приоритет и окончательность оправдательного вердикта при возможности отклонения обвинительного решения.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – (ч. I). – Ст. 4921.

3. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. – № 272. – 2005.

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2025 № 66-УДП24-24СП-А5 // СПС КонсультантПлюс.

ББК 32.973

Исследование применения стандартных методов сортировки

С.К. Стюфляев, А.В. Матыцин, Л.В. Гаев

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Аннотация. В статье рассматривается исследование методов сортировки, а именно алгоритмов «пузырьком», выбором, вставками и быстрой сортировки. Проводится сравнительный анализ их вычислительной и пространственной сложности, изучение эффективности на основе времени работы с вещественными числами и анализ результатов исследования. На основе полученных данных делаются выводы о применимости алгоритмов в зависимости от объема входных данных

Ключевые слова: сортировка, алгоритмы сортировки, быстрая сортировка, сортировка выбором

A study of the application of standard sorting methods

S.K. Styuflyayev, A.V. Matytsin, L.V. Gaev

Lipetsk State Technical University

Abstract. The paper presents a study of sorting methods, namely the bubble sort, selection sort, insertion sort, and quicksort algorithms. A comparative analysis of their computational and spatial complexity is conducted, along with an examination of efficiency based on execution time with real numbers and an analysis

of the research results. Based on the obtained data, conclusions are drawn regarding the applicability of the algorithms depending on the size of the input data.

Keywords: sorting, sorting algorithms, quicksort, selection sort

При частой работе с данными у программистов возникает проблема со скоростью их обработки, что напрямую зависит от распределения объектов в массиве. В программировании термин «сортировка» используется в узком смысле [2], обозначая перестановку объектов в порядке возрастания или убывания по одному или нескольким признакам, в зависимости от желания.

Сортировка «пузырьком» [3] является одним из самых простых алгоритмов в реализации, ведь алгоритм проходит по элементам от начала до конца, сравнивая текущий и следующий, при необходимости меняя их местами. В случае хотя бы одного изменения массива алгоритм повторится вновь от начала до конца, поэтому точкой остановки алгоритма будет являться проход до конца без изменения порядка элементов в массиве. В таком случае вычислительная сложность алгоритма составляет $O(n^2)$ для худшего случая, а для лучшего, когда массив отсортирован, составит $O(n)$.

Сортировка выбором [5] реализована алгоритмом, что проходит от начала до конца массива, выбирая элемент с минимальным значением в неотсортированной части массива. После выбора наименьшего элемента, переносит его в конец отсортированной части массива, сдвигая остальные элементы в неотсортированную часть, и начинает обход снова, но началом считается начало неотсортированной части массива. Вычислительная сложность достигается $O(n^2)$ и всегда одинакова, пусть такой алгоритм делает меньше перестановок.

В сортировке вставками [1] элементы просматриваются в массиве по одному. Каждый следующий неотсортированный элемент помещается в отсортированную часть на первую подходящую позицию, проходя отсортированную часть от конца до начала. Сложность вычислительная для худших ситуаций является $O(n^2)$, в лучшем случае составляет сложность $O(n)$

Для быстрой сортировки [4] отличительной чертой является пространственная сложность $O(\log n)$, что связано с дополнительным выделением памяти. Алгоритм выбирает элемент массива, который далее обозначается «опорным элементом», а после относительно него массив разделяется на части: «меньшая» и «большая». Полученные части массива аналогично делятся, пока не достигают минимальных размеров, где в «меньшей» и «большой» частях массива по одному элементу. Сложность алгоритма в среднем достигает $O(n \log n)$, иногда такая же сложность достигается в лучшем случае или же при делении на три части сложность составляет $O(n)$. В худшем случае вычислительная сложность $O(n^2)$.

На основе изученных материалов уже можно составить сравнительную таблицу характеристик алгоритмов. Отразим данные в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика алгоритмов сортировки

Алгоритм	Сложность			
	Вычислительная			Пространственная
	Лучшая	Средняя	Худшая	
Сортировка пузырьком	$O(n)$	$O(n^2)$	$O(n^2)$	$O(1)$
Сортировка выбором	$O(n^2)$	$O(n^2)$	$O(n^2)$	$O(1)$
Сортировка вставками	$O(n)$	$O(n^2)$	$O(n^2)$	$O(1)$
Быстрая сортировка	$O(n \log n)$	$O(n \log n)$	$O(n^2)$	$O(\log n)$

В таблице 2 отражены исследования алгоритмов при работе с реальными данными. Значения указаны в секундах.

Таблица 2 – Время работы алгоритмов на массивах с вещественными числами

Алгоритм	100 эл.	500 эл.	1000 эл.	5000 эл.
Сортировка пузырьком	0.000110	0.001266	0.005997	0.120851
Сортировка выбором	0.000070	0.001204	0.003914	0.006242
Сортировка вставками	0.000045	0.000549	0.002353	0.030930
Быстрая сортировка	0.000019	0.000057	0.000132	0.000646

На основе таблицы 2 сделаем график зависимости времени работы алгоритмов относительно количества элементов.

Рисунок 1 – Результирующий график

Анализируя результаты, можно прийти к выводам:

1. Разница времени работы относительно количества элементов:

- Метод пузырька: 0.000110 секунд → 0.120851 секунд – разница в 1099 раз.
- Метод выбором: 0.000070 секунд → 0.006242 секунд – разница в 89 раз;
- Метод вставками: 0.000045 секунд → 0.030930 секунд – разница в 687 раз;
- Быстрая сортировка: 0.000019 секунд → 0.000646 секунд – разница в 34 раза.

2. На основе вышеприведенных разниц во времени можно сделать вывод, что медленнее всех время сортировки относительно количества элементов растет у быстрой сортировки и метода выбором, что делает их самыми привлекательными вариантами сортировки простых, линейных массивов.

3. Метод пузырька является самым простым и самым не эффективным методом сортировки, применение которого возможно только при малых размерах массива или для обучения.

Библиографический список

1. Кормен Т. Алгоритмы: построение и анализ = Introduction to Algorithms 2.1. Сортировка вставкой / Т. Кормен, Ч. Лейзерсон, Р. Ривест, К. Штайн. // Под ред. И. В. Красикова. — 3-е изд. — М.: Вильямс, 2013. — С. 38—45.
2. Кнут Д. Э. Искусство программирования. Том 3. Сортировка и поиск =

The Art of Computer Programming. Volume 3. Sorting and Searching / Д. Э. Кнут, под ред. В. Т. Тертышного (гл. 5) и И. В. Красикова (гл. 6). — 2-е изд. — Москва: Вильямс, 2007. — Т. 3. — 832 с.

3. Левитин А. В. Алгоритмы. Введение в разработку и анализ Глава 3. Метод грубой силы: Пузырьковая сортировка / А. В. Левитин. // М.: Вильямс, 2006. — С. 144-146. — 576 с.

4. Левитин А. В. Алгоритмы. Введение в разработку и анализ Глава 4. Метод декомпозиции: Быстрая сортировка / А. В. Левитин // М.: Вильямс, 2006. — С. 174-179. — 576 с.

5. Роберт Седжвик. Алгоритмы на C++ = Algorithms in C++ Часть III. Глава 6. Элементарные методы сортировки: 6.2 Сортировка выбором / Седжвик Роберт // М.: Вильямс, 2011. — С. 246-247.

ББК 87.226.3

Эффект манделы – как популярное заблуждение

Н.А. Сумароков

Научный руководитель: В.А. Козловская

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Эффекта Манделы» – коллективного ложного воспоминания, при котором большие группы людей уверены в событиях, не подтверждённых историческими фактами. Анализируются причины возникновения и распространения этого явления, включая особенности человеческой памяти, влияние массовой культуры и социальных сетей. Особое внимание уделено психологическим и когнитивным механизмам, способствующим формированию и закреплению массовых заблуждений. На основе анализа примеров из российской и мировой практики делаются выводы о роли эффекта Манделы в формировании общественного мнения и его влиянии на восприятие исторических событий

Ключевые слова: эффект Манделы, массовое заблуждение, коллективная память, когнитивные искажения, социальные сети, психология восприятия, ложные воспоминания, общественное мнение, массовая культура.

The mandela effect as a popular delusion

N.A. Sumarokov

Academic Supervisor: V.A. Kozlovskaya

Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education
"Siberian Institute of Business, Management, and Psychology"

Abstract. This article examines the phenomenon of the "Mandela Effect"—a collective false memory in which large groups of people believe events unsubstantiated by historical facts. The causes of this phenomenon's emergence and spread are analyzed, including the characteristics of human memory, the influence of popular culture, and social media. Particular attention is paid to the psychological and cognitive mechanisms that contribute to the formation and perpetuation of mass delusions. Based on an analysis of examples from Russian and international practice,

conclusions are drawn about the role of the Mandela Effect in shaping public opinion and its influence on the perception of historical events

Keywords. Mandela effect, mass delusion, collective memory, cognitive distortions, social networks, psychology of perception, false memories, public opinion, popular culture

Эффект Манделы представляет собой феномен коллективной памяти, при котором большое количество людей уверены в существовании фактов или событий, которые никогда не происходили. Название феномену дано в честь южноафриканского политика Нельсона Манделы, которого многие ошибочно считали умершим в тюрьме задолго до его реальной смерти в 2013 году. Этот эффект проявляется в различных областях культуры, включая фильмы, мультфильмы, логотипы и даже исторические события.

Основные аспекты эффекта Манделы

Аспект	Описание
Коллективность	Заблуждение разделяют не отдельные люди, а целые социальные группы, иногда — разные культуры.
Уверенность в ложной памяти	Люди искренне убеждены в своей правоте, даже при наличии опровергающих доказательств.
Массовость примеров	Часто встречаются неверные воспоминания о логотипах, цитатах, исторических событиях, деталях фильмов.
Влияние на общественное мнение	Эффект Манделы может исказить коллективную память и влиять на восприятие истории и реальности.

Причины возникновения эффекта Манделы:

1. Особенности человеческой памяти.

1.1. Конфабуляция — заполнение пробелов в памяти вымышленными деталями.

1.2. Когнитивные искажения: склонность к упрощению, обобщению, влиянию эмоций и стереотипов.

1.3. Память не является точной записью событий, а реконструирует их, часто с ошибками.

2. Социальное подкрепление.

2.1. Если заблуждение разделяют другие, уверенность в нём возрастает.

2.2. Групповое мышление и стремление к конформизму усиливают ложные воспоминания.

3. Влияние массовой культуры и медиа.

3.1. Интернет, книги, фильмы, СМИ многократно повторяют одни и те же сюжеты, создавая иллюзию достоверности.

3.2. Ошибки в популярных источниках быстро распространяются и закрепляются.

4. Роль интернета и социальных сетей.

4.1. Алгоритмы рекомендаций формируют «информационные пузыри»,

где ложная информация многократно подтверждается.

4.2. Социальные сети ускоряют распространение массовых заблуждений.

5. Психологические механизмы.

5.1. Эффект ложного консенсуса: человек склонен считать, что его воспоминания разделяют большинство.

5.2. Подтверждающее смещение: поиск и запоминание только той информации, которая соответствует уже сложившимся убеждениям.

Примеры проявления эффекта Манделы в фильмах и мультфильмах.

Фильмы:

1. «Пятый элемент».

Две крайности — считать, что Инва Мулла Чако полностью сама спела арию Плавалагуны, или что за неё это сделали на компьютере. На самом деле её «подтянули» ровно в одном месте, чтобы сделать голос физически невозможным. Всю остальную арию певица исполнила сама (а многие позже повторили).

Нет, Люк Бессон не «воровал» идеи из комиксов Жана Жиро — он нанял самого Жиро для оформления, а тот, возможно, немного «позаимствовал» у себя. И уж конечно Жиро не подавал в суд на Бессона — это пыталось сделать издательство, а Жиро отказался поддержать, так как судить ему пришлось бы самого себя. Верно, что Бессон отчасти вдохновлялся комиксом Жиро «Инкал», но плагиата там нет — сериал «Лекс» и тот куда больше «позаимствовал» из «Инкала», и ничего, никто не возмутился.

2. «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика».

Многие помнят знаменитую фразу товарища Саахова из комедии «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»: «В моём доме попрошу не выражаться!». Однако в фильме персонаж произносит: «В моём доме... не выражаться!»

3. Реплика «Сыграй это ещё раз, Сэм» из мелодрамы «Касабланка». В действительности Ингрид Бергман, обращаясь к чернокожему пианисту, произносит примерно: «Спой ту песню, Сэм. В память о прошлом».

4. «Челюсти».

Рой Шайдер в роли шерифа Броуди произносит «Тебе понадобится лодка побольше», но многие зрители помнят иное: «Нам понадобится лодка побольше». Замена местоимения в единственном числе на множественное кажется логичной: все персонажи находятся на одном судне и сталкиваются с общей опасностью.

5. Мем с Морфеусом из «Матрицы», который говорит: «Что, если я скажу тебе...». Многие уверены, что это цитата непосредственно из фильма, но в фильме и близко нет ничего подобного. Кадр взят из сцены с женщиной в красном, конкретнее — из той части диалога Нео и Морфеуса, в которой последний объясняет, кто такие агенты.

Мультфильмы:

1. «Том и Джерри»:

Вопреки стереотипам, Том в большинстве серий вовсе не пытается сожрать Джерри. Чаще всего он просто пытается ему накостылять.

Многие думают, что классический мультсериал закончился на серии «Блюз грустного кота», где Том и Джерри потерпели неудачу в любви и решили покончить с собой. В действительности после этого эпизода вышло ещё

много серий, а последним эпизодом от Уильяма Ханна и Джозефа Барберы был «Няньки-сиделки», где Том и Джерри присматривали за ребёнком. И не надо говорить, что в конце серии их арестовали по обвинению в киднеппинге. Они рассказали полицейскому, что ребёнок сам выбрался на улицу, а тот позже в этом убедился.

2. «Принцесса и лягушка» — часто встречается утверждение, что это последний диснеевский мультфильм, выполненный в рисованной анимации, а последним он стал, потому что с треском провалился в прокате. На деле же, он хоть и не стал хитом проката, но всё же отбил свой бюджет, так что вопрос, считать ли его успехом или провалом, довольно сложный и во многом из разряда «стакан наполовину полон или наполовину пуст?». И да, «Принцесса и лягушка» в любом случае не была последним рисованным мультфильмом Disney. После неё ещё был мягкий перезапуск Винни-Пуха — «Медвежонок Винни и его друзья» 2011 года, и именно этот мультфильм действительно оказался убыточным, и именно после его провала Disney отказался от рисованной анимации (хотя прежде, ещё даже после «Принцессы и лягушки», планировалось чередовать рисованные и компьютерные мультфильмы).

3. «Тайна Коко»: главный герой — мальчик по имени Мигель, а Коко — это его прабабушка, которая в ходе большей части сюжета проходит как фоновый персонаж, почти не осознающий реальность. С прикрученным фитильком, так как обеих персонажей вводят идентифицируют и вводят именами достаточно рано, не допуская путаницы и пробуждённые песней Мигеля воспоминания Коко о детстве играют существенную роль в развязке сюжета.

4. «Южный Парк» — Кенни умирает в каждой серии. Это было верно для первых пяти сезонов, за исключением лишь нескольких серий. В серии «Кенни умирает» мальчишка впервые скончался «по-настоящему», возвращаясь к жизни лишь в следующем сезоне. В дальнейших эпизодах он практически перестал умирать.

Заключение

Эффект Манделы является интересным примером взаимодействия человеческой памяти и социальной среды. Его изучение помогает лучше понимать процессы формирования и распространения коллективных заблуждений. Важно помнить, что критическое мышление и проверка источников являются ключевыми инструментами для предотвращения попадания в ловушку ложных воспоминаний.

Библиографический список

1. Смит И.Р. «Эффект Манделы: Психология ложной памяти» // «Психологические исследования».
2. Джонсон Л.Э. «Коллективные воспоминания и эффект Манделы: исследование феномена» // научный журнал «Психология и общество».
3. Кузнецова Н.Ю. «Эффект Манделы: коллективная память и восприятие реальности» // научный журнал «Психология и общество».
4. Петрова Е.В. «Эффект Манделы и его влияние на восприятие исторических событий» // научный журнал «Психология и культура».
5. Баженова У. А., Ерёмкина В. И. «Взаимосвязь эффекта Манделы и коллективной памяти» // журнал «Юный учёный».
6. Андреев С. В., Кузнецова М. А. «Психология памяти и познания» :

учебник / С. В. Андреев, М. А. Кузнецова. — Москва : Академический проект, 2022. — 416 с. — ISBN 978-5-4468-1782-3.

7. Беляков Д. И. «Когнитивные искажения в массовом сознании : теория и практика» / Д. И. Беляков. — Санкт-Петербург : Питер, 2021. — 304 с. — ISBN 978-5-4466-1550-1.

8. Захарова Е. Н., Лебедев А. П. «Современные методы исследования памяти» : учебное пособие / Е. Н. Захарова, А. П. Лебедев. — Москва : Издательство РГУ, 2023. — 248 с. — ISBN 978-5-7038-5589-4.

9. Кузьмина Т. В. «Социальная психология массовых когнитивных искажений» / Т. В. Кузьмина. — Москва : Наука, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-02-040495-3.

ББК 351.746:351.754

Безопасность жизнедеятельности человека

Н.И. Сысков

Научный руководитель: Е.М. Конопацкая

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации

Аннотация: в статье рассматриваются реальные угрозы, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни: производственные травмы, природные катастрофы, пожары, дорожно-транспортные происшествия, цифровые угрозы и социальная опасность. На конкретных примерах и статистических данных показано, как каждая из этих угроз влияет на жизнь и здоровье людей, а также какие меры реально помогают их предотвратить. Особое внимание уделяется практическим действиям человека в чрезвычайных ситуациях и роли образования в формировании навыков безопасного поведения

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности, чрезвычайные ситуации, производственный травматизм, пожарная безопасность, дорожная безопасность, киберугрозы, первая помощь, эвакуация

Human Life Safety

N.I. Siskov

Scientific adviser: E.M. Konopatskaya

Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation

Abstract: the article examines real threats that a person faces in everyday life: occupational injuries, natural disasters, fires, road accidents, digital threats and social dangers. Using specific examples and statistical data, it shows how each of these threats affects people's lives and health, and what measures really help prevent them. Special attention is paid to practical human actions in emergency situations and the role of education in building safe behavior skills

Key words: life safety, emergency situations, occupational injuries, fire safety, road safety, cyber threats, first aid, evacuation

Каждый день люди погибают и получают травмы не только на войне или в результате редких катастроф. Они гибнут на заводах, в автомобилях, дома во время пожаров, на улице от удара током или обрушения строительных

конструкций. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире от предотвратимых травм и несчастных случаев погибает более 4,4 миллиона человек. Это больше, чем от многих болезней, о которых говорят значительно чаще.

Безопасность жизнедеятельности как учебная дисциплина изучает не термины ради терминов, а конкретные вещи: как вести себя при пожаре, как не растеряться при обрушении, как правильно перевязать рану, как не стать жертвой мошенников в интернете, как организовать безопасные условия труда. В современных условиях, где промышленные, природные и социальные риски постоянно нарастают, эти знания нужны каждому человеку вне зависимости от профессии.

Производство остаётся одной из самых опасных сфер жизни человека. Только в России ежегодно фиксируется около 25-30 тысяч несчастных случаев на производстве с тяжёлыми последствиями, из которых более 1 500 заканчиваются гибелью работника. Наиболее травмоопасными являются строительство, горнодобывающая промышленность, металлургия и сельское хозяйство.

Причины производственных травм чаще всего банальны. Работник не надел каску, не закрепил страховочный трос, не проверил исправность оборудования перед началом работы. По данным Международной организации труда, около 70% всех несчастных случаев на производстве связаны с человеческим фактором: усталостью, спешкой, пренебрежением инструкциями. Оставшиеся 30% приходятся на неисправное оборудование и плохую организацию труда.

Показателен следующий пример. В 2019 году на строительстве жилого дома в Екатеринбурге рабочий упал с высоты 12 метров, поскольку страховочная система не была должным образом закреплена. Работник выжил, но получил тяжёлые переломы и стал инвалидом. Расследование установило: инструктаж по безопасности проводился формально, документы подписывались без реального ознакомления, контроль за соблюдением правил отсутствовал. Подобная ситуация типична для многих предприятий, где безопасность существует только на бумаге.

Для снижения травматизма необходима совместная работа работодателя и работников. Работодатель обязан обеспечить исправное оборудование, провести полноценный инструктаж, выдать средства индивидуальной защиты и организовать реальный контроль за их использованием. Работник, в свою очередь, обязан выполнять установленные требования безопасности, а не игнорировать их под предлогом спешки или неудобства.

В Беларуси ежегодно регистрируется около 6-7 тысяч пожаров, в результате которых погибает более 500 человек. Большинство смертей происходит не от ожогов, а от отравления угарным газом. Человек теряет сознание во сне, не чувствуя запаха дыма, и не успевает самостоятельно покинуть помещение.

Статистика фиксирует устойчивую закономерность: 7 из 10 погибших на пожарах находились в состоянии алкогольного опьянения. Второй по распространённости причиной возгораний является неисправная электропроводка. Старые провода, перегруженные розетки, самодельные удлинители тлеют незаметно часами, а вспыхивают ночью, когда жильцы спят.

Автономный пожарный извещатель стоит около 10-15 рублей и крепится к потолку. При появлении дыма он издаёт громкий звуковой сигнал, который будит спящих людей. По данным МЧС Беларуси, в домах, оснащённых такими извещателями, смертность при пожарах снижается в 2,5 раза. При этом большинство погибших жили в домах без единого такого устройства.

Правила поведения при пожаре необходимо знать заранее, поскольку в условиях задымления и стресса думать некогда. При обнаружении пожара нужно немедленно вызвать пожарных, оповестить соседей и покинуть здание по лестнице, а не на лифте. При сильном задымлении следует передвигаться пригнувшись, так как у пола воздух чище. Если выйти невозможно, нужно закрыть дверь, заткнуть щели тканью, подавать сигналы в окно и ждать спасателей. Дверь в горящее помещение нельзя открывать резко: приток кислорода мгновенно усиливает пламя.

По данным ВОЗ, дорожно-транспортные происшествия являются главной причиной смертности среди людей в возрасте от 5 до 29 лет. Ежегодно в ДТП погибает около 1,35 миллиона человек по всему миру. В Беларуси ежегодно происходит около 5-6 тысяч ДТП с пострадавшими, в которых погибает 400-500 человек.

Три фактора ответственны за большинство смертей на дороге: превышение скорости, вождение в нетрезвом состоянии и непристёгнутый ремень безопасности. При столкновении на скорости 60 км/ч непристёгнутый человек испытывает нагрузку, эквивалентную падению с высоты 12-этажного дома. Ремень безопасности снижает вероятность гибели водителя в 2,5 раза, пассажира на заднем сиденье в 8 раз. Эти цифры хорошо известны, однако многие водители по-прежнему игнорируют ремень на коротких поездках.

Использование мобильного телефона за рулём не менее опасно. Исследования показывают, что водитель, разговаривающий по телефону, реагирует на опасность так же медленно, как человек с содержанием алкоголя 0,8 промилле в крови. Ощущение контроля над ситуацией при этом сохраняется, что делает телефон за рулём особенно коварным нарушением.

Для пешеходов отдельную опасность представляют тёмное время суток и отсутствие световозвращающих элементов. По данным ГАИ Беларуси, пешеход в тёмной одежде без фликера виден водителю с расстояния 25-30 метров. С фликером расстояние увеличивается до 150-400 метров. При скорости 60 км/ч тормозной путь составляет около 40 метров, поэтому разница принципиальна.

Природные катастрофы кажутся жителям Беларуси чем-то далёким, однако опасности существуют и здесь. Ежегодно в стране от ударов молнии погибает от 5 до 15 человек, почти все из которых в момент грозы находились на открытой местности или укрывались под деревьями.

Правила поведения во время грозы просты. Нельзя укрываться под одиночными деревьями, стоять на возвышенностях, держать в руках металлические предметы. В здании необходимо закрыть окна и держаться подальше от электроприборов и водопроводных труб. В автомобиле нужно оставаться внутри: металлический кузов выполняет роль защитного экрана.

Паводки представляют реальную угрозу для значительной части сельского населения Беларуси. При угрозе затопления необходимо заблаговременно покинуть опасный район вместе с животными, отключать электричество и газ, брать с собой документы, деньги и запас воды и продуктов

не менее чем на трое суток. Главная ошибка в подобных ситуациях - промедление из-за нежелания покидать дом. Именно она становится причиной большинства жертв при наводнениях.

При авариях на промышленных предприятиях с выбросом химических веществ необходимо немедленно покинуть зону заражения перпендикулярно направлению ветра, закрыв рот и нос влажной тканью. При взрыве бытового газа нельзя использовать электрические выключатели и открытый огонь. Нужно открыть окна и немедленно покинуть здание, вызвав аварийную службу с улицы.

По данным МВД Беларуси, количество киберпреступлений в стране ежегодно растёт на 25-30%. При этом жертвами становятся не только пожилые люди, но и молодёжь, хорошо ориентирующаяся в технологиях. Уверенность в собственной грамотности нередко снижает бдительность.

Наиболее распространённые схемы мошенничества: звонки от якобы сотрудников банка с просьбой назвать код из СМС, фишинговые сайты, имитирующие интернет-магазины или банковские страницы, а также звонки от людей, представляющихся сотрудниками полиции или налоговой службы. Ни один настоящий банк и ни одна государственная организация не запрашивают пароль, ПИН-код или код подтверждения по телефону. Это правило нужно знать твёрдо.

Среди подростков широко распространён кибербуллинг. По данным исследований, с травлей в интернете сталкивался каждый третий школьник. Безопасное поведение в сети предполагает: не публиковать личные данные (адрес, расписание, фотографии документов), не принимать заявки от незнакомцев, немедленно сообщать взрослым о подозрительных контактах.

Отдельного внимания заслуживает информационная среда в условиях кризисов. Ложные сообщения о заражённой воде, закрытых дорогах или якобы введённом чрезвычайном положении регулярно появляются в социальных сетях во время чрезвычайных ситуаций и провоцируют панику. Перед тем как распространять подобную информацию, необходимо проверить её по официальным источникам: сайтам МЧС, МВД, местных органов власти.

При остановке сердца у человека есть примерно 4-6 минут до начала необратимых повреждений мозга. Скорая помощь в городских условиях прибывает в среднем через 10-15 минут. Это означает, что люди, находящиеся рядом и умеющие проводить сердечно-лёгочную реанимацию, могут спасти жизнь пострадавшего. Те, кто не умеет, в большинстве случаев не смогут ничем помочь.

Сердечно-лёгочная реанимация выполняется следующим образом: нужно положить основание ладони на центр грудной клетки и ритмично надавливать с частотой 100-120 раз в минуту на глубину 5-6 сантиметров. Не нужно бояться сломать рёбра: переломы при реанимации возможны, но жизнь пострадавшего важнее. Одновременно с реанимацией необходимо вызвать скорую помощь. Своевременная реанимация увеличивает шансы на выживание в 2-3 раза.

При сильном кровотечении нужно прижать рану чистой тканью и удерживать её с постоянным давлением. Если кровотечение из конечности не останавливается, накладывают жгут выше раны и обязательно записывают точное время его наложения. Жгут нельзя держать непрерывно более 1-2 часов:

каждые 30 минут его ослабляют на несколько минут, чтобы восстановить кровоснабжение тканей.

При подозрении на травму позвоночника или шеи пострадавшего нельзя перемещать без специальных знаний и оборудования, поскольку неправильное движение может привести к параличу. При отравлении угарным газом человека нужно немедленно вынести на свежий воздух. При ожогах поражённое место охлаждают прохладной, но не ледяной водой не менее 10-15 минут. Использование масла, сметаны или других народных средств при ожогах категорически запрещено: они создают плёнку, удерживающую тепло и усугубляющую повреждение.

Перечисленные угрозы объединяет одна черта: в большинстве случаев их можно было предотвратить или снизить тяжесть последствий, если бы люди знали, как правильно действовать. Именно поэтому подготовка в области безопасности жизнедеятельности имеет практическое значение, а не является формальным требованием учебного плана.

Разовые лекции, как правило, дают мало результата. Исследования в области педагогики показывают, что практические навыки формируются только через многократное повторение. Эффективны регулярные тренировки эвакуации из зданий, практические занятия по оказанию первой помощи на манекенах, разбор реальных случаев с анализом допущенных ошибок. В Финляндии, Японии и Германии подобные занятия проводятся начиная с начальной школы и регулярно повторяются на протяжении всей трудовой деятельности.

Ответственность за безопасность разделяется между государством, работодателями и каждым конкретным человеком. Государство устанавливает нормы и контролирует их соблюдение. Работодатель создаёт безопасные условия труда. Но конечный результат определяется поведением самого человека: пристегнул ли он ремень, установил ли извещатель, прошёл ли инструктаж внимательно или только поставил подпись.

Таким образом, безопасность жизнедеятельности касается каждого человека вне зависимости от возраста и профессии. Производственные травмы, пожары, дорожные аварии, природные катастрофы, мошенничество в интернете - всё это происходит ежедневно с реальными людьми, большинство из которых не были готовы к подобным ситуациям. Знание правил пожарной безопасности, умение оказать первую помощь, понимание правил дорожного движения и осторожность в цифровой среде - это не лишняя нагрузка, а базовые навыки, которые должен иметь каждый взрослый человек.

Культура безопасности формируется постепенно, через образование, практику и личную дисциплину. Страны с низким уровнем производственного травматизма и дорожной смертности добились этого не за счёт более строгих законов, а за счёт того, что их граждане воспринимают правила безопасности как норму, а не как необязательную рекомендацию. Именно к такому отношению должна стремиться и система образования в Беларуси.

Библиографический список

1. Михайлов, Л.А. Безопасность жизнедеятельности / Л.А. Михайлов. - СПб.: Питер, 2017. - 461 с.
2. Занько, Н.Г. Безопасность жизнедеятельности / Н.Г. Занько, К.Р. Малаян, О.Н. Русак. - СПб.: Лань, 2019. - 704 с.

3. Белорусская служба МЧС. Статистика пожаров в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mchs.gov.by>. - Дата доступа: 01.04.2026.

4. Государственная инспекция безопасности дорожного движения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gibdd.by>. - Дата доступа: 01.04.2026.

5. Всемирная организация здравоохранения. Глобальный доклад о предотвращении травматизма. - Женева: ВОЗ, 2021. - 76 с.

6. МВД Республики Беларусь. Киберпреступность: статистика и тенденции [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mvd.gov.by>. - Дата доступа: 01.04.2026.

ББК 67.408.13

**Роль социальных сетей и мессенджеров в распространении
террористической идеологии: проблемы мониторинга и
блокировки контента**

В.Д. Сычева, И.А. Мартыненко

Научный руководитель: И.Н. Вишневецкая

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. В статье исследуется механизм использования платформ социальных сетей и мессенджеров для распространения террористической идеологии. На основе официальных данных МВД России, Роскомнадзора и НАК за 2023–2025 годы выявлены инструменты вербовки онлайн, проанализированы правовые механизмы блокировки деструктивного контента и установлены ключевые проблемы мониторинга. Сформулированы направления совершенствования государственной политики в данной сфере

Ключевые слова: террористическая идеология, социальные сети, мессенджеры, Telegram, вербовка онлайн, мониторинг контента, блокировка, Роскомнадзор, ст. 205.2 УК РФ, информационный терроризм

**The role of social networks and messengers in the spread of terrorist ideology:
problems of monitoring and content blocking**

V.D. Sycheva, I.A. Martynenko

Scientific supervisor: I.N. Vishnevetskaya

Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the mechanism of using social media platforms and messengers to spread terrorist ideology. Based on official data from the Russian Ministry of Internal Affairs, Roskomnadzor, and the National Anti-Terrorism Committee for 2023–2025, the key tools of online recruitment are identified, legal mechanisms for blocking destructive content are analysed, and systemic monitoring problems are established. Directions for improving state policy in this area are formulated.

Keywords: terrorist ideology, social networks, messengers, Telegram, online recruitment, content monitoring, blocking, Roskomnadzor, Art. 205.2 of the Criminal Code, information terrorism

1. Введение

Цифровое пространство превратилось в один из главных инструментов идеологической экспансии террористических структур. По данным МВД России, число зарегистрированных преступлений террористического характера за девять месяцев 2025 года составило 4 467, что на 75% превышает показатель аналогичного периода 2024 года (2 622 преступления) [1]. Рост устойчивый: в 2023 году зафиксировано 2 382 таких преступления, в 2024-м - 3 714 [2]. Криминологи указывают, что треть всех зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за последние два года составляют публичные призывы к экстремизму, совершённые в сети «Интернет» [3].

Предметом настоящего исследования выступают механизмы использования цифровых платформ для распространения террористической идеологии, а также действующая система мониторинга и блокировки деструктивного контента в Российской Федерации. Методологической основой послужили контент-анализ нормативных актов и официальной правоохранительной статистики, а также сравнительный анализ отечественного и международного опыта противодействия.

2. Механизмы использования цифровых платформ террористическими структурами

Обратимся к тому, каким образом террористические организации освоили цифровое пространство. Шпак А.А. (2024) установил, что Telegram стал основной площадкой для вербовки соучастников, обучения и формирования «спящих ячеек»: зашифрованные сообщения существенно затрудняют работу правоохранительных органов [4]. Мессенджер обеспечивает анонимную регистрацию, сквозное шифрование переписки и создание закрытых групп с неограниченным числом участников - совокупность свойств, превращающих платформу в инструмент конспиративной коммуникации.

По данным ФСБ России, в 2025 году на территории Украины действовали от 120 до 150 «кол-центров», задействованных в том числе для вовлечения граждан России в диверсионную и террористическую деятельность [5]. Активность вербовок в Telegram за этот период выросла в несколько раз: объявления о «чёрной работе» публиковались в чатах для поиска наркокурьеров и в тематических экстремистских сообществах [6]. Специалист КФУ Арслан Мингалиев описал стандартную схему: первоначальный контакт под видом предложения работы, выявление психологических «болевых точек» и постепенное воздействие на жертву [7].

В 2023 году был задокументирован характерный случай: 17-летний московский школьник завербован через Telegram куратором с ником «Ирокез» и вовлечён в фотосъёмку объектов транспортной инфраструктуры [8]. Помимо вербовки, террористические структуры активно применяют медиаконтент: организация «ИГ-Хорасан» с января 2022 года ежемесячно публикует журнал «Голос Хорасана», распространяемый через те же платформы [9]. В 2023 году Глобальный интернет-форум по противодействию терроризму (GIFCT) инициировал коммуникации в ответ на более 175 террористических инцидентов или значимых онлайн-угроз [10].

3. Правовая база мониторинга и блокировки деструктивного контента

Российская правовая система предусматривает уголовные и административные механизмы противодействия распространению

террористической идеологии в сети «Интернет». Базовым инструментом служит ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за пропаганду и публичное оправдание терроризма с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: санкция - лишение свободы от 5 до 7 лет [11]. В 2023 году по данной статье зарегистрировано 548 преступлений, что на 11,8% превысило показатель 2022 года [2].

Административный порядок ограничения доступа к противоправной информации закреплён в ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12]. Внесудебная блокировка инициируется Генеральным прокурором РФ или его заместителями. Стратегическую рамку определяет Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», заменивший аналогичный документ 2020 года [13].

Рассмотрим подробнее правоприменительную статистику. В 2023–2024 годах Роскомнадзор совместно с МВД, ФСБ и органами прокуратуры пресёк распространение более 74 тыс. материалов экстремистской и террористической направленности, из них свыше 7 тыс. - о деятельности конкретных организаций [14]. По требованию Генеральной прокуратуры дополнительно заблокировано или удалено 13,5 тыс. сайтов с призывами к осуществлению террористической деятельности [14]. Всего в 2024 году РКН удалил или заблокировал почти 800 тыс. веб-ресурсов, что на 19% больше показателя 2023 года [15].

4. Системные проблемы действующей системы противодействия

Несмотря на масштаб предпринимаемых мер, система мониторинга сталкивается с несколькими структурными ограничениями. Наиболее острой технической проблемой является сквозное шифрование (end-to-end encryption): оно фактически исключает расшифровку частной переписки в Telegram и WhatsApp без содействия самих платформ [4]. В августе 2025 года Роскомнадзор ввёл блокировку голосовых звонков в этих мессенджерах: ограничения затронули 34 региона с населением свыше 93 млн человек [16].

Транснациональный характер цифровых платформ образует второй блок проблем. WhatsApp заявил о намерении «противостоять попыткам правительств нарушить право людей на безопасное общение» и сослался на 100 млн российских пользователей [17]. Депутат Государственной Думы А. Немкин констатировал в январе 2025 года, что «одних блокировок недостаточно»: заблокированные каналы воссоздаются в течение нескольких часов, а VPN-сервисы позволяют обойти ограничения [15]. Среди осуждённых в 2024 году по ч. 2 ст. 280 УК РФ 64% составляли лица в возрасте 14–39 лет [3], что указывает на целенаправленную работу вербовщиков именно с молодёжной аудиторией.

Алгоритмы машинного обучения и NLP уже применяются для автоматического выявления признаков экстремистского контента: в 2017–2020 годах ЕС инвестировал более 5 млн евро в систему RED-Alert [18]. Тем не менее государственная политика в сфере противодействия онлайн-радикализации носит преимущественно реактивный, а не превентивный характер: блокировки инициируются после выявления нарушения, а не до его наступления. Нами выявлено, что это концептуальное противоречие требует системного переосмысления.

5. Направления совершенствования

Проведённый анализ позволяет сформулировать три направления

повышения эффективности системы противодействия онлайн-распространению террористической идеологии. В технологическом плане необходимо масштабирование NLP-инструментов раннего обнаружения деструктивного контента на русскоязычных платформах. В правовом плане целесообразно рассмотреть введение финансовой ответственности операторов мессенджеров за неисполнение предписаний об удалении материалов - по аналогии с Регламентом ЕС о цифровых услугах (DSA), предусматривающим штраф до 6% от глобального оборота за нарушения требований по модерации.

В части международного сотрудничества показательны данные НАК: в 2024 году из Сети удалено свыше 120 тыс. материалов террористического содержания и предотвращено 190 терактов на стадии подготовки [19]; в 2025 году пресечено 374 террористических преступления, нейтрализованы 24 и задержаны более 2 тыс. участников незаконных формирований [20]. Расширение технологического взаимодействия с GIFCT и Управлением ООН по контртерроризму (UNOCT) в части обмена хеш-базами террористического контента может обеспечить дополнительный эффект независимо от геополитической конъюнктуры.

6. Заключение

Социальные сети и мессенджеры - прежде всего Telegram - выполняют три ключевые функции в механизме террористической идеологической экспансии: вербовку и радикализацию уязвимых групп (64% осуждённых - лица до 39 лет), координацию преступных действий и пропаганду через медиаконтент [3]. Рост числа преступлений с 2 382 в 2023 году до 3 714 в 2024-м и до 4 467 за девять месяцев 2025 года демонстрирует нарастание угрозы, прямо коррелирующей с вербовочной активностью в цифровом пространстве [1; 2].

Действующая система блокировки обеспечивает значительный охват: более 74 тыс. материалов пресечено в 2023–2024 годах, почти 800 тыс. ресурсов заблокировано в 2024 году [14; 15]. Тем не менее, сквозное шифрование, транснациональная юрисдикция платформ и реактивный характер большинства мер ограничивают их совокупный эффект. Системный ответ требует сочетания правового принуждения платформ, технологического мониторинга на основе ИИ, целенаправленной профилактики среди молодёжи и расширенного международного взаимодействия.

Библиографический список

1. МВД России. Статистика преступлений террористического характера за январь–сентябрь 2025 года [Электронный ресурс]. - URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 03.04.2026).
2. МВД России. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023, 2024 годов [Электронный ресурс]. - URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 03.04.2026).
3. Распространение деструктивного контента в сети «Интернет»: результаты криминологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2025. - № 2.
4. Шпак А.А. К вопросу о противодействии информационному терроризму (на примере мессенджера Telegram) // Сибирский юридический вестник. - 2024. - № 3 (106). - С. 88–94. - DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.88.
5. ФСБ России. О деятельности кол-центров на территории Украины по

вовлечению граждан России в террористическую деятельность [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.fsb.ru> (дата обращения: 03.04.2026).

6. В Telegram увеличилась активность вербовки для совершения терактов в России // Маяк-Дельта. - 2025. - 7 дек. [Электронный ресурс]. - URL: <https://mayak-delta.ru/news/society/2025-12-08> (дата обращения: 03.04.2026).

7. Мингалиев А. Манипуляторы в Сети: как работают интернет-вербовщики и кто под ударом // Tatarstan24. - 2025. - 5 мая [Электронный ресурс]. - URL: <https://tatarstan24.tv/news/10158> (дата обращения: 03.04.2026).

8. Как устроены тайные сети вербовщиков [Электронный ресурс]. - URL: https://pinezhskij-r29.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_178.html (дата обращения: 03.04.2026).

9. Роль социальных сетей и периодических изданий в пропагандистской деятельности и финансировании «ИГ-Хорасан» [Электронный ресурс] // Центр «Эксперт». - 2025. - URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/14568/ (дата обращения: 03.04.2026).

10. GIFCT Annual and Transparency Report 2023 [Electronic resource]. - Washington : Global Internet Forum to Counter Terrorism, 2024. - URL: <https://gifct.org/wp-content/uploads/2024/04/GIFCT-Annual-Report-2023.pdf> (accessed: 03.04.2026).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 205.2 (в ред. Федерального закона от 29.12.2017 № 445-ФЗ) [Электронный ресурс]. - URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/> (дата обращения: 03.04.2026).

12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Ст. 15.3 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15964632/> (дата обращения: 03.04.2026).

13. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 [Электронный ресурс]. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310699199> (дата обращения: 03.04.2026).

14. Роскомнадзор. О пресечении распространения экстремистского и террористического контента в 2023–2024 годах [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.comnews.ru/content/234278/2024-07-11> (дата обращения: 03.04.2026).

15. Роскомнадзор заблокировал за 2024 год почти 800 000 веб-страниц [Электронный ресурс] // Hi-Tech Mail.ru. - 2025. - 16 янв. - URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/121089> (дата обращения: 03.04.2026).

16. Что важно знать о блокировке звонков в Telegram и WhatsApp [Электронный ресурс] // РБК. - 2025. - 24 авг. - URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/08/2025/689cab709a7947a32eb24afb (дата обращения: 03.04.2026).

17. WhatsApp и Telegram отреагировали на блокировку звонков в России [Электронный ресурс] // RTVI. - 2025. - URL: <https://rtvi.com/news/whatsapp-i-telegram-otreaigirovali-na-blokirovku-zvonkov-v-rossii/> (дата обращения: 03.04.2026).

18. Применение ИИ в борьбе с экстремизмом и терроризмом [Электронный ресурс] // KazIslam. - 2024. - 27 мая. - URL:

<https://kazislam.kz/ru/2024/05/> (дата обращения: 03.04.2026).

19. НАК. Итоги работы по противодействию терроризму в 2024 году [Электронный ресурс] // РБК. - 2024. - 9 дек. - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/675813329a7947a8947e7e86> (дата обращения: 03.04.2026).

20. В России с начала 2025 года предотвратили 273 теракта [Электронный ресурс] // РИА Новости. - 2025. - 9 дек. - URL: <https://ria.ru/20251209/nak-2060779144.html> (дата обращения: 03.04.2026).

ББК 74.04

**Видеолекция как инструмент вовлечения студентов
в образовательный процесс**

Е.К. Тетина, В.Л. Тюканов, А.А. Машанов

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальность видеолекций, как элементу электронного образовательного курса. Акцентируется внимание на студентах разных курсах и их отношении к видеолекциям. Изучаются функции видеолекций

Ключевые слова: видеолекция, электронный образовательный ресурс, образовательный процесс

Video lectures as a tool for student engagement in the educational process

E.K. Tetinova, V.L. Tyukanov, A.A. Mashanov

Autonomous Non-profit Organization of Higher Education
«Siberian Institute of Business, Management, and Psychology»

Abstract. This article examines the relevance of video lectures as an element of an electronic educational course. It focuses on students of different years and their attitudes towards video lectures. The functions of video lectures are studied

Keywords: video lecture, electronic educational resource, educational process

В современном мире, где новые технологии появляются все чаще, образование стремится трансформироваться под их влияние. Это помогает открывать перед преподавателями и студентами новые горизонты, которые способствуют лучшему усвоению учебного материала.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 г. №1678 «Об утверждении правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», мультимедийные технологии становятся неотъемлемой частью образования [1]. Это постановление формирует основы применения электронного и дистанционного обучения, подчёркивая важность создания и внедрения актуальных мультимедийных материалов, таких как видеолекции.

В условиях стремительного развития информационных технологий и

увеличения объема доступной информации, мультимедиа становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Одним из наиболее эффективных инструментов, используемых для передачи знаний, являются видеолекции.

Видеолекции явно обладают значительным образовательным потенциалом. Это связано, с одной стороны, с предпочтениями современной аудитории, часто выбирающей видео как удобный способ доступа к актуальной информации, а с другой – с развитием технологий, которые упрощают создание и распространение современного аудиовизуального учебного контента.

Цифровая трансформация в образовании направлена на повышение эффективности обучения за счет новых форматов и цифровых средств. Она меняет организацию учебного процесса и взаимодействие его участников [2].

В этом контексте особую роль играет видеолекция – запись лекции преподавателя, сочетающая его изображение и голос. Она может сопровождаться визуальными материалами (графикой, фото, слайдами с тезисами, записями на доске/планшете) либо обходиться без них. Основные элементы: образ лектора, его речь и иллюстрации [3].

В.Ю. Грушевская выделяет шесть ключевых образовательных функций цифрового видео [4], подчеркивая его роль как мощного инструмента обучения:

- 1) Превращение абстрактных данных в наглядные образы;
- 2) Мгновенная передача больших объемов информации;
- 3) Грамотное управление вниманием слушателей;
- 4) Создание эмоциональной вовлеченности, поддерживающей интерес к учебному процессу;
- 5) Визуальная организация контента для четкой передачи смыслов;
- 6) Донесение ценностных установок через язык жестов, мимики и других невербальных элементов.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» выделяет следующие виды лекций:

- Тематические лекции выступают в роли фундаментального инструмента образовательного процесса, обеспечивая упорядоченное и логичное раскрытие содержания курса. Их цель – не просто передать теорию, а продемонстрировать ее связь с реальными фактами через глубокий анализ, подвести слушателей к взвешенным выводам и показать убедительную аргументацию в рамках изучаемой темы.

- Итоговая лекция – служит для объединения, структурирования и закрепления знаний, полученных в ходе изучения дисциплины. Она проводится по завершении курса и направлена на обобщение изученного материала и упорядочение приобретённых знаний [5].

Видеоматериалы все активнее входят в систему электронного обучения – но на сколько они действительно нужны? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели исследование, чтобы изучить, насколько сами студенты заинтересованы в видеолекциях как части электронного образовательного курса. Для этого мы опросили 48 обучающихся бакалавриата – представителей разных направлений и курсов.

Преимущественно абитуриентами были четверокурсники (43,2%), так как

не на всех первых курсах специальностей были дисциплины с видеолекциями.

Студентам было предоставлено семь вопросов по видеолекции как элемент электронного образовательного курса.

Рисунок 1 – Предпочитаемый видеоконтент

Было выделено три популярных типа: короткие обучающие ролики, демонстрации/практические разборы и интерактивные лекции с вопросами.

Помимо этого, было выделено, что 52,3% опрошенных считают, что длительность видеолекции должна быть не более 5-15 минут.

По мнению автора Шабалина Ю.Е., который утверждает: «Если полноту и целостность лекции в студенческой аудитории определяет раскрытие темы, а также связь с целями всего учебного курса, то смысловой единицей учебной видеозаписи становится одна мысль (тезис, доказательство, пример, проблема и др.)» Для повышения эффективности обучения рекомендуется разбивать учебный контент на короткие видеофрагменты длительностью до 10 минут. Такой формат способствует лучшему усвоению материала и поддерживает вовлеченность аудитории [6].

Далее было выявлено, что 52% абитуриентов считают видеолекцию как элемент курса довольно интересной. Это дает нам понять важность мультимедиа в составлении электронных образовательных курсов.

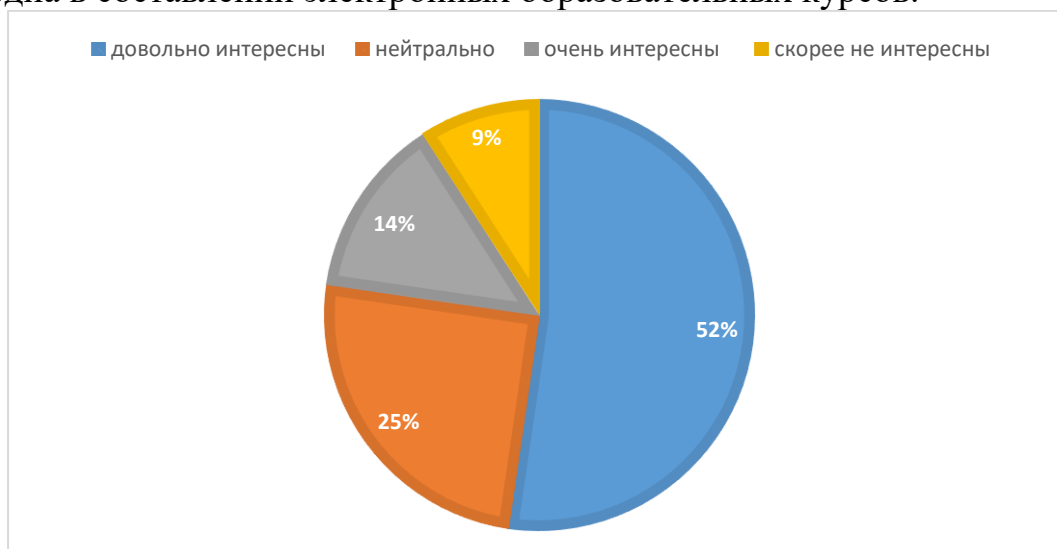

Рисунок 1 – Интерес студентов к видеолекциям

Помимо этого, мы уточнили у студентов, что мотивирует их

досматривать видеолекции до конца. Лидировали три составляющие: практическая полезность материала (30,9%), интересный (живой) стиль подачи (28,5%) и короткая длительность (18,7%).

Абитуриенты также отметили, что для них крайне важна визуальная поддержка (45,5%) и они отдают предпочтение видеолекциям, где в равной степени есть демонстрация практики и теоретическая часть (56,8%)

Таким образом, видеолекции представляют собой мощный инструмент, который способствует более глубокому пониманию материала и повышению эффективности учебного процесса. Все опрошенные нами студенты взаимодействовали с видеолекциями как с элементом электронного образовательного ресурса, поэтому результаты опроса подтверждают важность мультимедийного сопровождения в образовательной среде.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 №1678 «Об утверждении правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» //Официальное опубликование. URL: Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 · Официальное опубликование правовых актов (дата обращения 20.03.2026).

2. Тюканов, В.Л., ЭИОС в цифровизации учреждения дополнительного образования URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/151380>

3. Методические требования к созданию электронного курса лекций [Электронный ресурс] // Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный медицинский университет» России – URL: Методические требования к созданию электронного курса лекций.pdf (дата обращения 25.03.2026).

4. Грушевская В.Ю. Система изучения методов создания и использования учебного видео в педагогическом вузе. URL: https://pedobrazovanie.ru/images/JOURNAL/archive2018/2018_8/10.pdf

5. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования в России – URL: Rekomendacii.podgotovke.k.semke.videolekcij.pdf (дата обращения 27.03.2026).

6. Шабалин, Ю. Е. Создание учебных видеолекций как дидактическая проблема / Ю. Е. Шабалин // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – № 5. – С. 162-169

ББК 74.48

Влияние фитнес-блогеров и социальных сетей на формирование культуры здоровья у студенческой молодежи

Р.Г. Тимербулатова

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

Аннотация. Исследуется влияние фитнес-блогеров и социальных сетей на формирование культуры здоровья у студенческой молодежи с учетом внутренней мотивации, роли преподавателя и структуры учебных занятий по физической культуре. Результаты опираются на анализ научных публикаций и данных опросов студентов аграрных и технических вузов, что усиливает прикладное значение исследования для организации учебного процесса по физической культуре

Ключевые слова: студенческая молодежь, культура здоровья, социальные сети, фитнес-блогеры, мотивация, физическая культура, здоровый образ жизни

The influence of fitness bloggers and social networks on the formation of a health culture among students

R.G. Timerbulatova

Bashkir State Agrarian University

Abstract. This study examines the influence of fitness bloggers and social media on the development of a healthy culture among college students, taking into account intrinsic motivation, the role of the teacher, and the structure of physical education classes. The results are based on an analysis of scientific publications and survey data from students at agricultural and technical universities, enhancing the study's practical implications for the organization of physical education curricula

Keywords: students, health culture, social media, fitness bloggers, motivation, physical education, healthy lifestyle

Формирование культуры здоровья у студенческой молодежи все в большей степени происходит в цифровой среде, где социальные сети и фитнес-блогеры задают модели поведения, внешние стандарты и представления о норме физической активности. Студенты поколения Z ориентируются на интернет-контент как на основной источник сведений о тренировках, питании и телесности, что придает исследуемому явлению устойчивый и социально значимый характер. Актуальность темы усиливается ростом интереса к физической активности и массовым спортивными мероприятиям при одновременном распространении нереалистичных образов тела, экстремальных диет и тренировок, формирующих риски для физического и психического здоровья.

Проведенный анализ позволил выделить три взаимосвязанных блока влияния социальных сетей и фитнес-блогеров на культуру здоровья студенческой молодежи: информационный, ценностный и поведенческий. Их соотношение удобно представить в таблице 1.

Таблица 1 - Блоки влияния социальных сетей на культуру здоровья студентов [1, 41-42]

Блок влияния	Основное содержание блока	Типичные последствия для студентов
Информационный	Распространение сведений о тренировках, питании, режимах дня	Рост осведомленности, появление знаний о разнообразии форм активности.
Ценностный	Закрепление норм, связанных с телом, усилиями, внешним успехом	Усиление значимости здоровья и внешнего вида в структуре жизненных целей.

Поведенческий	Участие в челленджах, онлайн-марафонах, групповых обсуждениях	Изменение ежедневных практик, включение физической активности в распорядок.
---------------	---	---

Положительные эффекты фитнес-контента проявляются в повышении мотивации к занятиям физической культурой, снижении психологических барьеров начала тренировок, расширении представлений о возможных видах активности. Студенты отмечают, что короткие видеоролики с примерами упражнений, истории личных изменений и регулярные публикации блогеров создают ощущение достижимости результата и помогают удерживать дисциплину. Дополнительным ресурсом выступает формат онлайн-сообществ, где студенты обмениваются опытом, делятся успехами и получают поддержку [1].

Отдельное значение имеет экономический аспект. При высокой стоимости абонементов в фитнес-центры и спортивный инвентарь значительная часть студентов ориентируется на домашние тренировки по роликам блогеров. В этом контексте цифровая среда расширяет доступ к регулярной физической активности, включая те группы молодежи, которые не имеют возможности заниматься в платных секциях.

Наряду с позитивными эффектами выявлены и устойчивые риски. Наиболее заметным является навязывание нереалистичных стандартов внешности, подкрепленных визуальной обработкой, отбором наиболее эффектных кадров и акцентом на быстрый результат. Подобная подача формирует у студентов ощущение постоянного несоответствия, усиливает неудовлетворенность телом, провоцирует крайние режимы питания и тренировок. Дополнительно опасность создают рекомендации, не основанные на профессиональных знаниях, что повышает вероятность травм и нарушений обменных процессов.

Для более наглядного представления основных эффектов влияния фитнес-блогеров результаты обобщены в таблице 2.

Таблица 2 - Позитивные и негативные эффекты влияния фитнес-блогеров [2, 109-110]

Группа эффектов	Конкретные проявления	Потенциальные последствия для здоровья
Позитивные	Рост мотивации, повышение регулярности тренировок	Укрепление физического состояния, формирование полезных привычек.
Позитивные	Расширение знаний о видах тренировок и принципах питания	Более осмысленный подход к планированию двигательной активности.
Позитивные	Создание поддерживающей среды в онлайн-сообществах	Снижение тревожности, укрепление веры в собственные возможности.
Негативные	Демонстрация идеализированных тел и режимов	Снижение самооценки, недовольство внешностью, эмоциональное напряжение.
Негативные	Непрофессиональные советы по нагрузкам и диетам	Риск травм, нарушения пищевого поведения и ухудшения общего состояния.

Сопоставление этих данных с результатами исследований, посвященных программам тренировок для студентов, показывает расхождение между научно обоснованными схемами и рекомендациями, транслируемыми популярными авторами. В методике Тимербулатовой Р. Г. акцент сделан на

комбинированном характере тренировок, включающих силовые и аэробные упражнения с учетом работоспособности в разные дни недели, что позволяет снизить риск переутомления и травм. В то время как контент многих блогеров ориентирован на максимизацию зрелищности и скорости результата, научно разработанные программы направлены на устойчивое улучшение здоровья и функциональных показателей.

Работы Тимербулатовой Р. Г. и Фасхиева А. Х. подчеркивают, что социальные изменения, связанные с цифровизацией и культурным многообразием, не только повышают интерес молодежи к спорту, но и создают новые формы участия, включая специа-лизированные залы для отдельных групп и массовые мероприятия. Социальные сети в этом контексте действуют как канал информирования и как средство организации участия студентов в спортивных событиях, что укрепляет культуру здоровья на коллективном уровне. [2]

Особое значение приобретает роль преподавателя физической культуры, включенного в цифровое пространство. Активное ведение страниц в социальных сетях, публикация примеров личной физической активности, разъяснение принципов безопасных нагрузок и питания формируют у студентов доверие к научно обоснованным подходам. Одновременно снижаются психологические барьеры обращения за консультацией, а взаимодействие приобретает характер партнерства. [3]

Таким образом, фитнес-блогеры и социальные сети оказывают многоплановое влияние на формирование культуры здоровья у студенческой молодежи. Цифровая среда выступает источником знаний, пространством закрепления ценностей и полем ежедневных практик, связанных с физической активностью и заботой о здоровье. Ключевым условием формирования устойчивой и осознанной культуры здоровья студентов становится согласованное действие академической и цифровой среды, при котором преподаватель выступает не только организатором учебных занятий, но и активным субъектом сетевого пространства, транслирующим научно обоснованный и лично значимый образ здорового образа жизни.

Библиографический список

1. Маликова Г. Т., Валиуллина О. В. Социальное значение физической культуры в формировании ценностных ориентаций студенческой молодежи // Здоровый образ жизни для всех возрастов: сборник научных статей по материалам Всесоюзной научно-практической конференции / под ред. М. Э. Елютиной. 2007. С. 41-43

2. Тимербулатова Р. Г., Фасхиева А. Х. Влияние физической активности на социальные навыки студентов // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2024. С. 109-112.

3. Тимербулатова Р. Г., Фасхиева А. Х. Влияние физической активности на психическое здоровье студентов // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2024. – С. 113-116.

**Гиподинамический синдром в юношеском возрасте как вызов
для системы физического воспитания: постановка проблемы
и векторы диверсификации**

Р.Г. Тимербулатова

Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация. Распространенность гиподинамического синдрома среди лиц юношеского возраста приобретает характер неинфекционной пандемии. Глобальное распространение обуславливает необходимость пересмотра подхода к физическому воспитанию

Ключевые слова: гиподинамический синдром, юношеский возраст, физическое воспитание, здоровьесбережение, персонализация, цифровизация

Hypodynamic syndrome in adolescence as a challenge for the physical education system: problem statement and diversification vectors

R.G. Timerbulatova

Bashkir State Agrarian University

Annotation. The prevalence of physical inactivity among adolescents is becoming a non-communicable pandemic. Its global spread necessitates a reconsideration of the approach to physical education

Keywords: hypodynamic syndrome, adolescence, physical education, health preservation, personalization, digitalization

Как свидетельствует анализ методической литературы, решение актуальных вопросов личностного становления в контексте физической культуры и спорта требует опоры на неразрывное единство духовных и физических сил. Данный подход, нацеленный на современные гуманистические концепции, рассматривает человека как главный объект и субъект деятельности. Способность же молодых специалистов к творчеству и прогрессивному мышлению в большой мере обусловлена их физическим и психическим здоровьем. «Снижение двигательной активности вызывает изменение физического состояния организма в целом, нарушая его функциональный статус» [1]. Современный образ жизни молодёжи все больше смещается в виртуальное пространство, где главенствуют сидячие формы досуга, вытесняющие классическую физическую активность. «Это приводит к увеличению времени, проводимого перед экранами, и сокращению времени, уделяемого физической активности» [2].

Экспериментальные данные, полученные в ряде исследований [3], подтверждают, что введение в общеобразовательный процесс элементов функционального тренинга, игровых видов спорта (таких как фрисби, петанк или эстафеты с нестандартным инвентарем), а также занятий на свежем воздухе (кроссфит, ориентирование) благоприятствует существенному повышению концентрации внимания и улучшению памяти у обучающихся. Это объясняется тем, что новые, непривычные двигательные задачи стимулируют образование новых нейронных связей, усиливая нейропластичность мозга. Преодоление физических задач в разнообразных форматах активизирует не только

двигательные центры, но и отделы мозга, ответственные за планирование, принятие решений и самоконтроль, что напрямую влияет на учебные способности. Что касается мотивационной сферы, то нестандартные занятия, основанные на принципах выбора, игрового соревновательного элемента и новизны, эффективно нивелируют явление «двигательного монотона», характерное для традиционных уроков. Когда физическая активность ассоциируется с положительными эмоциями, интересом и личным достижением, а не с принуждением и рутинной, у студентов формируется устойчивая внутренняя мотивация. Они начинают воспринимать физкультуру не как обязательную нагрузку, а как ресурс для психоэмоциональной разгрузки, самореализации и социального взаимодействия, что в итоге проецируется и на их общее отношение к образовательному процессу в целом.

Проведенное исследование позволило выявить два ключевых направления для модернизации учебного процесса. Прежде всего, важнейшую роль играет предоставление студентам свободы в выборе спортивных дисциплин с учетом их индивидуальных предпочтений и физиологических особенностей. Такой подход способствует трансформации физической культуры из обязательного учебного элемента в личностно значимую деятельность, что создает прочную основу для формирования внутренней мотивации. Одновременно с этим необходима системная работа по развитию осознанного отношения к занятиям, выходящего за рамки формального выполнения учебных требований. Это предполагает целенаправленное раскрытие ценностного потенциала физической культуры, ее взаимосвязи с профессиональной долгосрочной эффективностью, психоэмоциональным состоянием и общим качеством жизнедеятельности.

Вывод: Проведенный анализ подтвердил необходимость пересмотра подходов к физическому воспитанию в университетах. Существующая система не формирует у студентов устойчивой заинтересованности. Наши данные показывают, что эффективным решением является:

1. Предоставление выбора видов активности по интересам.
2. Целенаправленное развитие мотивации.

Для этого на каждом занятии следует сочетать физические упражнения с дозированной теоретической информацией, которая усваивается непосредственно в процессе тренировки. Такой подход помогает студентам осознать физкультуру как важную часть общественной жизни, что невозможно без базовых знаний и наглядных примеров.

Библиографический список

1. Валиуллина, О. В. Психолого-педагогические аспекты формирования физической культуры личности студента / О. В. Валиуллина, Р. Г. Тимербулатова // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях : Материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 31 октября – 01 2024 года. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. – С. 769-774.

2. Тимербулатова, Р. Г. влияние физической активности на социальные навыки студентов / Р. Г. Тимербулатова, А. Х. Фасхиева // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития : сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической

конференции, Курск, 08 ноября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 109-112.

3. Хабибуллин, Р. М., Бакирова, А.У., Хабибуллин, И. М. Пауэрлифтинг - элективная дисциплина по физической культуре и спорту. - Уфа: Башкирский ГАУ, 2019. - 87 с.

4. Хабибуллин, Р. М. Влияние физических упражнений на мышечный корсет / Р. М. Хабибуллин, В. В. Ябердина, А. У. Бакирова // Будущее науки - 2019 : сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. Том 4. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 116-119.

ББК 74.484.4

**Эффективные способы развития выносливости студентов
в условиях учебного процесса**

Р.Г. Тимербулатова

Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация. Физическая подготовка влияет на уровень работоспособности во многих видах деятельности. За счет чего возникает потребность в развитии выносливости у личности. В исследовательской части рассматриваются способы и виды упражнений с помощью которых обучающиеся могут совершенствовать выносливость

Ключевые слова: выносливость, физическая подготовка, тренировки, упражнения, студенты

**Effective ways to develop students' endurance during
the educational process**

R.G. Timerbulatova

Bashkir State Agrarian University

Annotation. Physical training affects the level of performance in many types of activities. This creates a need for individuals to develop their endurance. The research section examines the methods and types of exercises that students can use to improve their endurance

Keywords: endurance, physical training, workouts, exercises, students

В настоящее время актуальным вопросом в образовательной программе физической культуры является развитие выносливости у студентов, которая непосредственно влияет на выполнение упражнений как качественно, так и количественно. [2] Необходимы эффективные и компактные методы тренировки, подходящие под учебную программу.

Целью работы является изучение и обоснование применения интервальных тренировок как средства развития выносливости студентов.

В работе применялись методы анализа, обобщения и систематизации научной литературы.

Физическая подготовка влияет на уровень работоспособности во многих видах деятельности. Выносливость может определяться, как способность

организма противостоять наступающему утомлению и усталости. Как правило, в процессе физического воспитания применяются многочисленные и разнообразные упражнения циклического и ациклического характера. [1,3] К ним можно отнести бег, плавание, лыжи и другие. При этом задействованы практически все группы мышц. Подразделяют такие методы развития выносливости, как: равномерный (непрерывный), переменный, интервальный.

Каждый из методов по-своему результативен в зависимости от особенностей организма и времени, которое уделяется на физические упражнения. Однако, в условиях учебных заведений часто наблюдается дефицит времени на полноценные тренировки, а также ограниченность материально-технической основы. Поэтому результативным будет внедрение коротких, но интенсивных тренировок и использование доступных средств для развития выносливости. Такие тренировки называются интервальными и предполагают чередование периодов высокой интенсивности с периодами отдыха. Например, бег, циклические упражнения по 15-20 минут.

Вывод: Выносливость является важным показателем физической подготовленности студентов. В условиях ограниченного учебного времени эффективным средством её развития выступают интервальные тренировки, которые целесообразно систематически использовать в процессе физического воспитания. Перспективой дальнейшего исследования является разработка комплекса интервальных упражнений, направленных на развитие выносливости студентов.

Библиографический список

1. Валиуллина, О. В. Психолого-педагогические аспекты формирования физической культуры личности студента / О. В. Валиуллина, Р. Г. Тимербулатова // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях : Материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 31 октября – 01 2024 года. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. – С. 769-774.

2. Тимербулатова, Р. Г. влияние физической активности на социальные навыки студентов / Р. Г. Тимербулатова, А. Х. Фасхиева // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: проблемы и перспективы развития : сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 08 ноября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 109-112.

3. Хабибуллин, Р. М., Бакирова, А.У., Хабибуллин, И. М. Пауэрлифтинг - элективная дисциплина по физической культуре и спорту. - Уфа: Башкирский ГАУ, 2019. - 87 с.

4. Хабибуллин, Р. М. Влияние физических упражнений на мышечный корсет / Р. М. Хабибуллин, В. В. Ябердина, А. У. Бакирова // Будущее науки - 2019 : сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. Том 4. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 116-119.

**Образовательная навигация студентов-первокурсников
федерального университета****Н.Ю. Тишкина****Научный руководитель: И.А. Ковалевич**

Сибирский федеральный университет

Аннотация. Каждый человек, вступая во взрослую жизнь, неизбежно оказывается перед сложным выбором: в какую профессию направить все свои силы и как выстроить путь обучения, который будет соответствовать желаниям и целям, а также быстро изменяющемуся миру. В настоящее время существует большое количество видов деятельности, из-за чего абитуриенту или первокурснику сложно понять, чем он хочет заниматься и какой у него жизненный приоритет. Чтобы молодой человек чувствовал себя увереннее на пути выбора, ему нужны люди, которые будут сопровождать этот процесс, создавая комфортные условия для выбора жизненных приоритетов.

Одними из таких людей могут быть тьюторы или навигаторы, способные планировать и выстраивать образовательные траектории. Ведь именно в университетской среде молодые люди сталкиваются с неопределённостью, они начинают думать о том, ту ли они профессию выбрали, этим ли они хотят заниматься, и как будет выглядеть их будущая карьера. Тьюторы и навигаторы в таком случае играют ключевую роль: они помогают сделать осознанный выбор, который будет ориентироваться на интересы и склонности студентов.

Обучение в вузе активно формирует личность, помогая легко войти в нужную профессиональную или социальную среду, обрести стиль жизни и опору, которая будет сопровождать на протяжении всего жизненного пути. В условиях быстро изменяющегося мира мы вынуждены подстраиваться под новые реалии и условия с высокими требованиями к компетенциям специалиста завтрашнего дня.

Ключевые слова: образовательная навигация, ИОП, самореализация, навигационные способности, федеральный университет

Educational navigation for first-year students of the federal university**N.Y. Tishkina****Scientific Supervisor: I.A. Kovalevich**

Siberian Federal University

Annotation. Every person entering adulthood inevitably faces a difficult choice: which profession to pursue and how to build an educational path that aligns with their desires and goals, as well as a rapidly changing world. Currently, there are so many different types of activities, making it difficult for prospective students or first-year students to understand what they want to do and what their life priorities are. To help young people feel more confident in their choices, they need people who will support them in this process, creating a comfortable environment for choosing their life priorities.

Some such people can be tutors or navigators, capable of planning and shaping educational trajectories. After all, it is in the university environment that young people face uncertainty; they begin to question whether they have chosen the right

profession, whether this is what they want to do, and what their future career will look like. Tutors and navigators play a key role in these situations: they help them make informed choices that are aligned with their interests and inclinations. University education actively shapes one's personality, helping one easily integrate into the right professional or social environment, develop a lifestyle, and establish a foundation that will guide them throughout their life. In a rapidly changing world, we are forced to adapt to new realities and conditions with high demands on the competencies of tomorrow's professionals

Keywords: educational navigation, IOP, self-realization, navigation abilities, federal university

В настоящее время жизнь молодого человека насыщена разнообразными событиями, имеет большое количество ресурсов и знаний для реализации себя как личности. Сегодняшний студент более прагматичен, он ищет источники для саморазвития и познания себя. Но не всегда достаточно тех ресурсов, которые можно найти в открытых источниках. И для того, чтобы студенты-первокурсники могли соответствовать современному ритму жизни, необходимо в образовательных учреждениях организовывать деятельность так, чтобы студенты могли самоопределяться и самостоятельно строить индивидуальную траекторию движения в процессе обучения.

Не случайно вопросы жизненной и образовательной навигации, профессионального самоопределения и поиска смысла жизни становятся предметом изучения педагогической науки. Всё больше учёных признают, что успех молодого человека во многом зависит от того, насколько эффективно он сможет сориентироваться в многообразии возможностей и построить свой образовательный маршрут, благодаря которому он будет самосовершенствоваться и выбирать траектории, оказывающие влияние на его карьерный путь.

Проблема профессионального самоопределения индивида рассматривается в трудах педагогов и психологов. Учёные акцентируют внимание на стремительное развитие педагогической науки в сфере образовательной и карьерной навигации²⁷. Вопросами образовательного пути обучающегося занимались российские педагоги, такие как: А. В. Хуторской, А. С. Гаязов, С. А. Вдовина, Т. Ю. Ломакина и другие. В их работах отмечается: траектория развития личности во многом определяется способностью человека самостоятельно принимать решения, опираясь на собственные ценности, жизненные смыслы и представления о будущем. Важную роль здесь играет умение ориентироваться в многообразии образовательных и профессиональных возможностей, при этом выделять для себя ключевые этапы и перспективы²⁸.

Всё это позволяет рассматривать профессиональное самоопределение как многогранный процесс, в ходе которого происходит самосовершенствование

²⁷ Гаязов, А.С. Индивидуальные образовательные траектории и индивидуальный образовательный маршрут [Электронный ресурс] / А. С. Гаязов. – URL: <http://www.raop.ru/index.php?id=878> (дата обращения: 11.02.2026).

²⁸ Хуторской, А. В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? : Пособие для учителя. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 383 с. – ISBN: 5-305-00121-8.

личности. Именно поэтому вопросы об образовательной навигации приобретают высокую значимость в современном мире.

Стоит отметить, что само понятие «навигация» изначально было связано исключительно с мореплаванием и означало искусство управления судном. Со временем его смысл расширился: навигация стала ассоциироваться с ориентированием на местности, определением своего положения, скорости и направления движения различных объектов²⁹.

Постепенно этот термин вышел за пределы технической сферы, войдя в педагогическую, психологическую и социальную науки, где навигация стала рассматриваться как поиск собственного пути, выбора траектории развития и принятия решений в условиях неопределённости.

Рассмотрим этот термин с точки зрения педагогики:

1. Жизненная навигация – охватывает весь путь человека, от постановки личных целей до поиска баланса между профессиональным ростом и личным благополучием человека. Это не просто выбор профессии, а выстраивание стратегии жизни, где успех и благополучие становятся результатом осознанных решений и внутренней работы над собой.

2. Образовательная навигация – формирование у личности инструментов для эффективного обучения: умение конспектировать, планировать своё время, выстраивать индивидуальную систему самоорганизации.

3. Профессиональная навигация – подготовка молодёжи к свободному и самостоятельному выбору профессии, призванная учитывать, как индивидуальные особенности каждой личности, так и необходимость распределения трудовых ресурсов в интересах общества.

Можно сказать, что под навигацией понимают часть образовательной среды, представленную многоуровневой системой связей и отношений, направленных на осуществление целостного педагогического процесса, непрерывного обучения и самообразования личности³⁰.

Стоит отметить, что в условиях информационного изобилия и давления общественного мнения молодые люди нередко опираются на стереотипы или советы родителей, а не на собственные предпочтения. Учитывая тот факт, что высшее образование является залогом успеха, в настоящее время не всегда удаётся выстроить образовательный маршрут, исходя из личностных ценностей и мотивов студента.

В федеральных университетах социокультурная среда становится основным источником личностного становления. Здесь студент не только получает знания, но и активно взаимодействует с преподавателями, обучающимися, тем самым приобщаясь к культурным и научным традициям, формируя собственные жизненные ориентиры. Среда вуза способствует социализации, развитию самостоятельности и ответственности, а также

²⁹ Мизерницкий, А. И. Навигация : [учебник для заоч. отд-ний судоводительских фак. высш. инж. морских училищ] / А. И. Мизерницкий, кап. дальнего плавания доц. - Москва : Мор. транспорт, 1963. – 527 с.

³⁰ Огнев, А. С. Навигация: жизненная, образовательная, профессиональная [Текст] : учебно-методическое пособие / А. С. Огнев, С. Е. Довбыш, Е. Б. Колосова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский педагогический государственный университет". – Москва : МПГУ, 2018. – 126 с. – ISBN 978-5-4263-0625-7.

профессиональному самоопределению. Важную роль играет деятельностный подход, где обучение строится не только на передаче информации, но и на вовлечении студентов в практическую, исследовательскую, творческую и спортивную деятельность³¹.

В основе деятельностного подхода заложена образовательная навигация, которую может реализовывать тьютор или навигатор. Такой специалист помогает студенту выявить интересы и склонности, сильные и слабые стороны, поставить цели и шаги для реализации намеченных планов. Навигатор создаёт условия для достижения поставленных целей, помогает осмыслить собственные желания и выстроить индивидуальный образовательный маршрут. В результате такого взаимодействия студент не просто получает знания, а учится самостоятельно принимать решения, брать на себя ответственность и двигаться к поставленным целям, реализуя свой потенциал.

Эффективная реализация ИОП невозможна без продуманной схемы образовательной навигации, которую выстраивает навигатор для каждого студента в университетской среде. Рассмотрим ключевые компоненты ИОП:

1. Информирование – первокурсник знакомится с многообразием студенческих движений, проектов и инициатив, которые существуют в университете. Именно образовательная среда становится для него пространством открытий.

2. Стратегирование – студент переходит от пассивного восприятия информации к осознанному выбору: формулирует собственные цели, определяет приоритеты и выстраивает стратегию движения по образовательной траектории.

3. Проектирование – формируется индивидуальный образ будущего, основанный на личных целях, потребностях и ресурсах.

Тем самым, мы можем сказать, что образовательная навигация за счёт этих компонентов становится важным инструментом адаптации первокурсника к новым реалиям вузовской жизни. Такой подход позволяет выстроить собственный маршрут профессионального и личностного роста, опираясь на интересы, склонности и потребности. В результате у студента формируется целостное представление о своём будущем, а главным итогом становится устойчивая научная и профессиональная картина мира, необходимая для успешной самореализации в современном обществе.

Библиографический список

1. Гаязов, А.С. Индивидуальные образовательные траектории и индивидуальный образовательный маршрут [Электронный ресурс] / А. С. Гаязов. – URL: <http://www.raop.ru/index.php?id=878> (дата обращения: 11.02.2026).

2. Мизерницкий, А. И. Навигация : [учебник для заоч. отд-ний судоводительских фак. высш. инж. морских училищ] / А. И. Мизерницкий, кап. дальнего плавания доц. - Москва : Мор. транспорт, 1963. – 527 с.

³¹ Туктарова, Р. Р. Социокультурная среда как условие успешной социализации студентов (на примере Сибирского федерального университета) / Р. Р. Туктарова // Современное педагогическое образование. – 2020. – №8. – С. 134–140.

3. Огнев, А. С. Навигация: жизненная, образовательная, профессиональная [Текст] : учебно-методическое пособие / А. С. Огнев, С. Е. Довбыш, Е. Б. Колосова ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский педагогический государственный университет". – Москва : МПГУ, 2018. – 126 с. – ISBN 978-5-4263-0625-7.

4. Туктарова, Р. Р. Социокультурная среда как условие успешной социализации студентов (на примере Сибирского федерального университета) / Р. Р. Туктарова // Современное педагогическое образование. – 2020. – №8. – С. 134–140.

5. Хуторской, А. В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? : Пособие для учителя. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 383 с. – ISBN: 5-305-00121-8.

ББК 75.0

**Повышение работоспособности студентов в период сессии
посредством физической культуры
В.С. Торопов, Ю.В. Калабин**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования "Кировский государственный медицинский университет"
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. В данной статье рассмотрена актуальная проблема снижения уровня психоэмоциональной нагрузки и стресса у студентов при помощи занятий спортом. Зачастую наибольший подъем уровня стрессовой нагрузки у студентов наблюдается в период экзаменов, сессии. Поэтому в период сдачи сессий было проведено онлайн-анкетирование обучающихся

Ключевые слова: стресс, экзамены, занятия спортом, физическая нагрузка

**Increasing students' performance during the exam period through
physical education**

V.S. Toropov, Y.V. Kalabin

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kirov State Medical University"
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. This article discusses the current problem of reducing the level of psychoemotional stress and tension in students through sports activities. Often, the highest level of stress in students is observed during exams and sessions. Therefore, an online questionnaire was conducted among students during the exam period

Keywords: stress, exams, sports activities, physical activity

Введение. Повышение уровня учебной нагрузки в период экзаменационной сессии, как следствие стремительное повышение уровня психоэмоционального напряжения и стресса, является крайне актуальной

проблемой современной модели обучения. Увеличение стресса и напряжения зачастую сопровождается снижением общего физического состояния организма, развитием утомления, которое периодически переходит в свою крайнюю степень. В данный период каждый студент задумывается, каким образом можно снизить накопленный стресс. Одним из таких инструментов являются занятия спортом и физической культурой.

Физическая культура является крайне важной составляющей любого образовательного процесса. Занятия спортом и физической культурой способствуют не только росту физического развития каждого человека, но также помогают улучшить психоэмоциональный фонд, повысить общую работоспособность человека. По данным различных исследователей, даже непродолжительные занятия спортом или небольшие тренировки снижают общую усталость и стресс в несколько раз, улучшают мозговое кровообращение и циркуляцию крови в целом, способствуя восстановлению энергетического баланса организма и поддерживая мозговую концентрацию на высоком уровне.

Цель работы: оценка эффективности повышения работоспособности студентов в период сессии при помощи занятий спортом.

Материалы и методы. Для проведения исследования был выбран метод онлайн-анкетирования студентов медицинского университета в период экзаменационной сессии. Всего в опросе приняли участие 77 человек, обучающиеся с 1-ого по 3-ий курс, возраст опрошенных студентов варьировался от 18 до 25 лет. Респондентам было предложено ответить на следующие вопросы анкеты и сделать занятия спортом в период экзаменов более регулярными и частыми:

1. Ваш возраст
2. Ваш факультет
3. Как регулярно Вы посещаете лекции и семинары в течение обучения?
4. Замечали ли Вы, что в период сессии начинаете сильнее волноваться и тревожиться о чем-либо?
5. Часто ли Вы уделяете свое внимание физическим упражнениям в повседневной жизни?
6. Какие виды физической активности Вы предпочитаете?
7. Как изменяется регулярность Ваших физических нагрузок во время сессии?
8. Выделяете ли Вы время занятиям спортом перед экзаменом?
9. Как изменилось Ваш уровень психоэмоционального состояния после учащение занятий спортом в период сессий?
10. Замечали ли Вы изменения в Вашем уровне работоспособности после занятий спортом?
11. Отмечаете ли Вы снижение Вашего уровня стресса после занятий спортом?
12. Замечаете ли Вы связь между уровнем Вашей успеваемости и занятиями спортом?

Результаты и выводы. В ходе проведенного анкетирования было установлено, что практически все студенты (97%) в период сессий испытывают сильную умственную перегрузку и стресс. Больше 85% респондентов посещали в течение семестра все лекции и семинары. Это говорит о достаточной серьезной умственной и психоэмоциональной нагрузке студентов в течение

всего семестра, что также способствует росту уровня стресса во время экзаменационной сессии.

Уровень физической нагрузки у студентов в их повседневной жизни был достаточно нерегулярным. 75% всех опрошенных занимаются спортом раз в неделю, но по возможности стараются увеличить ее. 25% респондентов ограничивают свой уровень физической активности только занятиями физической культуры согласно расписанию. Среди наиболее распространенных видов физических упражнений преобладают: бег (87%), занятия в спортивных залах (9%), иные виды занятий спортом.

В период экзаменационной сессии 98% анкетированных значительно урежает количество физической нагрузки до минимума, что связано с подготовкой к сдаче экзаменов. Лишь 2% респондентов поддерживают свой уровень физической активности на прежнем уровне.

После учащения занятий спортом до 2-3 раз в неделю, 83% студентов было отмечено значительное снижение их уровня психоэмоционального напряжения, 10% было отмечено достаточно низкий уровень снижения их уровня стресса, 7% не заметили этого снижения. Однако повышение уровня своей работоспособности, концентрации внимания отметили 92% опрошенных, что говорит о значительном влиянии физических нагрузок на улучшение мозговой активности. Об этом также свидетельствует тот факт, что 82% опрошенных отмечают взаимосвязь между уровнем их успеваемости и выполненными физическими нагрузками.

Заключение. Занятия физической культурой и спортом в значительной мере способствуют своевременному снижению уровня общей психоэмоциональной нагрузки и стресса. Кроме этого, физические нагрузки улучшают циркуляцию крови в организме в целом, и в частности улучшают ее прилив к головному мозгу, что также способствует не только снижению уровня стресса у студентов, но и улучшают концентрацию внимания и в целом умственную активность. Регулярные занятия спортом позволяют легче переживать студентам большие интеллектуальные нагрузки, быстрее восстанавливаться после напряженных учебных мероприятий.

Таким образом, внедрение элементов физической культуры в повседневный образовательный процесс является крайне эффективным инструментом для повышения продуктивности обучающихся и улучшения их физического и психоэмоционального самочувствия.

Библиографический список

1. Астахов Н. Э. Влияние физической культуры и спорта на работоспособность студента // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 409-411.
2. Обгорелова М. А. Физическая культура в период экзаменационных сессий и тяжелого умственного труда [Электронный ресурс]. URL : <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=45252> (дата обращения 25.02.2026).
3. Шагако Е. А. Взаимосвязь физических упражнений и умственной работоспособности студента в период экзаменационной сессии // Студенческий научный форум. 2017. №. 1-5. С. 403.
4. Агаджанян Н.А. Биоритмы, спорт, здоровье. М.: Физическая культура и спорт, 2009. – 184 с.
5. Ананьев Б.Г. Психофизиология студенческого возраста и усвоение знаний // Вестник высшей школы. 2012. №7. С. 23-26.

**Детско-родительские отношения в неполной семье: направления
психологической поддержки**

Р.А. Трусов

Научный руководитель: С.Г. Елизаров

Курский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности детско-родительских отношений в неполных семьях, образовавшихся в результате развода. На основе анализа теоретических и эмпирических исследований выделяются основные направления психологической поддержки, включающие работу с детьми, родителями и детско-родительскими отношениями. Обосновывается необходимость комплексного подхода, интегрирующего индивидуальную, групповую и семейную формы работы. Предлагаются практические рекомендации по организации психологической помощи семьям, переживающим развод.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, неполная семья, развод, психологическая поддержка, психологическое консультирование, коррекционная программа.

**Child-parent relations in an incomplete family:
directions of psychological support**

R.A. Trusov

Scientific supervisor S.G. Elizarov

Kursk State University

Abstract. The article discusses the features of child-parent relationships in single-parent families formed as a result of divorce. Based on the analysis of theoretical and empirical studies, the main areas of psychological support are identified, including work with children, parents, and child-parent relationships. The need for a comprehensive approach that integrates individual, group, and family forms of work is substantiated. Practical recommendations are provided for organizing psychological assistance to families experiencing divorce.

Keywords: parent-child relationships, single-parent families, divorce, psychological support, psychological counseling, and correctional programs.

Развод родителей приводит к трансформации детско-родительских отношений, которая может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия для развития ребенка. Как отмечает Н.А. Плющ, одной из значимых причин психотравм, которые получают дети при разводе родителей, выступает неготовность родителей к разводу, их неспособность осознанно подойти к данному вопросу и учесть переживания ребенка [8].

В этой связи особую актуальность приобретает разработка программ психологической поддержки, направленных на минимизацию негативных последствий развода и сохранение конструктивных детско-родительских отношений. Эффективная психологическая помощь должна учитывать не только индивидуальные особенности ребенка и родителя, но и специфику их взаимодействия в новых семейных условиях. Исследования показывают, что

детско-родительские отношения в неполных семьях имеют свою специфику. Н.В. Степина провела сравнительный анализ детско-родительских отношений в полных семьях и в семьях после развода, который позволил выделить следующие особенности: для родителей детей из неполных семей характерно более выраженное принятие ребенка; родители младших школьников из неполных семей стараются использовать в воспитании только демократичные методы, избегая строгих дисциплинарных запретов. Важно отметить, что родители, воспитывающие детей в неполных семьях, больше способны к восприятию состояния своего ребенка, они легче распознают детерминанты возникновения у ребенка того или иного эмоционального состояния. Однако в воздействии на состояние ребенка и оказании ему эмоциональной поддержки семьи после развода испытывают трудности, тогда как в полных семьях такие трудности не наблюдаются [11].

Сложности в детско-родительских отношениях могут усугубляться, если один из родителей прекращает общение с ребенком после развода. В.О. Рабченко отмечает, что отсутствие отцовского воспитания приводит к интеллектуальным нарушениям, размыванию процесса половой идентификации, формированию нерешительности при решении жизненных проблем, превалированию материальных ценностей [9].

Психологическая поддержка детей, переживающих развод родителей, должна учитывать их возрастные особенности и актуальное эмоциональное состояние. Г. Фигдор указывает на необходимость создания условий, в которых ребенок может выразить свои чувства, получить ответы на волнующие вопросы и восстановить чувство безопасности [14]. Важным направлением работы является помощь ребенку в осознании того, что он не является причиной развода родителей. Чувство вины, часто возникающее у детей, может быть преодолено через разъяснительную работу и создание атмосферы принятия [5]. Для детей младшего возраста эффективными формами работы являются игровая терапия, арт-терапия, сказкотерапия. Для подростков более адекватными методами выступают групповые дискуссии, тренинги социальных навыков, когнитивно-поведенческая терапия [2].

Психологическая поддержка родителей в ситуации развода направлена на стабилизацию их эмоционального состояния, формирование адекватного восприятия ситуации и развитие навыков эффективного взаимодействия с ребенком. Т.Ф. Сулова выделяет ряд негативных последствий развода, проявляющихся у родителей: эмоциональный стресс, чувство вины и неудачи, ухудшение финансового положения, трудности в установлении новых отношений [12].

А.Г. Галиуллина [4], Н.В. Минайчева [7], М.А. Иваненко [6] выделяют различные психологические последствия для разных категорий родителей. Для родителя, желающего продолжать общение с ребенком, характерны переживания, связанные с ограничением контактов и судебными разбирательствами. Родитель, занимающийся воспитанием, испытывает повышенную ответственность и эмоциональное истощение. Родитель, прекративший контакты, может сталкиваться с чувством вины и утратой смысла. Работа с родителями должна включать индивидуальное консультирование, направленное на проработку чувств, связанных с разводом, и формирование конструктивных стратегий совладания. Групповые формы

работы позволяют родителям получить поддержку от других людей, переживающих сходную ситуацию, и обменяться опытом [1].

На основе теоретического анализа и эмпирических данных может быть предложена комплексная программа психологической поддержки детей и родителей в ситуации развода, включающая три основных блока.

Первый блок – диагностический – направлен на выявление актуального психоэмоционального состояния членов семьи, особенностей детско-родительских отношений и факторов риска. В качестве диагностического инструментария могут использоваться методика А.Г. Лидерса и И.В. Анисимовой «Диагностика эмоциональных отношений в семье», тест личностной тревожности для подростков (А.М. Прихожан), шкала оценки влияния травматического события (IES-R) в адаптации Н.В. Тарабиной, тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин) [13].

Второй блок – коррекционно-развивающий – включает индивидуальную и групповую работу с детьми и родителями. С детьми могут проводиться занятия, направленные на снижение тревожности, формирование позитивной самооценки, развитие навыков эмоциональной регуляции. С родителями – консультации по вопросам воспитания в неполной семье, тренинги родительской компетентности [6].

Третий блок – поддерживающий – предполагает организацию супервизионной группы для родителей, где они могут получать профессиональную поддержку и обмениваться опытом, а также создание условий для регулярного мониторинга состояния детей и семейной ситуации [10].

Таким образом, детско-родительские отношения в неполных семьях, образовавшихся в результате развода, имеют свою специфику, требующую учета при организации психологической поддержки. Эффективная помощь должна быть комплексной, включающей работу с детьми, родителями и детско-родительскими отношениями. Ключевыми направлениями психологической поддержки являются: стабилизация эмоционального состояния членов семьи, формирование адекватного восприятия ситуации развода, развитие навыков эффективного взаимодействия между родителями и детьми, предотвращение вовлечения ребенка в родительский конфликт, сохранение значимых отношений с обоими родителями. Реализация комплексной программы психологической поддержки, включающей диагностический, коррекционно-развивающий и поддерживающий блоки, позволяет минимизировать негативные последствия развода и способствует сохранению психологического здоровья всех членов семьи.

Библиографический список

1. Абитов, И. Р. Психология семьи : учебно-методическое пособие / И. Р. Абитов. – Казань, 2014. – 211 с. – Текст : непосредственный.
2. Арамачева, Л. В. Психология семьи и семейное консультирование: учебное пособие / Л. В. Арамачева. – Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – 164 с. – ISBN 978-5-00102-400-2. – Текст : непосредственный.
3. Векилова, С. А. Психология семьи : учебное пособие / С. А. Векилова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 310 с. – ISBN 978-5-534-01445-7. – Текст : непосредственный.

4. Галиуллина, А. Г. Психологические переживания женщины в первый год после развода / А. Г. Галиуллина. – Текст : непосредственный // Международный студенческий научный вестник. – 2020. – № 5. – С. 12.
5. Гречишникова, А. В. Безопасность психического здоровья детей при разводе родителей / А. В. Гречишникова, Е. А. Яковлева. – Текст : непосредственный // Детство – территория безопасности. – 2023. – С. 396-399.
6. Иваненко, М. А. Семейное консультирование : учебное пособие / М. А. Иваненко. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. – 127 с. – ISBN 978-5-7186-1629-3. – Текст : непосредственный.
7. Минайчева, Н. В. Экология развода. Обобщение опыта психологического консультирования / Н. В. Минайчева. – Текст : непосредственный // Психологические проблемы современной семьи. – 2015. – С. 543-562.
8. Плющ, Н. А. О негативном влиянии развода родителей на формирование психики детей / Н. А. Плющ, О. Е. Беркович, Е. Б. Матрешина. – Текст : непосредственный // Психология личностного взаимодействия в современном обществе. – 2024. – С. 90-94.
9. Рабченко, В. О. Формирование личности ребенка в разведенных семьях / В. О. Рабченко. – Текст : непосредственный // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. – 2018. – С. 387-389.
10. Степанова, Н. В. Психоземotionalное состояние и копинг-стратегии разведённых людей / Н. В. Степанова. – Текст : непосредственный // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2025. – С. 12-18.
11. Степина, Н. В. Детско-родительские отношения в семьях после развода / Н. В. Степина. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 73-2. – С. 220-224.
12. Сусллова, Т. Ф. Психология семьи с основами семейного консультирования : учебное пособие / Т. Ф. Сусллова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 343 с. – ISBN 978-5-534-00869-2. – Текст : непосредственный.
13. Тарабрина, Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика / Н. В. Тарабрина. – Москва, 2009. – 304 с. – ISBN 978-5-9270-0143-9. – Текст : непосредственный.
14. Фигдор, Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование) / Г. Фигдор. – Москва : Наука, 1995. – 376 с. – ISBN 5-02-012260-2. – Текст : непосредственный.

УДК 316.356.2:159.922.8

Социально-психологическая специфика восприятия детско-родительских отношений подростками из неполных семей

Р.А. Трусов

Научный руководитель: С.Г. Елизаров

Курский государственный университет

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы

восприятия детско-родительских отношений подростками, воспитывающимися в неполных семьях, образовавшихся в результате развода. Рассматриваются основные подходы к пониманию развода как психологического феномена, его влияние на трансформацию семейной системы и детско-родительских отношений. Особое внимание уделяется возрастным особенностям подросткового периода, определяющим специфику восприятия семейной ситуации. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выделяются ключевые факторы, влияющие на формирование образа семьи у подростков из неполных семей, и обосновывается необходимость разработки комплексных программ психологической поддержки

Ключевые слова: детско-родительские отношения, неполная семья, развод, подростковый возраст, восприятие семейной ситуации, психологическая поддержка

Socio-psychological specificity of child-parent relationships perceived by teenagers from single-parent families

R.A. Trusov

Scientific supervisor: S.G. Elizarov

Kursk State University

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the problem of perception of child-parent relationships by adolescents who are raised in single-parent families formed as a result of divorce. The main approaches to understanding divorce as a psychological phenomenon and its impact on the transformation of the family system and child-parent relationships are considered. Special attention is paid to the age-related characteristics of adolescence, which determine the specifics of the perception of the family situation. Based on the analysis of domestic and foreign studies, key factors influencing the formation of the family image in adolescents from single-parent families are identified, and the need for the development of comprehensive psychological support programs is substantiated

Keywords: parent-child relationships, single-parent families, divorce, adolescence, perception of family situations, psychological support

Современная семейная психология накапливает значительный объем знаний о влиянии развода на всех членов семьи. По данным Федеральной службы государственной статистики по Курской области в 2023 году количество браков составило 6 950, а разводов – 4 876, что подтверждает актуальность исследования проблем, связанных с распадом семьи [2]. Развод, являясь стрессовым событием для супругов, оказывает глубокое воздействие на детей, особенно в подростковом возрасте, когда формируется система ценностных ориентаций и представлений о будущей семейной жизни [8].

Подростковый возраст, характеризующийся повышенной сензитивностью к изменениям в семейной системе, требует особого внимания исследователей к вопросу о том, как именно подростки воспринимают отношения с родителями после развода. В отличие от детей младшего возраста, подростки осознанно переживают ситуацию распада семьи, что может приводить к формированию устойчивых паттернов восприятия детско-родительских отношений, оказывающих влияние на их дальнейшую жизнь [6].

В психологической литературе развод традиционно рассматривается как «способ прекращения брака при жизни супругов путем юридического расторжения», влекущий за собой реорганизацию семейной системы и формирование нового типа семьи – неполной [8, с. 240]. Н.В. Головкин определяет развод как «процесс расторжения брачных отношений, который может иметь различные причины и последствия», подчеркивая многогранность данного явления [3, с. 23].

Клементьева М.В. расширяет понимание развода, обозначая его как «семейный конфликт, в результате которого разрушаются брачные отношения» [7, с. 103]. Такой подход позволяет рассматривать развод не как изолированное событие, а как процесс, разворачивающийся во времени и затрагивающий все сферы жизнедеятельности семьи.

Важным вкладом в понимание психологической природы развода является типология, предложенная Н.В. Поддубным, который выделяет четыре основных типа разводов в зависимости от мотива: подлинный (осознанный шаг при понимании истощенности отношений), шантажный (использование угрозы развода как манипуляции), развод как давление (под влиянием окружения) и развод как аффективная реакция (импульсивное решение на фоне эмоциональной вспышки) [12].

Значительный вклад в понимание динамики развода внесла модель распада супружеских отношений, разработанная на основе идей А. Маслоу. В соответствии с данной моделью, Л.Т. Миннигалиева выделяет последовательные этапы переживания развода: эмоциональный развод (чувство отдаленности), период размышлений, юридический развод, экономический развод, баланс родительских обязанностей, время самоисследования и психологический завершающий развод [9]. Данная этапность отражает сложность и длительность процесса адаптации к новым семейным условиям.

Аронс К., исследуя последствия развода, подчеркивал, что развод – это процесс, оставляющий следы на всю жизнь, в ходе которого личность трансформируется, формируется новое мировоззрение [1]. С. Дак выделил четыре фазы процесса развода: интра-психическую (внутреннюю), интер-психическую (между супругами), социальную (вовлечение других людей) и фазу отделки (переработка опыта) [4].

Особый интерес представляет подход А. Декурсель, рассматривающий развод как социальный и культурный процесс, не изолированный от общественных явлений. Исследователь отмечает, что восприятие развода различается в зависимости от культурных норм и социального статуса, что позволяет понять, что развод не всегда воспринимается как негативный опыт [10; 15].

Исследования показывают, что подростки, пережившие развод родителей, демонстрируют специфические особенности восприятия семейной ситуации. Н.А. Першина выделяет следующие эмоционально-психологические состояния подростков в ситуации развода: горе, гнев, страх, стыд, снижение самооценки, утрату чувства безопасности, тревогу о будущем, чувство вины, депрессивные состояния [11].

Особенностью подросткового восприятия является способность к рефлексии и осмыслению происходящего. Как отмечает Д.С. Каримова, в странах, где развод считается «обычным делом», подростки переживают

данную проблему легче, чем в тех странах, где это социально не приемлемо. Таким образом, характер переживаний подростков зависит не только от внутрисемейной ситуации, но и от социального контекста [6].

Сергеева А.Н., сравнивая детей из разведенных семей с детьми из полных семей, выявила, что подростки из неполных семей более недоверчивы, замкнуты, эгоцентричны, но в то же время лучше умеют контролировать свое поведение. Исследователь также отмечает проблемы с самооценкой: такие подростки стремятся повысить ее не через достижения, а через непризнание собственных ошибок [14].

На формирование восприятия детско-родительских отношений подростками из неполных семей влияет комплекс факторов. Н.А. Закиров выделяет признаки благоприятного психологического климата в семье в ситуации развода: сохранение уважения к бывшему супругу, отсутствие вовлечения ребенка в конфликт, сохранение стабильности режима и привычного уклада жизни ребенка, открытое обсуждение ситуации с ребенком в доступной форме, сохранение контактов с обоими родителями [5].

Фигдор Г. подчеркивает, что психологическая поддержка со стороны обоих родителей создает условия для благополучия ребенка. Важно, чтобы оба родителя после развода оставались активными участниками жизни ребенка, обеспечивая ему эмоциональную стабильность и поддержку [15].

Однако, как отмечает В.О. Рабченков, в ситуациях, когда отец после развода не участвует в воспитании ребенка, возникают серьезные последствия: отсутствие мужского воспитания приводит к интеллектуальным нарушениям, размывается процесс половой идентификации, формируется нерешительность при решении жизненных проблем, превалируют материальные ценности [13].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что восприятие детско-родительских отношений подростками из неполных семей представляет собой сложный психологический феномен, формирующийся под влиянием объективных характеристик семейной ситуации, субъективных переживаний подростка и социального контекста. Развод не может рассматриваться как изолированное событие – это процесс, разворачивающийся во времени и затрагивающий все аспекты семейной системы. Особенностью подросткового возраста является способность к осознанному восприятию и рефлексии происходящего, что делает подростков наиболее уязвимой возрастной группой в ситуации развода. Переживания подростков характеризуются амбивалентностью: с одной стороны, они стремятся к автономии, с другой – остро нуждаются в стабильности и поддержке. Полученные результаты теоретического анализа обосновывают необходимость разработки комплексных программ психологической поддержки, учитывающих специфику восприятия детско-родительских отношений подростками из неполных семей.

Библиографический список

1. Аронс, К. Развод: крах или новая жизнь? / К. Аронс. // Пер. с англ. – М.: «МИРТ», 1995. – 448 с. – ISBN 5-85029-055-9. – Текст : непосредственный.
2. Браки и разводы. – Текст : электронный / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области : [сайт]. – 2026. - URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/br_rz_2023.pdf (дата обращения: 17.03.2026).

3. Головкин, Н. В. Психологические аспекты развода в семье: причины и последствия / Н. В. Головкин – Текст : непосредственный // Universum: психология и образование. – 2023. – С. 23-25.
4. Доманецкая, Л. В. Психология семьи и семейного воспитания: учебное пособие / Л. В. Доманецкая. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. – 212 с. – ISBN 978-5-85981-564-7.– Текст : непосредственный.
5. Закиров, Н. А. Влияние психологического климата семьи на формирование психики детей (до развода, в процессе развода и после него) / Н. А. Закиров – Текст : непосредственный // Вестник Ошского государственного университета. – 2010. – № 1-2. – С. 84-88.
6. Каримова, Д. С. Развод родителей: причины, влияние на ребенка и на взаимоотношения родителей и детей / Д. С. Каримова. – Текст : непосредственный // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2021. – № 36. – С. 48-49.
7. Клементьева, М. В. Событие развода в биографической рефлексии взрослых мужчин и женщин / М. В. Клементьева. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – С. 101-111.
8. Мартынюк, О. Б. Психология семьи : учебное пособие для вузов / О. Б. Мартынюк. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 380 с. – ISBN 978-5-534-14306-5.– Текст : непосредственный.
9. Миннигалиева, Л. Т. Психология развода: стадии переживания развода / Л. Т. Миннигалиева. – Текст : непосредственный // Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений. – 2020. – С. 162-164.
10. Олифирова, Н. И. Психология семейных кризисов / Н.И. Олифирова. – СПб.: Речь, 2006. – 360 с. – ISBN 5-9268-0416-7.– Текст : непосредственный.
11. Першина, Н. А. Особенности эмоционального состояния детей и подростков в ситуации развода родителей / Н. А. Першина, Н. В. Лосева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной семьи. – 2021. – С. 518-523.
12. Поддубный, Н. В. Психокоррекционная работа с разводящимися супругами как фактор профилактики невротических состояний : специальность 19.00.04. «Медицинская психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук // Поддубный Николай Васильевич. – Ленинград, 1986. – 175 с.
13. Рабченко, В. О. Формирование личности ребенка в разведенных семьях / В. О. Рабченко. – Текст : непосредственный // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. – 2018. – С. 387-389.
14. Сергеева, А. Н. Влияние развода родителей на психическое развитие детей младшего школьного и подросткового возраста / А. Н. Сергеева. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2006. – С. 106-114.
15. Серебрякова, Т. А. Развод как междисциплинарная проблема / Т. А. Серебрякова. – Текст : непосредственный // Бюллетень науки и практики. – 2018. – С. 476-484.

16. Фигдор, Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование) / Г. Фигдор. – М.: Наука, 1995. – 376 с. – SBN 5-02-012260-2 – Текст : непосредственный.

УДК 316.356.2:159.922.8

Эмоционально-психологические состояния детей разного возраста в условиях неполной семьи (ситуация развода): сравнительный анализ

Р.А. Трусов

Научный руководитель: С.Г. Елизаров

Курский государственный университет

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ эмоционально-психологических последствий развода родителей для детей различных возрастных групп: раннего возраста, дошкольного, младшего школьного и подросткового. На основе обобщения отечественных и зарубежных исследований выделены специфические особенности реагирования детей на ситуацию распада семьи в зависимости от уровня их когнитивного и эмоционального развития. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к психологической поддержке детей, переживающих развод родителей, с учетом их возрастных особенностей

Ключевые слова: развод родителей, неполная семья, эмоционально-психологические состояния, возрастные особенности, детско-родительские отношения, психологическая поддержка

Emotional and psychological conditions of children of different ages in a partial family (divorce situation): comparative analysis

R.A. Trusov

Scientific supervisor: S.G. Elizarov

Kursk State University

Abstract. The article presents a comparative analysis of the emotional and psychological consequences of parental divorce for children of different age groups: early childhood, preschool, primary school, and adolescence. Based on a synthesis of domestic and foreign research, the article highlights the specific features of children's responses to the situation of family disintegration, depending on their level of cognitive and emotional development. The article substantiates the need for a differentiated approach to psychological support for children experiencing parental divorce, taking into account their age-related characteristics

Keywords: parental divorce, single-parent family, emotional and psychological states, age-related characteristics, parent-child relationships, and psychological support

Развод родителей является одним из наиболее травматичных событий в жизни ребенка, последствия которого могут проявляться на протяжении многих лет. Исследования показывают, что характер переживаний ребенка в ситуации развода во многом определяется его возрастом, уровнем когнитивного развития, способностью к пониманию происходящего и эмоциональной

регуляции [5]. Понимание возрастной специфики реагирования детей на развод родителей имеет важное значение для разработки эффективных программ психологической поддержки. Каждый возрастной этап характеризуется уникальными психологическими особенностями, определяющими характер восприятия семейной ситуации и способы совладания со стрессом [1].

Дети раннего возраста (0-3 года). Наиболее уязвимыми в ситуации развода являются дети раннего возраста, чье психоэмоциональное состояние находится в прямой зависимости от состояния матери. Как отмечает Я.В. Свило, в раннем возрасте ребенок находится в симбиотической связи с матерью, поэтому его переживания напрямую связаны с переживаниями матери. В процессе развода возникающие у матери негативные эмоции могут приводить к ухудшению ее физического и психологического состояния, что отражается на ребенке [8].

Лаврова М.А. выделяет следующие эмоционально-психологические состояния детей от 0 до 3 лет в ситуации развода: нарушение сна, повышенная раздражительность, частый плач, агрессивное реагирование на других людей, страх темноты, страх перед новыми лицами, перепады настроения, психосоматические реакции [5]. Важно отметить, что маленькие дети не могут выразить свои чувства словами, поэтому их беспокойность проявляется через поведение. М.Н. Аристова подчеркивает, что даже если младенец внешне не проявляет озабоченности процессом развода, в дальнейшем у него могут возникнуть психосоматические реакции – энурез, кошмарные сновидения, нарушения режима сна и бодрствования [2].

Дети дошкольного возраста (4-6 лет). Дошкольный возраст характеризуется появлением способности к элементарному осмыслению происходящего, однако понимание причинно-следственных связей остается ограниченным. Якунина О.К. указывает, что разрушение семьи и нарушение контактов с родителями могут привести к возникновению у дошкольников острых переживаний: разнообразных страхов, бессонницы, агрессивности, замкнутости, повышению общего уровня тревожности и неуверенности в себе [12].

Потапова А.Н. выделяет следующие эмоционально-психологические состояния детей дошкольного возраста в ситуации развода: состояние отрицания (игнорирование информации о разводе), снижение самооценки и чувство вины, большая потребность в одобрении, гнев, направленный на родителя, который «покинул» семью [7]. Особенностью дошкольного возраста является использование механизма отрицания как первичной защиты от травмирующей информации. Дошкольники могут не обращать внимания на разговоры о смене жительства родителя, продолжая ассоциировать свою жизнь с привычной, стабильной предыдущей жизнью [10].

Дети младшего школьного возраста (7-10 лет). Младший школьный возраст характеризуется более глубоким пониманием происходящего и способностью к рефлексии. Сергеева А.Н. отмечает, что развод родителей оказывает значительное влияние на формирование характера ребенка, его эмоциональную сферу, самооценку, поведение и отношения с окружающими. Дети из разведенных семей более недоверчивы, замкнуты, часто обижаются, упрямы и эгоцентричны, нерешительны, конфликтуют с педагогами и родителями [9].

Костина Л.А. выделяет эмоционально-психологические состояния младших школьников в ситуации развода: гнев и агрессия, уход в фантазии, снижение успеваемости, социальный стресс (проблемы в общении со сверстниками), депрессивные состояния, потеря интереса к занятиям. Исследования показывают, что мальчикам сложнее пережить развод родителей, чем девочкам. Мальчики становятся более замкнутыми, недоверчивыми, неуверенными в себе, зависимыми, робкими, у них отмечается более негативное отношение к жизни, опустошенность, усталость. Девочки же, напротив, проявляют ярко выраженную общительность, демонстративность, стремление к доминированию [4].

Подростки (11-17 лет). Подростковый возраст считается наиболее сложным периодом для переживания развода родителей. Это обусловлено тем, что общее психологическое состояние подростков нестабильно, они наиболее чувствительны к стрессам и осознанно воспринимают происходящее. Д.С. Каримова отмечает, что характер переживаний подростков зависит от их отношения к разводу, которое, в свою очередь, формируется под влиянием социального контекста [3]. Першина Н.А. выделяет следующие эмоционально-психологические состояния подростков в ситуации развода: горе, чувство утраты, гнев, страх, стыд, снижение самооценки, депрессивные состояния, утрата чувства безопасности, тревога о будущем, чувство вины [6].

Подростки могут испытывать страх относительно своего будущего, высказываться против создания семьи в будущем, не желать иметь детей. У многих подростков наблюдается повышенное беспокойство по поводу своей роли в семье и возможного чувства вины за произошедшее [1]. Важной особенностью подросткового возраста является то, что компенсация любви и благополучных семейных отношений часто происходит за «стеной» – подростки находятся в поиске места, компании, где их поймут и поддержат. Иногда это благополучные компании по интересам (музыка, спорт), но чаще дети присоединяются к асоциальным группам [11].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что эмоционально-психологические последствия развода родителей имеют выраженную возрастную специфику. У детей раннего возраста преобладают психосоматические реакции и нарушения поведения, обусловленные симбиотической связью с матерью. Дошкольники используют отрицание как защитный механизм, испытывают чувство вины и потребность в одобрении. Младшие школьники демонстрируют замкнутость, недоверие, проблемы в общении со сверстниками и снижение успеваемости. Подростки, будучи наиболее осознанной возрастной группой, переживают развод как горе, что может приводить к депрессивным состояниям, формированию негативных установок относительно будущей семейной жизни и девиантному поведению. Понимание возрастных особенностей реагирования детей на развод родителей является необходимым условием для разработки эффективных программ психологической поддержки, учитывающих специфику каждого возрастного этапа.

Библиографический список

1. Авдулова, Т. П. Социальная психология детства : учебно-методическое пособие / Т. П. Авдулова. – М.: МПГУ, 2018. – 102 с. – ISBN 978-5-4263-0685-3. – Текст : непосредственный.

2. Аристова, М. Н. Факторы, влияющие на особенности реагирования ребенка на развод родителей / М. Н. Аристова. – Текст : непосредственный. // Молодой ученый. – 2018. – № 20 (206). – С. 54-58.
3. Каримова, Д. С. Развод родителей: причины, влияние на ребенка и на взаимоотношения родителей и детей / Д. С. Каримова. – Текст : непосредственный. // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2021. – № 36. – С. 48-49.
4. Костина, Л. А. Особенности психоэмоционального состояния младших школьников в ситуации развода родителей / Л. А. Костина. – Текст : непосредственный. // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 5. – С. 78-83.
5. Лаврова, М. А. Влияние развода родителей на психологические особенности ребенка раннего детства / М. А. Лаврова. – Текст : непосредственный. // Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – 2022. – С. 534-538.
6. Першина, Н. А. Особенности эмоционального состояния детей и подростков в ситуации развода родителей / Н. А. Першина, Н. В. Лосева. – Текст : непосредственный. // Актуальные проблемы современной семьи. – 2021. – С. 518-523.
7. Потапова, А. Н. Психологическое влияние развода родителей на детей дошкольного возраста / А. Н. Потапова. – Текст : непосредственный. // Московский институт коррекционной педагогики. – 2020. – С. 27-34.
8. Свило, Я. В. Рекомендации по минимизации у детей последствий развода родителей / Я. В. Свило. – Текст : непосредственный. // Universum: психология и образование. – 2020. – № 12 (78). – С. 11-13.
9. Сергеева, А. Н. Влияние развода родителей на психическое развитие детей младшего школьного и подросткового возраста / А. Н. Сергеева. – Текст : непосредственный. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2006. – № 1. – С. 106-114.
10. Соловьева, Е. В. Психология семьи и семейное воспитание : учебное пособие / Е. В. Соловьева. – Тюмень : ТюмГУ, 2014. – 256 с. – ISBN 978-5-400-00976-3. – Текст : непосредственный.
11. Сысоева, В. Н. Социальный стресс и его проявления в подростковом возрасте / В. Н. Сысоева. – Текст : непосредственный. // Молодой ученый. – 2020. – № 45 (335). – С. 540-554.
12. Якунина, О. К. Психолого-педагогическое сопровождение детей дошкольного возраста, переживающих ситуацию развода родителей / О. К. Якунина, Н. И. Москвина, Т. Л. Золотарева. – Текст : непосредственный // Педагогический опыт: теория, методика, практика. – 2017. – № 1-2 (10). – С. 132-134.

ББК 67.407

Климатические иски как инструмент защиты экологических прав: опыт зарубежных стран и перспективы для России

С.М. Тутарищева, А.Е. Моковозова, М.П. Рудько

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Адыгейский государственный университет»

Аннотация. В статье рассматривается феномен климатических исков как нового инструмента защиты экологических прав. На основе анализа зарубежной судебной практики выявляются основные правовые стратегии привлечения государств и корпораций к ответственности за недостаточные меры по борьбе с изменением климата. Оцениваются перспективы развития климатического правосудия в России с учётом действующего законодательства и возможной адаптации зарубежных правовых конструкций

Ключевые слова: климатические иски, защита экологических прав, изменение климата, парниковые выбросы, Парижское соглашение, Европейский суд по правам человека, правовая ответственность, Россия

Climate litigation as a tool for environmental rights protection: foreign experience and prospects for Russia

S.M. Tutarishcheva, A.E. Mokovozova, M.P. Rudko

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Adyge State University»

Abstract. The article examines the phenomenon of climate litigation as a new tool for protecting environmental rights. Based on the analysis of foreign judicial practice, the main legal strategies for holding states and corporations accountable for insufficient climate change mitigation measures are identified. The prospects for the development of climate justice in Russia are assessed, taking into account the current legislation and the possible adaptation of foreign legal constructs

Keywords: climate litigation, environmental rights protection, climate change, greenhouse gas emissions, Paris Agreement, European Court of Human Rights, legal liability, Russia

Изменение климата превратилось из сугубо научной проблемы в один из центральных вызовов современного права. Климатические иски представляют собой новое правовое явление в системе защиты экологических прав, которое активно развивается как на международном, так и на национальном уровнях. По состоянию на июнь 2025 года в мире было зарегистрировано более 3000 климатических дел в 60 странах, что свидетельствует о стремительном росте этого направления судебной практики [8]. Настоящая работа посвящена сравнительно-правовому анализу климатических исков, предъявляемых к государствам и корпорациям, с особым вниманием к современной судебной практике и перспективам развития этого института в России.

Теоретическую основу климатических исков составляет взаимосвязь между защитой климата и фундаментальными правами человека. Как отмечается в научной литературе, Европейская конвенция по правам человека включает право на эффективную защиту со стороны государственных органов от серьезных вредных последствий изменения климата на жизнь, здоровье, благополучие и качество жизни граждан, устанавливая непосредственную связь между правами по Конвенции и изменением климата [7]. Эта правовая конструкция позволяет рассматривать недостаточные климатические меры государства как нарушение прав человека, что открывает новые возможности для судебной защиты.

Международно-правовая база климатической ответственности

формируется прежде всего Парижским соглашением 2015 года. Документ закрепляет принцип «общей, но дифференцированной ответственности», согласно которому все страны обязаны бороться с изменением климата, однако объем их обязательств различается в зависимости от исторического вклада в выбросы парниковых газов и уровня экономического развития [3]. Ключевым механизмом реализации Парижского соглашения являются определяемые на национальном уровне вклады, которые государства принимают добровольно. При этом, как подчеркивают исследователи, добровольный характер этих обязательств не освобождает государства от юридической ответственности за их невыполнение, особенно когда бездействие властей причиняет реальный вред здоровью и имуществу граждан [6].

Прорывным событием в развитии климатических исков стало решение Европейского суда по правам человека по делу «KlimaSeniorinnen v. Switzerland» от 9 апреля 2024 года [7]. Европейский суд впервые признал, что недостаточные меры государства по борьбе с изменением климата могут нарушать право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека. Суд постановил, что Швейцария не выполнила свои обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, что создало угрозу здоровью и благополучию пожилых женщин-заявительниц. Это решение создало прецедент, делающий борьбу с изменением климата составляющей прав человека. Как отмечают специалисты, после этого решения вопрос для государств — членов Совета Европы больше не в том, должны ли они действовать, а в том, как именно они должны это делать [7].

Вслед за Швейцарией аналогичные иски были поданы и против других европейских государств. Однако не все они увенчались успехом. Так, 1 июля 2025 года ЕСПЧ отклонил жалобу в деле «Engels and Others v. Germany», посчитав, что немецкое законодательство в области защиты климата, включая поправки к Закону о защите климата 2021 года, в целом соответствует требованиям Конвенции [9]. Тем не менее ранее, в 2021 году, Федеральный конституционный суд Германии в знаковом решении по делу «Neubauer v. Germany» признал неконституционным бездействие законодателя в части установления недостаточно четких целей по сокращению выбросов на период после 2030 года, обязав правительство принять более детальные климатические планы [9].

Параллельно с исками к государствам активно развивается направление климатических исков к частным корпорациям. Классическим примером стало дело «Milieudefensie v. Shell» в Нидерландах. В 2021 году Окружной суд Гааги вынес беспрецедентное решение, обязав Shell сократить выбросы CO₂ на 45% к 2030 году по сравнению с уровнем 2010 года и до нуля к 2050 году [10]. Однако в ноябре 2024 года Апелляционный суд Гааги отменил это решение, постановив, что не существует общепризнанного стандарта, требующего от отдельных компаний сокращать выбросы в соответствии с Парижским соглашением, если государство не установило соответствующих обязательных норм. В ответ на это экологическая организация Milieudefensie в мае 2025 года подала новый иск против Shell, основанный на иных правовых аргументах, и в настоящее время производство по делу продолжается [10]. Одновременно с этим Shell сама подала арбитражный иск против правительства Нидерландов,

требуя миллиардные компенсации за закрытие газового месторождения Гронинген, что демонстрирует сложный переплет интересов в сфере климатической политики.

США демонстрируют иной подход к климатическим искам, основанный преимущественно на законодательстве о защите прав потребителей и теории обмана. В марте 2026 года администрация Нью-Йорка подала иск против ExxonMobil, Shell и BP, утверждая, что эти компании целенаправленно вводили потребителей в заблуждение относительно связи между сжиганием ископаемого топлива и изменением климата. В июне 2025 года в штате Вашингтон был подан первый в мире иск о «климатической смерти», в котором утверждалось, что выбросы парниковых газов от деятельности ExxonMobil, Chevron, Shell и других компаний стали причиной экстремальной жары, приведшей к гибели человека. Также в ноябре 2025 года жители Вашингтона подали коллективный иск, обвиняя нефтяные корпорации в том, что их многолетняя кампания по дезинформации о климатических рисках привела к резкому росту страховых премий для домовладельцев [10]. Все эти иски объединяет общая правовая конструкция — привлечение корпораций к ответственности не столько за сами выбросы, сколько за сознательный обман общественности относительно последствий их деятельности.

Российская правовая система демонстрирует свою специфику в сфере климатической ответственности. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду (статья 42), а поправки 2020 года обязали правительство снижать негативное воздействие на экологию и сохранять биологическое разнообразие [1]. Однако, как отмечается в научной литературе, российское климатическое законодательство имеет существенные пробелы и противоречия, а судебная практика по защите климатических прав граждан находится в начальной стадии формирования [5].

Россия является участником Парижского соглашения и разрабатывает Стратегию низкоуглеродного развития. Правительством поддержан проект закона об ограничении выбросов парниковых газов, обсуждаются меры по повышению энергоэффективности и стимулированию развития «зеленых» секторов экономики. В декабре 2025 года был принят Федеральный закон № 578-ФЗ, уточняющий полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды [2]. Тем не менее, по мнению ряда экспертов, существующая нормативная база пока не создает эффективных механизмов для предъявления климатических исков к государству или корпорациям по аналогии с европейской или американской практикой [4].

Перспективы развития климатических исков в России связаны с несколькими факторами. Во-первых, это возможная адаптация зарубежных правовых конструкций, прежде всего связанных с уже существующей судебной практикой. Хотя Россия вышла из-под юрисдикции Европейского суда, правовые позиции, выработанные в решениях по климатическим делам, могут учитываться российскими судами при толковании сходных норм. Во-вторых, это развитие внутреннего экологического законодательства в направлении большей определенности климатических обязательств. В-третьих, это активизация гражданского общества и экологических организаций, которые могут использовать иск в общих интересах как средство правовой защиты в

борьбе с изменением климата, что уже обсуждается в российской юридической литературе [5].

Таким образом, климатические иски представляют собой динамично развивающийся институт современного экологического права, который все активнее используется для привлечения к ответственности как государств, так и частных корпораций. Зарубежная судебная практика демонстрирует разнообразие правовых стратегий: от защиты фундаментальных прав человека в ЕСПЧ до применения законодательства о защите прав потребителей в США. Российская правовая система пока находится в начале пути по формированию национальной модели климатического правосудия, однако тенденции развития законодательства и судебной практики позволяют прогнозировать постепенное появление климатических исков и в России, что требует дальнейшего научного осмысления и выработки практических рекомендаций для правоприменителей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2026).

2. Федеральный закон от 29.12.2025 № 578-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Парижское соглашение : принято 12.12.2015, вступило в силу для РФ 24.09.2019. — Текст : электронный // United Nations Treaty Collection. — URL: <https://treaties.un.org> (дата обращения: 01.04.2026).

4. Вершинин, А. А. Международные и национальные правовые механизмы разрешения климатических конфликтов // Право и экономика. — 2024. — № 12. — С. 23–31. — Текст : непосредственный.

5. Макарова, Т. В. Климатические иски: понятие, классификация и тенденции развития / Т. В. Макарова, В. В. Солдатенков // Экологическое право. — 2025. — № 2. — С. 15–22. — Текст : непосредственный.

6. Рудченко, И. И. Теоретико-прикладные проблемы реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду в действующем законодательстве // Юридический вестник. — 2024. — № 3. — С. 45–52. — Текст : непосредственный.

7. Рылова, М. А. «Климатическая революция» в практике ЕСПЧ: вопрос больше не в том, должны ли, а в том — как должны // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. — 2024. — № 5. — С. 15–38. — Текст : непосредственный.

8. Суды по всему миру рассматривают более 3 тысяч климатических дел. — Текст : электронный // ООН ЖЕНЕВА : [сайт]. — 2025. — 7 окт. — URL: <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/10/111500/sudy-po-vsemu-miru-rassmatrivayut-bolee-3-tysyach-klimaticheskikh> (дата обращения: 01.04.2026).

9. Kotzé, L. Neubauer et al. versus Germany: Planetary Climate Litigation for the Anthropocene? // German Law Journal. — 2021. — Vol. 22. — P. 1423–1444. —

Текст : непосредственный.

10. Setzer, J. Global Trends in Climate Change Litigation: 2025 Snapshot / J. Setzer, C. Higham. — London : Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment, London School of Economics and Political Science, 2025. — 45 p. — Текст : непосредственный.

ББК 81

Север в лирике Н. Рубцова: языковая структура образа

А.Л. Тюкина

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова»

Аннотация. В данной работе рассматриваются лингвистические средства создания мифопоэтического образа Севера в произведениях северного поэта Николая Рубцова. В ходе лексико-семантического анализа корпуса текстов выявлены основные языковые элементы, формирующие данный образ, показана взаимосвязь с архетипическими мотивами северорусской культуры

Ключевые слова: образ Севера, мифопоэтический, поэзия Севера, лингвистические средства, архетипические мотивы

The north in N. Rubtsov's poems: language structure of the image

A. Tiukina

«Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov»

Abstract. This article examines the linguistic means of creating a mythopoetic image of the North in the works of the northern poet Nikolai Rubtsov. Using a lexico-semantic analysis of the text corpus, the main linguistic elements that form this image are identified, and the connection with the archetypal motifs of the North Russian culture is demonstrated

Keywords: image of the North, mythopoetic, poetry of the North, linguistic means, archetypal motifs

Семантическая связь образов, мотивов, природных явлений с мифопоэтическим образом Севера в произведениях Николая Рубцова помогает сформировать представление об общем северорусском варианте художественной картины мира. По мнению Е. Ш. Галимовой, северный текст русской литературы не имеет четко очерченных границ, а представлен в произведениях северных авторов (в том числе поэтов) в виде «многоуровневой системы, живой и подвижной» [1, с. 25]. Такая система представляет собой сочетание различных образов человека и природных реалий, взаимодействие категорий пространства и времени. Авторское восприятие мира в данных сверткестях тесно переплетено с общенациональной картиной мира и представляет собой особенное художественное наполнение регионального текста.

Цель исследования – анализ языковой структуры мифопоэтического образа Севера в лирике Николая Рубцова.

Методология исследования включает в себя структурно-семантический

подход и метод сплошной выборки, позволяющие провести системный анализ языковой структуры образа.

При анализе поэтических текстов Николая Рубцова, мы обратились к системе лингвистических средств, предложенной доктором филологических наук, профессором А. В. Петровым, а именно: «лексемы, номинирующие Север и северные реалии, а также метафоры и сравнения, их характеризующие; космонимы» [2, с. 6]. Интересным представляется также изучение «сквозных образов, прежде всего, архетипических – мифопоэтических и фольклорных» [1, с. 24], как значимых составляющих северорусской художественной картины мира.

Николай Михайлович Рубцов родился в Емецке в 1936 году. При жизни поэтическое наследие поэта составило четыре поэтических сборника. В настоящее время произведения поэта постоянно переиздаются, в связи с высокой популярностью, а его творчество не теряет актуальности. Николай Рубцов является одним из активных участников процесса формирования северного русского текста, с его характерными отличительными особенностями.

Лексема Север и ее производные встречаются в лирике Рубцова довольно редко, особенность северных реалий в большей степени передается мифопоэтическим ощущением и иными лингвистическими средствами. Север суров, имеет свои особенности, однако это не мешает Рубцову наслаждаться его красотой: *«Как центростремительная сила, / Открывая всей земли красу, / Жизнь меня по Северу носила...»* [3, с. 231]. Климат Севера отличается долгими холодными зимами, промерзшая после зимы почва не позволяет корням деревьев глубоко прорасти в землю, для качественного питания, поэтому Рубцов подчеркивает особенность северного леса: *«По родному захолустью / В тощих северных лесах / Не бродил я прежде с грустью, / Со слезами на глазах»* [3, с. 90].

В мифологии Севера олень предстает посредником между земным и потусторонним миром. Играя важную роль для северных народностей (одежда, питание, инструменты и др.), образ оленя отражает глубокую культурную идентичность: *«А на скале, у самого обрыва, / Роняя в море призрачную тень, / Так и застыл в восторге молчаливом / Настороженный северный олень»* [3, с. 228]. Открытый новому дню он насторожен, но бесстрашен, стоя на краю, молчаливо благоговейно и восхищается тем, что видит перед собой. Мы наблюдаем тесную взаимосвязь человека и природного начала, способность сосуществовать в гармонии и мире, связь с предками через образ сильного тотемного животного.

Лексема Север в мифопоэтике несет в себе много смыслов, такая многослойность значений позволяет Рубцову выразить всю силу, таинственность, некую магию пространства: *«Спасибо, край чудес! <...> Спасибо, родина, / что счастье есть...»* [3, с. 122–123]. С другой стороны – подчеркнуть суровые условия жизни, постоянную борьбу с холодом, климатом, с внешними врагами: *«Нет, не верю я выдумкам ложным, / Будто скучно на Севере жить. / Я в другом убежден: / Невозможно / Героический край не любить!»* [4, с. 20]. Рубцов напрямую обращается к родному сердцу месту, подчеркивая его значимость для себя: *«До свиданья, Север! / До свиданья, / Край снегов и славы боевой!»* [4, с. 23]. Автор прощается с Севером, как с

близким другом, восхищаясь им, а с другой стороны – сохраняя надежду на скорую встречу: «обращение к Северу, его одушевление – обычное явление для северного текста» [5, с. 49].

Ветер в северных широтах явление частое, некоторые народы приписывают ветру жестокость, суровость, а иногда и опасность: «*В лицо им дул знобящий норд*» [3, с. 269]. С другой стороны, стихия ветра – это стихия свободы, независимости, перемен, а в сложных ситуациях может служить проводником: «*Как будто ветер гнал меня по ней, / По всей земле – по селам и столицам! / Я сильный был, но ветер был сильнее, / И я нигде не мог остановиться*» [3, с. 161]. Мы видим, что ветер сопровождает лирического героя на протяжении всего жизненного пути, направляя и неизменно возвращая в «...свой низкий дом с крапивой под оконцем...» [3, с. 161].

Снег является неотъемлемой частью северной природы. Чистота и невинность снега, обновления земли после грязи и мрачных темных цветов осени, олицетворяет новое начало жизни, новый этап (наступление нового времени года): «*Ах, кто не любит первый снег <...> Как стаи белых голубей, / Взлетает снег из-под саней...*» [3, с. 193]. Первый выпавший снег у Рубцова «оживает», взлетает, как голуби ввысь и «оживляет» темную осеннюю картинку. В мифологии снег – это проявление природной силы (от недостатка снега или изобилия зависит человеческая жизнь), поэтому появление снега может символизировать преодоление трудностей, в том числе и душевных: «*Выпал снег – / и все забылось <...> Снег летит по всей России, / Словно радостная весть. / Снег летит – гляди и слушай! / Так вот, просто и хитро, / Жизнь порой врачует душу...*» [3, с. 152].

Культурное наследие народа сохраняет многие традиционные ценности, поэтому у Рубцова мы видим отражение определенных философских значений снега: «*Снег и снег / без метельного / свиста и воя, / Снег глухой, / беспристрастный, / холодный, / Мертвый снег, / ты зачем / не даешь мне покоя?*» [3, с. 210–211]. Покрывая ландшафт северных земель одним белым полотном, снег укутывает землю. Но в стихотворении «Не пришла» мы видим холодность снежного покрова, мертвенность, беспристрастность – некое отражение душевного состояния лирического героя, обманутого бессмысленным ожиданием возлюбленной. Мертвый снег как аллегория смерти отношений. Подчеркнем, что повторяет описание снега автор дважды – в начале и в конце произведения, что усиливает воздействие на читателя.

Опыт жизни человека в полярных условиях крайне непросто. Темнота, холод, изолированность от внешнего мира. Вся жизнь чаще всего сосредоточена в маленьких городах, которые представляют собой уникальную среду обитания – сосредоточение различных местных культурных традиций, общество, в котором у каждого своя особенная роль: «*Я полюбил полярный город / И вновь к нему из странствия вернусь / За то, что он испытывает холод, / За то, что он испытывает грусть*» [3, с. 252].

А. В. Петров в своих работах отмечает, что «условно к группе топонимов можно отнести и астрономические названия – космонимы, так или иначе связанные с Севером: *Млечный Путь, Малая Медведица, Большая Медведица, Полярная Звезда*, которые благодаря поэтическому воображению помогают создать гиперболически-романтический образ Севера» [2, с. 10]. Николай Рубцов в своей лирике использует космоним *Большая Медведица* – ориентир

для путника. В стихотворении поэта мы видим, что на фоне черной, непроглядной бездны созвездие сияет, сверкает, а отражаясь в структуре льда, который покрыл землю, показывает путь лирическому герою: «*В черной бездне / Большая Медведица / Так сверкает! <...> В звездном свете блестя, гололедица / На земле обозначила путь... <...> Предо мной обозначила путь...*» [3, с. 157]. Символизм присутствует и в образе медведя, прототипа созвездия – сила, храбрость и мощь, которого подталкивает героя двигаться дальше, указывая точный путь, подчеркивая, что движение – жизнь.

Образы птиц идут сквозным символом в поэзии Рубцова. В одних произведениях мы видим птиц в роли духов-проводников между миром природы и человеком: «*...словно птица, / Душа тоскует по лесам!*» [4, с. 79]; «*Как птиц одиноких стая / Под куполом светлых небес...*» [3, с. 68]. При этом они могут выражать безмятежность, одиночество, а иногда и ярость, тревогу: «*Но в этот миг, как туча, над болотом / Взлетели с криком яростные птицы, / Они так низко начали кружиться / Над головой моею одинокой...*» [3, с. 72].

В других поэтических текстах лирический герой соотносит себя с птицами, они являются отражением его надежд и мечтаний, свободы и легкости: «*Мы будем свободны, как птицы, – / Ты шепчешь. И смотришь с тоской, / Как тянутся птиц вереницы / Над морем, над бурей морской! <...> Ты – птица иного полета, – / Куда ж мы с тобой полетим?*» [4, с. 76]; «*Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица, / Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!*» [3, с. 47]. Бескрайность северного небосвода и «*...вереницы птиц твоих, Россия...*» [3, с. 42] являют собой гармонию и цикличность природы, безграничные возможности в любых условиях, на любом этапе истории.

Рубцов наделяет возможностью летать в своих произведениях не только птиц: «*Полетели мысли отдохнуть...*» [4, с. 80]. Творчество, поэзия – все это о безграничной фантазии, свободе слова, полете мысли.

В стихотворении «Осенние этюды» мы видим березу как главный символ Руси, в какой-то мере саму Русь, но в отличие от «ветхой» часовни, сильную, стойкую, огненную: «*А возле ветхой сказочной часовни / Стоит береза старая, как Русь, – / И вся она как огненная буря...*» [3, с. 70]. Когда же буря стихает, мы видим совершенно иную березу – защитницу, возвышающуюся над ребенком, готовую оберегать, успокаивать своим шумом: «*И так шумит над девочкой береза / И так вздыхает горестно и страстно, / Как будто человеческою речью / Она желает что-то рассказать / Они друг другу так необходимы!*» [3, с. 70].

В произведении «После грозы» мы видим противопоставление ночи и утра, грома, несущего гибель и созидającego солнца, неизбежности и цикличности всего происходящего в природе: «*Ночью я видел: / Ломались березы! / Видел: метались цветы! / Гром, рассылающий / Гибель и слезы, / Всех настигал с высоты! <...> Гром роковой перенести, / Чтоб удивительно / Светлое утро / Встретить, как светлую весть! / Вспыхнул светящийся / Солнечный веер, / Дышат нектаром цветы...*» [3, с. 334]. Рубцов подчеркивает особенную «мудрость» природы, которая восстанавливает нарушенное ночным громом равновесие, благодаря солнечной энергии: «*Как это странно / И все-таки мудро...*» [3, с. 334].

Хрупкую и одинокую березу, растущую на скале, где, казалось бы,

совсем нет подходящих для нее условий, показывает нам в стихотворении «Северная береза» Николай Рубцов. Она, как маяк, среди просторов морских, ожидая, встречает и провожает корабли: «*Смотрит пристально березка, / Чуть качаясь на скале...*» [4, с. 34]. Тишина и безмятежность морских путей, северный край далекий, корабли здесь редкие гости: «*Но в просторе молчаливом / Кораблей все нет и нет...*» [4, с. 34]. На фоне величия и простора северных широт березка кажется маленькой, но стойкой (скала и все, что на ней подвергается постоянным воздействиям природных стихий Севера): «*Грустно маленькой березке / На обветренной скале*» [4, с. 34]. Контрастная и глубокая атмосфера сочетания истинной красоты природы и внутренних переживаний человека, его одиночества и тоски. Противостояние огромного окружающего мира внутренней стойкости души.

Березы церковные, больничные, провожающие и встречающие моряков, растущие на скалах одиноко, будто маяки – они везде с человеком, на протяжении всего жизненного пути – в горе и в радости, при рождении и в болезни и даже после смерти: «*Я люблю, когда шумят березы, / Когда листья падают с берез*» [3, с. 194]; «*Под ветвями больничных берез...*» [3, с. 189]; «*Ведь шумит такая же береза / Над могилой матери моей...*» [3, с. 194]; «*У церковных берез, / почерневших от древности...*» [3, с. 164]. Жизнь продолжается, люди рождаются и умирают, за летом следует осень с ее листопадами, цикл природы всегда находится в движении, но неизменно шумят березы.

Описание природных северных реалий в поэзии Николая Рубцова наполняется символическим и архетипическим смыслом. Поэт благодаря своему образно-поэтическому мышлению, старательно разгадывает феномен Русского Севера. В его стихах природа неотделима от человеческих чувств и переживаний, она способна взаимодействовать с человеком, часто наделяется человеческими качествами, по-особому раскрывая мифопоэтический образ Севера.

Библиографический список

1. Галимова, Е. Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования / Е. Ш. Галимова // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – Т. 1. – С. 9–26.
2. Петров, А. В. Север в северной поэзии: лингвистический аспект : монография / А. В. Петров. – Архангельск : КИРА, 2018. – 121 с.
3. Рубцов, Н. М. Стихотворения / Николай Рубцов. – М. : Информационно-издательский дом «ПРОФИЗДАТ», 1998. – 352 с.
4. Рубцов, Н. М. В горнице моей светло: стихотворения. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
5. Петров, А. В. Топонимы как выразительное средство в северном тексте // Филологическая регионалистика. – 2010. – № 1–2. – С. 48–53.

**Модель формирования образа учителя у младших школьников
во внеурочной деятельности**

А.А. Тюников

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 103»

Аннотация. В статье обосновывается необходимость целенаправленного формирования образа учителя у обучающихся начальной школы. Представлена структурно-функциональная модель данного процесса, реализуемого в условиях внеурочной деятельности. Раскрываются компоненты формируемого образа учителя, этапы реализации модели, формы и методы внеурочной работы, способствующие обогащению представлений о педагоге. Определены критерии и уровни сформированности образа учителя у младших школьников, а также педагогические условия эффективной реализации модели

Ключевые слова: младший школьник, образ учителя, внеурочная деятельность, модель формирования, педагогическое взаимодействие

**Model of teacher image formation in youth schools
in extracurricular activities**

A.A. Tyunikov

Municipal Budgetary General Education Institution Secondary School No. 103

Abstract. The article substantiates the need for purposeful formation of the teacher's image among primary school students. It presents a structural and functional model of this process, which is implemented in extracurricular activities. The components of the teacher's image, the stages of the model's implementation, and the forms and methods of extracurricular activities that contribute to enriching students' perceptions of teachers are described. The article defines the criteria and levels of teacher image formation among primary school students, as well as the pedagogical conditions for effective implementation of the model

Keywords: primary school students, teacher image, extracurricular activities, model of teacher image formation, and pedagogical interaction

Начальная школа выступает важнейшим этапом становления личности ребенка. В этот период закладываются не только предметные знания, но и формируется отношение к образованию в целом, к школе как социальному институту, а также к ключевой фигуре этого процесса — учителю. Образ педагога, складывающийся в сознании младшего школьника, оказывает долговременное влияние на его учебную мотивацию, эмоциональное благополучие и готовность к взаимодействию [5]. Современные образовательные стандарты ориентируют на достижение личностных результатов, среди которых важное место занимает формирование ценностного отношения к учителю, уважения к его труду [4]. Однако анализ практики показывает, что стихийное формирование образа педагога не всегда приводит к позитивным результатам. Урочная деятельность, будучи основной формой организации обучения, обладает ограниченными возможностями для неформального общения и раскрытия личностных качеств учителя. В этой

связи возникает необходимость разработки целенаправленной педагогической стратегии, которая позволила бы использовать воспитательный потенциал внеурочной деятельности для формирования у младших школьников целостного, позитивного и реалистичного образа учителя. Решение данной проблемы требует создания соответствующей модели, определяющей цель, содержание, методы и ожидаемые результаты этого процесса.

Категория «образ учителя» является междисциплинарной и активно разрабатывается в педагогической психологии и педагогике [1]. Под образом учителя мы понимаем субъективную, эмоционально окрашенную систему представлений младшего школьника о внешних и внутренних качествах педагога, его профессиональной роли и личностных особенностях, оказывающую влияние на характер взаимодействия и отношение к учебной деятельности. В структуре образа учителя, формирующегося у младшего школьника, традиционно выделяют три компонента: когнитивный (знания и представления о функциях учителя, его профессиональных обязанностях, нормах поведения), эмоционально-оценочный (отношение к учителю, выражающееся в симпатии или антипатии, доверии или настороженности, удовлетворенности взаимодействием) и поведенческий (готовность вступать в контакт, следовать рекомендациям, подражать учителю, а также реальное поведение в ситуациях общения) [5]. Младший школьный возраст характеризуется рядом особенностей, важных для формирования образа учителя: высокая эмоциональная восприимчивость, доверие к взрослому, склонность к идеализации, недостаточная дифференцированность оценок [3]. Эти особенности делают процесс формирования образа особенно значимым, но и требующим педагогической поддержки.

Внеурочная деятельность, согласно ФГОС НОО, является неотъемлемой частью образовательного процесса [4]. Её потенциал для формирования образа учителя определяется возможностью неформального, личностно-ориентированного общения, отсутствием жесткой регламентации и оценочного давления, разнообразием форм совместной деятельности, а также расширением ролевого репертуара педагога (организатор, партнер, наставник, участник) [6]. Указанные теоретические положения легли в основу разработки структурно-функциональной модели формирования образа учителя у младших школьников во внеурочной деятельности.

Предлагаемая модель включает четыре взаимосвязанных блока: целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный. Каждый блок выполняет определенную функцию и обеспечивает целостность процесса. Целевой блок определяет цель — формирование у младших школьников целостного, позитивного и реалистичного образа учителя в процессе внеурочной деятельности. Реализация цели предполагает решение следующих задач: формирование у младших школьников когнитивного компонента образа учителя (представлений о профессиональных и личностных качествах педагога, значимости учительского труда); развитие эмоционально-оценочного компонента (воспитание уважительного, доверительного отношения к учителю, положительного эмоционального восприятия взаимодействия); обогащение поведенческого компонента (стимулирование активного и конструктивного взаимодействия с учителем, готовности к сотрудничеству во внеурочной деятельности).

Содержательный блок отражает компоненты формируемого образа учителя и направления внеурочной деятельности, в которых этот процесс реализуется. Когнитивный компонент включает знания о профессии учителя, её общественной значимости, представления о личностных качествах педагога (справедливость, доброта, ответственность, увлеченность). Его формирование преимущественно осуществляется в рамках общеинтеллектуального, общекультурного и социального направлений внеурочной деятельности. Эмоционально-оценочный компонент предполагает развитие чувства уважения, доверия, гордости за учителя, эмоциональной отзывчивости на его действия, позитивного восприятия педагогического общения; ведущими здесь выступают духовно-нравственное, социальное и общекультурное направления. Поведенческий компонент направлен на формирование умения и желания взаимодействовать с учителем в разных форматах, инициативности в общении, подражания положительным образцам поведения; он наиболее полно реализуется в социальном, спортивно-оздоровительном направлениях и проектной деятельности.

Технологический блок объединяет формы, методы и этапы реализации модели. Среди форм внеурочной деятельности наиболее эффективными являются кружки и клубы по интересам (творческие, исследовательские), экскурсии и походы, социальные проекты и акции, совместные праздники, «огоньки», чаепития, тематические встречи, коллективные творческие дела [6]. Методы работы включают диалогические (беседы о профессии учителя, обсуждение ситуаций), игровые (сюжетно-ролевые игры «Школа», «Учитель и ученики»), практические (совместное выполнение дел, поручений), рефлексивные (обсуждение впечатлений от совместных мероприятий) и методы стимулирования (поощрение инициативы, создание ситуаций успеха).

Реализация модели осуществляется в три этапа. На ориентационно-подготовительном этапе проводится диагностика исходного уровня представлений об учителе, формируется мотивация к участию во внеурочной деятельности, создается положительный эмоциональный фон взаимодействия. Содержательно-деятельностный этап предполагает реализацию комплекса внеурочных мероприятий, направленных на обогащение представлений об учителе, включение детей в ситуации активного взаимодействия с педагогом в разных ролях, организацию совместной деятельности, раскрывающей личностные качества учителя. На рефлексивно-оценочном этапе анализируются изменения в представлениях школьников об учителе, обсуждается совместный опыт, закрепляются положительные образцы взаимодействия.

Оценочно-результативный блок включает критерии, показатели и уровни сформированности образа учителя у младших школьников, а также ожидаемый результат. Когнитивный критерий оценивается через полноту и точность представлений о профессиональных и личностных качествах учителя, понимание значимости учительского труда. Эмоционально-оценочный критерий проявляется в характере эмоционального отношения к учителю (положительный, нейтральный, отрицательный), степени доверия к педагогу, проявлении уважения. Поведенческий критерий отражает активность во взаимодействии с учителем, инициативность в общении, готовность к сотрудничеству, стремление следовать рекомендациям [2].

На основе выделенных критериев определяются уровни

сформированности образа учителя. Высокий уровень характеризуется тем, что ребенок имеет полные и дифференцированные представления об учителе, проявляет устойчивое положительное эмоциональное отношение, активно и инициативно взаимодействует, стремится подражать положительным образцам. Средний уровень предполагает наличие представлений об учителе, но недостаточно полных; эмоциональное отношение положительное, но ситуативное; взаимодействие активное по инициативе учителя. Низкий уровень отличается фрагментарными, стереотипными представлениями, нейтральным или отрицательным эмоциональным отношением, пассивностью в общении, избеганием контактов. Ожидаемым результатом реализации модели является сформированный у младшего школьника целостный, позитивный и реалистичный образ учителя, характеризующийся полнотой представлений, положительным эмоциональным отношением и готовностью к активному сотрудничеству.

Эффективность реализации описанной модели обеспечивается соблюдением ряда педагогических условий. Прежде всего, необходима личностная готовность учителя: осознанное отношение к собственной роли и образу, рефлексия транслируемых качеств, конгруэнтность в поведении на уроке и во внеурочной деятельности [2;6]. Важным условием выступает интеграция урочной и внеурочной деятельности, обеспечивающая согласованность формируемых представлений и преемственность в требованиях и стиле общения. Активное включение родителей позволяет информировать их о целях работы, привлекать к совместным мероприятиям и согласовывать семейное и школьное воспитание в отношении авторитета учителя [3]. Вариативность форм внеурочной деятельности дает возможность ребенку увидеть учителя в разных ролях — познавательных, творческих, досуговых, социально-ориентированных. Наконец, систематичность и поэтапность реализации модели гарантируют непрерывность процесса на протяжении всего периода обучения в начальной школе.

Разработанная модель формирования образа учителя у младших школьников в процессе внеурочной деятельности представляет собой целостную структуру, в которой целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты взаимосвязаны и работают на достижение единого результата. В основе модели лежит понимание образа учителя как единства когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов. Внеурочная деятельность выступает в качестве основного ресурса, позволяющего создать условия для неформального общения, совместной деятельности и многомерного восприятия личности педагога. Представленная модель может служить основой для разработки программ воспитательной работы в начальной школе и методического сопровождения педагогов, реализующих задачи личностного развития младших школьников.

Библиографический список

1. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – Москва: Издательство Московского университета, 1982. – 200 с.
2. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2009. – 168 с.
3. Мудрик, А. В. Социальная педагогика: учебник для студ. учреждений

высш. проф. образования / А. В. Мудрик. – 8-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2013. – 240 с.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: утв. приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286. – Москва: Просвещение, 2021.

5. Фридман, Л. М. Психология детей и подростков: справочник для учителей и воспитателей / Л. М. Фридман. – Москва: Институт психотерапии, 2004. – 480 с.

6. Щуркова, Н. Е. Прикладная педагогика воспитания / Н. Е. Щуркова. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 366 с.

ББК 74.026

Развитие интеллектуальных способностей младших школьников средствами интерактивного ознакомления с миром профессий

К.А. Урманова

Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)»

Аннотация. В статье подчеркивается положительное влияние интерактивного знакомства младших школьников с различными профессиями на развитие их когнитивных способностей. В частности, речь идет о совершенствовании навыков анализа, сравнения, классификации и установления причинно-следственных связей. Научно-педагогические исследования и анализ практик показывают, что иммерсивные среды, цифровые симуляции, ролевые игры и персонализированные образовательные маршруты эффективно повышают познавательную активность, стимулируют формирование логических универсальных учебных действий и позволяют реализовывать индивидуальный подход к обучению

Ключевые слова: младшие школьники, интеллектуальные способности, универсальные учебные действия, интерактивные технологии, иммерсивная среда, ранняя профориентация, цифровые симуляции, ролевые игры, образовательные маршруты

Developing the intellectual abilities of junior school children through interactive familiarization with the world of professions

K.A. Urmanova

Private educational institution of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)"

Abstract. The article highlights the positive impact of interactive acquaintance of younger schoolchildren with various professions on the development of their cognitive abilities. In particular, we are talking about improving the skills of analysis, comparison, classification and establishment of causal relationships. Scientific and pedagogical research and analysis of practices show that immersive environments, digital simulations, role-playing games and personalized educational routes effectively increase cognitive activity, stimulate the formation of logical universal learning activities and allow for an individual approach to learning

Keywords: primary school students, intellectual abilities, universal learning activities, interactive technologies, immersive environment, early career guidance, digital simulations, role-playing games, educational routes

Современная начальная школа сталкивается с необходимостью развивать у обучающихся не только базовые предметные знания, но и более сложные интеллектуальные способности, обеспечивающие способность ребёнка ориентироваться в информации, анализировать, сравнивать, устанавливать связи и применять знания в новых ситуациях. Одним из перспективных направлений в этой области становится интерактивное ознакомление детей с миром профессий, поскольку этот процесс сочетает познавательную, исследовательскую и практико-ориентированную деятельность, создавая условия для интенсификации мыслительных процессов. В соответствии с требованиями ФГОС НОО, развитие познавательных универсальных учебных действий, а также навыков смыслового чтения, классификации и анализа составляет основу интеллектуального развития младшего школьника. Однако традиционные формы профориентационной работы в начальной школе зачастую носят формальный характер и не обеспечивают должной познавательной активности.

Анализ научно-педагогических исследований показывает, что значительная часть интеллектуальных умений эффективно формируется в условиях иммерсивных образовательных сред. Ф. С. Аиткулова и Ф. А. Саглам подчёркивают, что погружение ребёнка в профессиональный контекст способствует усилению познавательной инициативы, так как создаётся эффект реального присутствия и практической значимости происходящего [1]. Ф. А. Саглам и Г. Р. Ситдикова показывают, что интерактивные методы обучения в начальной школе активируют логические операции и позволяют детям работать с информацией на уровне анализа и синтеза, что напрямую связано с развитием интеллектуальных способностей [2]. В исследованиях Ф. А. Саглам и А. Р. Файзуллиной подчёркивается роль структурированного образовательного содержания, которое выступает ориентиром в формировании видов деятельности, стимулирующих мышление, в частности – работы с историческим и социальным материалом, требующим осмысления и сопоставления [3]. Кроме того, как отмечают Ф. А. Саглам и Р. Р. Ханмурзина, логические универсальные учебные действия формируются посредством специально подобранных заданий, включающих моделирование ситуаций, классификацию и решение проблемных задач [4]. Г. Р. Ситдикова расширяет эту позицию, подчёркивая, что проектирование образовательных маршрутов – это один из способов активизации интеллектуального потенциала, поскольку обучающиеся начинают самостоятельно определять последовательность действий и находить решения в нестандартных ситуациях [5].

Методологическая основа исследования предполагает анализ возможностей интерактивных форм ознакомления с профессиями, включающих мультимедийные экскурсии, цифровые симуляции профессиональной деятельности, ролевые игры, интерактивные карты профессий и проблемные задания, связанные с выбором способов выполнения профессиональных действий. Эти формы задают структуру, в которой обучающиеся сталкиваются с необходимостью выполнять логические

операции: выделять существенные признаки профессий, сравнивать их, устанавливать причинно-следственные связи между деятельностью и её результатом. В качестве методологической опоры используется представление о том, что интеллектуальное развитие младшего школьника неразрывно связано с практическим действием и включением в социально значимое содержание.

Результаты анализа педагогических практик показывают, что применение интерактивных технологий вызывает устойчивый интерес у обучающихся и формирует условия для интенсификации мыслительной деятельности. Даже простые интерактивные задания – например, определение соответствия между профессией и требуемыми умениями – стимулируют классификацию, структурирование информации, выявление зависимостей. Моделирование профессиональных ситуаций позволяет детям прогнозировать последствия своих решений, что является признаком развития причинно-следственного мышления. Использование интерактивных платформ создаёт возможность для организации индивидуальных траекторий, что коррелирует с выводами Г. Р. Ситдиковой о роли образовательных маршрутов в повышении качества образования [5].

Анализ полученных данных показывает, что интерактивное ознакомление с миром профессий значительно расширяет спектр мыслительных операций, выполняемых детьми. У обучающихся возрастает способность к сравнению сложных объектов, выделению ключевых характеристик, построению аналогий. Эти тенденции согласуются с выводами Ф. А. Саглам и Р. Р. Ханмурзиной о том, что построение логических УУД возможно только в условиях специально организованной познавательной среды, насыщенной смысловыми задачами [4]. Иммерсивные подходы, описанные Ф. С. Аиткуловой, оказывают мотивационную поддержку, усиливая эффект включённости и приводя к повышенной умственной активности [1]. Наконец, работа с образовательным содержанием, структурированным по аналогии с профессиональными сферами, подтверждает тезис Ф. А. Саглам о значимости содержания учебной деятельности как ориентира в развитии интеллектуальных навыков [3].

Таким образом, интерактивное ознакомление с миром профессий выступает эффективным средством развития интеллектуальных способностей младших школьников. Оно обеспечивает активное включение обучающихся в познавательную деятельность, способствует формированию логических операций, стимулирует самостоятельность и инициативность мышления. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка систематизированных моделей интерактивных профориентационных модулей для начальной школы, а также оценка их влияния на различные компоненты интеллектуального развития, включая вербально-логическое, наглядно-образное и рефлексивное мышление.

Библиографический список

1. Аиткулова, Ф. С. Иммерсивное погружение в профессиональную подготовку педагогов-психологов / Ф. С. Аиткулова, Ф. А. Саглам // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2025. – № 3. – С. 202–206. – EDN VNDGQI.

2. Саглам, Ф. А. Применение технологий интерактивного обучения иностранному языку в начальной школе / Ф. А. Саглам, Г. Р. Ситдикова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 2. – С. 121–126. – EDN

VIRBZY.

3. Саглам, Ф. А. Рабочая программа по истории как ориентир в основных видах учебной деятельности / Ф. А. Саглам, А. Р. Файзуллина // Научное обозрение. – 2014. – № 12–3. – С. 981–985. – EDN TRNWHB.

4. Саглам, Ф. А. Формирование логических универсальных учебных действий младших школьников во внеурочной деятельности / Ф. А. Саглам, Р. Р. Ханмурзина // Actual aspects of pedagogy and psychology of elementary education : Materials of the III international scientific conference, Prague, 18–19 апреля 2018 года. – Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. – С. 59–61. – EDN XMWDZR.

5. Ситдикова, Г. Р. Проектирование образовательных маршрутов как фактор повышения качества образования / Г. Р. Ситдикова // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – № 6-3(45). – С. 83–87. – EDN TJLCUD.

УДК 004.89

Применение нейронных сетей для решения задачи предсказания инсульта

К.Д. Файзулаева, А.В. Матыцин, Л.В. Гаев

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Аннотация. На сегодняшний день инсульт находится в списке ведущих причин смертности и инвалидности. Для предотвращения его возникновения и быстрого принятия мер по лечению необходимо раннее выявление факторов риска возможного развития инсульта. В связи с этим внедрение нейронных сетей в рабочий процесс может принести огромную пользу

Ключевые слова: нейронные сети, классификация данных

Application of neural networks for solving the problem of stroke prediction

K.D. Faizulaeva, A.V. Matytsin, L.V. Gaev

Lipetsk State Technical University

Annotation. Stroke is currently one of the leading causes of death and disability. Early identification of risk factors for stroke is essential to prevent its occurrence and prompt treatment. Therefore, integrating neural networks into the workflow can be extremely beneficial

Keywords: neural networks, data classification

Введение. В данной статье рассматривается применение нейронных сетей для прогнозирования вероятности возникновения инсульта у пациентов на основе их характеристик. Предсказание инсульта можно определить как задачу бинарной классификации [1]. Её можно эффективно решить, используя методы машинного обучения, в том числе нейронные сети. Эти методы позволяют обрабатывать большие объёмы данных, автоматически определять важные признаки и осуществлять классификацию объектов без участия человека [3].

Нейросетевая математическая модель. Если взять за основу математическую модель искусственного нейрона [4], можно построить математическую формулу, описывающую функционирование полносвязной

нейронной сети:

$$y=f_n(W_n \cdot f_{n-1}(W_{n-1} \cdot \dots \cdot f_2(W_2 \cdot f_1(W_1 \cdot x+b_1)+b_2)+\dots+b_{n-1})+b_n)$$

Где n — количество слоев в сети, x_i — входные значения, W_i — матрица весов на i -ом слое, b_i — вектор смещений на i -ом слое, f_i — векторная функция, соответствующая применению функций активации на i -ом слое.

В полученной нейронной сети каждый слой в качестве входных значений принимает результаты предыдущего слоя, умножает их на свои веса, добавляет смещение и применяет функцию активации. Данный процесс повторяется до достижения последнего слоя сети.

Функции активации. В разработанной модели используется несколько функций активации, каждая из которых вносит определенный вклад в улучшение качества обучения. Функция активации ReLU позволяет повысить вычислительную эффективность и решает проблему затухающих градиентов [5]. Функция активации SELU применяется для того, чтобы нормализовать данные и стабилизировать процесс обучения. Комбинирование вышеперечисленных функций позволяет нейронной сети эффективнее обучаться, тем самым обеспечивая лучшие результаты [7].

На выходном слое функция активации sigmoid преобразует выходное значение в диапазон от 0 до 1, что позволяет интерпретировать его как вероятность принадлежности к одному из классов.

Функции потерь. Для оценки качества обучения модели используются среднеквадратичная ошибка (MSE) и бинарная кросс-энтропия (BCE) [2].

С помощью MSE оценивается насколько хорошо модель предсказывает целевые переменные. Бинарная кросс-энтропия, в свою очередь, используется для вычисления разницы между фактическими и предсказанными вероятностями для бинарных классов. Основная цель обучения модели — минимизировать эти функции потерь.

Определение архитектуры нейронной сети и оптимальных параметров обучения. С использованием данных из открытых источников о характеристиках пациентов [8], был реализован программный скрипт, который предсказывает риск возникновения инсульта с помощью полносвязной нейронной сети. На основе поиска архитектуры сети и оптимальных параметров была выявлена модель, дающая более точные результаты. Она представлена в таблице 1.

Таблица 1. Архитектура модели.

Слой нейронной сети	Описание
Dense (8116, input_dim=20, activation = 'selu')	Входной слой с 8116 нейронами и 20 входами; Функция активации — selu.
Dense (2048, activation = 'relu')	Скрытый слой с 2048 нейронами; Функция активации — relu.
Dense (2048, activation = 'relu')	Скрытый слой с 2048 нейронами; Функция активации — relu.
Dense (1024, activation = 'selu')	Скрытый слой с 1024 нейронами; Функция активации — selu.
Dense(512, activation = 'relu')	Скрытый слой с 512 нейронами; Функция активации — relu.

Dense(512, activation = 'relu')	Скрытый слой с 512 нейронами; Функция активации — relu.
Dense(256, activation = 'selu')	Скрытый слой с 256 нейронами; Функция активации — selu.
Dense(256, activation = 'relu')	Скрытый слой с 256 нейронами; Функция активации — relu.
Dense(128, activation = 'selu')	Скрытый слой с 128 нейронами; Функция активации — selu.
Dense(8, activation = 'relu')	Скрытый слой с 8 нейронами; Функция активации — relu.
Dense(1, activation = 'sigmoid')	Выходной слой с одним нейроном; Функция активации — sigmoid.

Результат применения нейронной сети для прогнозирования инсульта. Графики изменения точности и функции потерь позволяют оценить качество обучения модели. По графику на рисунке 1 видно, что на тренировочной выборке точность продолжает расти, в то время как на валидационной она начинает снижаться, что может указывать на переобучение.

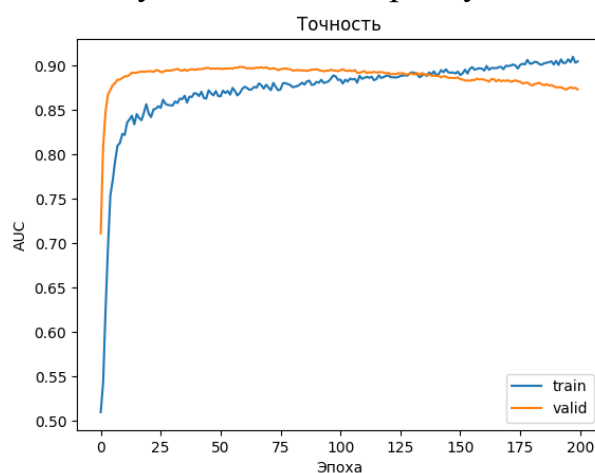

Рисунок 1 – Изменение точности в процессе обучения модели.

График функции потерь на рисунке 2 также подтверждает эту гипотезу: на тренировочной выборке функция потерь стабильно снижается, а на валидационной начинает расти после 100-й эпохи.

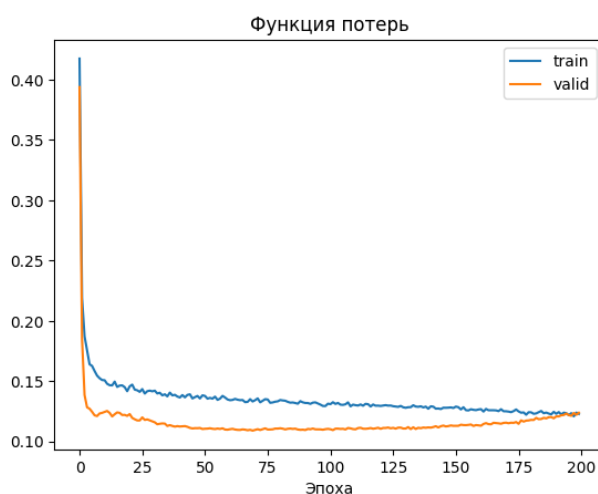

Рисунок 2 – Изменение функции потерь в процессе обучения модели.

Для окончательной проверки модели используется тестовый набор данных, где представлена вероятность возникновения инсульта для каждого

пациента.

id	gender	age	hypertension	heart_disease	ever_married	work_type	Residence_type	avg_glucose_level	bmi	smoking_status	stroke
15304	Female	57.0	0	0	Yes	Private	Rural	82.54	33.4	Unknown	3.23%
15305	Male	70.0	1	0	Yes	Private	Urban	72.06	28.5	Unknown	10.87%
15306	Female	5.0	0	0	No	children	Urban	103.72	19.5	Unknown	0.00%
15307	Female	56.0	0	0	Yes	Govt_job	Urban	69.24	41.4	smokes	4.38%
15308	Male	32.0	0	0	Yes	Private	Rural	111.15	30.1	smokes	0.41%
15309	Female	48.0	0	0	Yes	Private	Urban	59.20	32.5	never smoked	1.65%
15310	Female	39.0	0	0	Yes	Private	Rural	96.26	24.9	Unknown	0.88%
15311	Female	52.0	0	1	Yes	Govt_job	Rural	103.12	31.6	formerly smoked	2.37%
15312	Female	12.0	0	0	No	children	Rural	81.59	27.3	Unknown	0.00%
15313	Female	54.0	0	0	Yes	Private	Rural	79.26	25.0	never smoked	0.14%

Рисунок 3 – Результат предсказания на новом наборе данных.

Заключение. Применение нейронных сетей для предсказания инсульта показало свою эффективность при условии корректной настройки модели и анализа данных. Результаты предсказания инсульта с использованием нейронных сетей демонстрируют хорошие показатели точности.

Библиографический список

1. Алексеева В. А. Использование методов машинного обучения в задачах бинарной классификации // Автоматизация процессов управления. — 2015. — № 3. — С. 58—63.
2. Морос Г. Кластеризатор на основе нейронной сети Кохонена // ББК 65.04 К64. Ответственные за выпуск: доктор экономических наук, ректор Уральского государственного экономического университета. — 2017. — С. 42
3. Муродова Г. Б. Нейронные сети в современном обществе: революция в повседневной жизни // Вестник науки и образования. — 2024. — 3 (146)—1. — С. 58—62.
4. Романов А. А. Сверточные нейронные сети // Научные исследования: ключевые проблемы III тысячелетия. — 2018. — С. 205—209.
5. Рычагов М. Нейронные сети: многослойный перцептрон и сети Хопфилда // Exponenta Pro. Математика в приложениях.—2003. — № 1. — С. 29.
6. Саетова Л., Горохов М. Нейронная сеть и регрессия: описание линейной регрессии в нейронных сетях // Информационные технологии в науке, промышленности и образовании. — 2021. — С. 15—21.
7. Хамидов Э. Х., Собиров М. М., Ходжиматов М. М. Нейронные сети RNN и LSTM // Journal of new century innovations. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 127—135.
8. Fede Soriano. Stroke Prediction Dataset. — URL: <https://www.kaggle.com/datasets/fedesoriano/stroke-prediction-dataset/data> (дата обращения: 11.03.2026)

Сравнительный анализ пользовательской линейной регрессии и библиотеки scikit-learn

А.А. Фролов

Научный руководитель: Т.М. Шеховцева

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Аннотация. В данной работе решается задача построения модели линейной регрессии для предсказания числовых результатов на основе набора признаков. Проводится сравнение авторской реализации алгоритма градиентного спуска с готовым решением из библиотеки машинного обучения Scikit-learn. Оценка качества моделей выполняется на основе метрик RMSE, MAE и коэффициента детерминации (R^2) с использованием данных платформы Kaggle

Ключевые слова: машинное обучение, линейная регрессия, градиентный спуск, Scikit-learn, предобработка данных, сравнение алгоритмов, метрики регрессии, RMSE, MAE, Kaggle

Benchmarking custom linear regression against scikit-learn

A.A. Frolov

Scientific advisor: T.M. Shekhovtseva

Belgorod State National Research University

Abstract. This paper addresses the problem of building a linear regression model to predict numerical outcomes based on a set of attributes. A comparative analysis is performed between a custom gradient descent implementation and the Scikit-learn library using three different datasets from the Kaggle platform. The quality of the models is evaluated using RMSE, MAE, and the coefficient of determination (R^2) on a delayed test set

Keywords: machine learning, linear regression, gradient descent, Scikit-learn, data preprocessing, algorithm comparison, regression metrics, RMSE, MAE, Kaggle

Introduction

Modern machine learning libraries, such as Scikit-learn [4], offer optimized algorithms for rapid development. However, custom implementation remains essential for understanding mathematical foundations and algorithm limitations. This paper benchmarks a custom gradient-descent-based linear regression model against the Scikit-learn implementation. The comparison evaluates prediction quality and training efficiency across three Kaggle datasets. The study covers data preprocessing, including scaling and categorical encoding, and analyzes the performance gap between iterative and analytical solutions.

1. Problem Statement and Description of Methods

1.1. Linear Regression

Linear regression predicts a continuous target variable y based on input features $x = (x_1, \dots, x_n)$. The model is defined as $a(x) = w_0 + \sum_{i=1}^n w_i x_i = w^T x$,

where w represents the weight vector. Model training aims to minimize the Mean Squared Error (MSE) on a training set of size m :

$$MSE(w) = \left(\frac{1}{m}\right) * \sum_{j=1}^m (a(x^j) - y^j)^2$$

where x^j and y^j are the feature vector and target value for the j -th instance, respectively.

1.2. Model Training Methods

Two optimization approaches are compared:

1. **Gradient Descent (Custom)**: An iterative method where weights are updated in the direction of the negative gradient: $w := w - \alpha \nabla MSE(w)$, where α is the learning rate. This implementation uses fixed hyperparameters (1000 iterations, $\alpha=0.01$).

2. **Normal Equation (Scikit-learn)**: The LinearRegression class typically employs an analytical solution: $w = (X^T X)^{-1} X^T y$. This method finds the global minimum in a single step but can be computationally intensive for large feature sets

1.3. Quality Evaluation Metrics

To objectively assess the quality of the trained model, it is necessary to use data that did not participate in the training process—the test set. The work uses the following metrics, calculated on a test set of size k : RMSE (Root Mean Squared Error), MAE (Mean Absolute Error), R^2 (Coefficient of Determination).

2. Computational experiments

2.1. Preparation of Data and Description

Three Kaggle datasets were selected for comparative analysis: Insurance (1338 instances, 6 features) [1], Car Price Prediction (205 instances, 25 features) [2], and Student Performance (10000 instances, 5 features) [3].

To ensure a fair comparison, a consistent preprocessing workflow was implemented. The initial step involved dataset-specific cleanup; for instance, the 'Car Price' dataset required dropping the car_ID column and extracting the brand name from the CarName attribute. Next, exploratory data analysis was conducted to visually assess distributions and detect anomalies. Histograms for numerical features were generated using the Matplotlib [7] and Seaborn [8] libraries. The visual analysis confirmed the absence of erroneous negative values. Notably, some non-normal distributions, such as the bimodal distribution of the compressionratio feature in the 'Car Price' data, were identified. These were attributed to domain specifics (the presence of both gasoline and diesel engines) and were retained without modification.

Categorical variables were transformed using One-Hot Encoding (drop='first') to prevent multicollinearity. Due to the high sensitivity of gradient descent to feature scales, numerical features were standardized to zero mean and unit variance using StandardScaler. The transformation was fitted exclusively on the training set to prevent data leakage. Finally, the data was split into training (80%) and test (20%) sets.

2.2. Experimental Protocol

The custom model utilized Gradient Descent with fixed hyperparameters (learning rate $\alpha=0.01$, 1000 iterations). The Scikit-learn LinearRegression model [4] served as the baseline. Both models were evaluated on the held-out test sets using Root Mean Squared Error (RMSE), Mean Absolute Error (MAE), and the Coefficient of Determination (R^2). The experiments were conducted in a Python environment

leveraging Pandas [6] for data manipulation and NumPy [5] for matrix operations.

2.3. Results

The performance evaluation results of the custom model (Custom GD) and the sklearn model on test sets for the three datasets, as well as training time and the number of features after preprocessing, are summarized in Table 1.

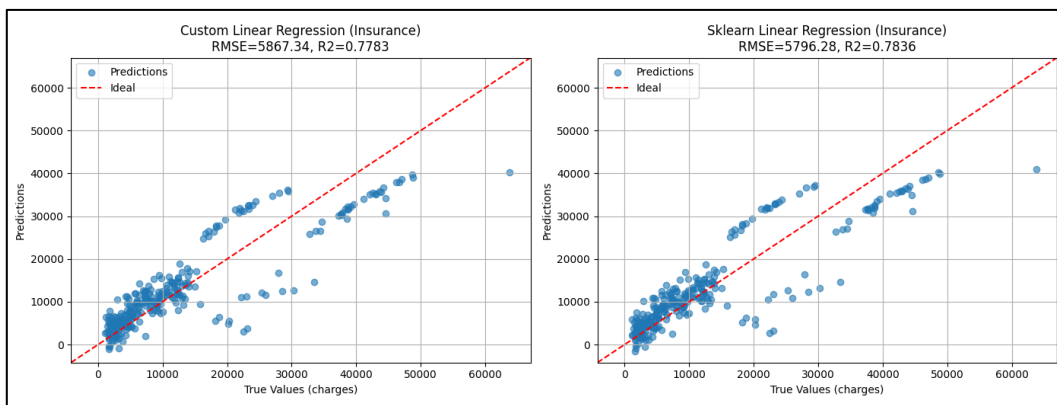
Table 1. Results of comparison of linear regression models on test data sets.

dataset	Features processed	RMS E cust	RMS E skl	MAE cust	MAE skl	R ² cust	R ² skl	Time cust(s)	Time skl(s)
Insurance	8	5867.34	5796.28	4298.15	4181.19	0.7783	0.7836	0.043	0.001
Car Price	63	3285.19	2669.93	2420.36	1763.57	0.8633	0.9097	0.035	0.003
Student Performance	5	2.03	2.02	1.62	1.61	0.9888	0.9890	0.066	0.001

The comparative performance summarized in Table 1 demonstrates that the custom gradient descent model is highly competitive on lower-dimensional datasets. For both the 'Insurance' and 'Student Performance' datasets, the custom model achieved accuracy metrics (RMSE, MAE, R²) nearly identical to the optimized Scikit-learn implementation.

However, a significant performance gap emerged on the 'Car Price' dataset. After One-Hot Encoding, the feature space of this dataset expanded to 63 dimensions. In this high-dimensional space, the custom model (R²=0.8633) underperformed compared to Scikit-learn (R²=0.9097). This discrepancy can be explained by the mathematical differences between the optimization methods. Scikit-learn utilizes the Normal Equation, providing a direct analytical solution that finds the exact global minimum of the loss function regardless of feature dimensionality. In contrast, the custom model's iterative gradient descent approach struggled to converge optimally within the fixed 1000 iterations. A more complex loss surface with 63 features typically requires adaptive learning rates, regularization techniques, or a significantly higher number of iterations to match analytical precision.

Furthermore, training time measurements revealed a consistent advantage for the library implementation. Scikit-learn was between 10 and 40 times faster across all tests, highlighting the effectiveness of low-level C-optimizations present in modern machine learning frameworks [4].

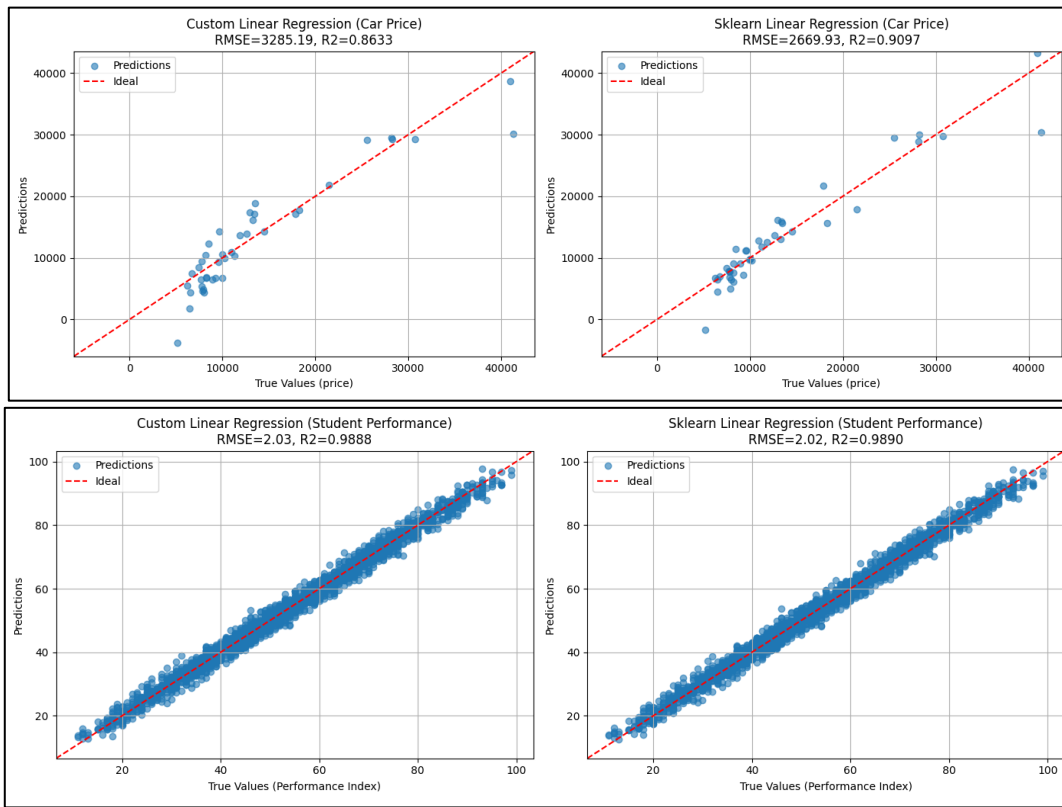

Figure 1. Predicted vs. Actual values across three datasets for Custom GD (left) and Scikit-learn (right).

These numerical findings are visually corroborated by the scatter plots in Figure 1. Each plot charts the predicted versus actual values, providing a qualitative assessment of model performance. A diagonal line is overlaid to benchmark the predictions against a perfect $y=x$ correlation.

The graphs show that for the 'Insurance' and 'Student Performance' datasets, points for both models are grouped tightly around the ideal diagonal, confirming the high R^2 values obtained in Table 1. For the 'Car Price' dataset, the points also demonstrate a strong linear trend, but a larger spread is observed, especially for the custom model, which aligns with the lower R^2 value compared to the sklearn model for this dataset.

Conclusion

This study compared a custom gradient descent linear regression implementation with the Scikit-learn library across three Kaggle datasets. The experiments demonstrated the following aspects:

1. The custom model achieves competitive accuracy (RMSE, MAE, R^2) on low-dimensional datasets but lags behind on feature-rich data, likely due to fixed hyperparameters and the absence of an analytical solver.
2. Scikit-learn consistently outperforms the custom implementation in training efficiency (by a factor of 10–40) and robustness in high-dimensional spaces.
3. Feature scaling is a critical prerequisite for the convergence of iterative optimization methods like gradient descent.

While building algorithms from scratch is essential for educational purposes, optimized libraries like Scikit-learn remain the superior choice for practical applications due to their speed and precision. Future work will focus on implementing L1/L2 regularization and automated hyperparameter tuning to improve the custom model's performance on complex datasets.

Библиографический список / References

1. Insurance Dataset. – URL: <https://www.kaggle.com/datasets/mirichoi0218/insurance> (date of access: 02.04.2024). – Text : electronic.
2. Car Price Prediction Dataset. – URL: <https://www.kaggle.com/datasets/hellbuoy/car-price-prediction> (date of access: 02.04.2024). – Text : electronic.
3. Student Performance Dataset. – URL: <https://www.kaggle.com/datasets/nikhil7280/student-performance-multiple-linear-regression> (date of access: 02.04.2024). – Text : electronic.
4. Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A. [et al.]. Scikit-learn: Machine Learning in Python // Journal of Machine Learning Research. – 2011. – Vol. 12. – P. 2825–2830.
5. NumPy. – URL: <https://numpy.org/> (date of access: 02.04.2024). – Text : electronic.
6. Pandas. – URL: <https://pandas.pydata.org/> (date of access: 02.04.2024). – Text : electronic.
7. Hunter J. D. Matplotlib: A 2D Graphics Environment // Computing in Science & Engineering. – 2007. – Vol. 9, No. 3. – P. 90–95.
8. Waskom M. L. Seaborn: statistical data visualization // Journal of Open Source Software. – 2021. – Vol. 6, No. 60. – P. 3021.

ББК 87.30

Обзор философии стоиков

Д.Х. Хайртдинова, И.Р. Шакурова

Научный руководитель: С.Р. Муртазин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. В статье приведен общий исторический обзор движения стоиков, раскрыто происхождение исторической морали, ее связь с предшествующими философскими воззрениями и ценность для современного мира

Ключевые слова: стоицизм, добродетель, когнитивно-поведенческая терапия

The overview of stoic philosophy

D.Kh. Khairtdinova, I.R. Shakurova

Scientific supervisor: S.R. Murtazin

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kazan State Medical University»
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. The article provides a general historical overview of the Stoic movement, revealing the origins of historical morality, its connection with previous philosophical views, and its value for the modern world

Keywords: Stoicism, virtue, cognitive-behavioral therapy

Зародившись в Древней Греции, стоическая философская школа прошла длинный путь от древности до наших дней. Не удивительно, ведь ее основной постулат – «жить в согласии с добродетелью и разумом, сохраняя душевное равновесие независимо от внешних обстоятельств» – актуален всегда [1;2]. Философию стоицизма называют философией трудных времен, но времена всегда трудные, поэтому постоянно уместен запрос на возможность самостоятельно справиться с трудностями, проявляя спокойствие перед лицом любых испытаний и контроль над своими эмоциями.

Исторически стоицизм вырос из учения Сократа и киников, с одной стороны, Платона и Аристотеля – с другой. От первых стоики взяли предмет исследования человека и его разумно-нравственную природу, а также аскетизм и твердое намерение следовать избранным убеждениям, от вторых – ценность знания [3]. Они утверждали: кто знает добро, тот его делает, ведь истинное знание уже добродетель.

Для стоиков все в мире предопределено, то есть упорядоченно, продуманно и заранее известно, так как всем правит судьба. Признавая четыре добродетели: мудрость – наш опыт и знания, справедливость – умение следовать правилам и принимать их, мужество – преодоление трудностей, самообладание – внутренняя выдержка, они учили различать то, что подвластно нашей воле, что мы вправе изменить и то, что не подвластно человеку. Именно в этом кроется свобода для человека: не стараться бороться с неизбежным – роком, судьбой, а управлять собой в пределах неминуемого. Однако мы живем в мире, где без волевого усилия множества людей не было бы прогресса: медицина современного уровня, полеты в космос, инновации в производстве – все это люди, у которых хватило решимости изменить действительность и достичь лучшего.

Стоики смотрели на философию с практической точки зрения: это попытка изменить не мир, а свое отношение к нему, именно поэтому принципы стоиков так хорошо вписались в современную когнитивно-поведенческую терапию, чем обеспечили популярность стоицизма сегодня.

Долголетие и популярность стоического учения основаны на универсальности [2]. Главный призыв стоиков – принимать то, что невозможно изменить, сосредотачиваться на том, что находится в пределах нашей власти, а именно обретение внутренней свободы через разумный самоконтроль.

Библиографический список

1. Богомолов, А.С. Античная философия: Учебник / А.С. Богомолов. – 2-е изд. – Москва: Высшая школа, 2006. – 390 с. – ISBN 5-06-005370-9.
2. Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении / А.Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1989. – 204 с. – ISBN 5-244-00264-3.
3. Столяров, А.А. Стоя и стоицизм / А.А. Столяров. – Москва: АО Ками Групп, 1995. – 448 с. – ISBN 5-86187-023-3.

Использование доказательств, улик, данных экспертиз, полученных с использованием искусственного интеллекта, которые могли бы помочь следствию

А.А. Хапиштова

Научный руководитель: С.Г. Хасанова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Аннотация. Статья посвящена проблематике внедрения технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство Российской Федерации. Автор анализирует конституционные и процессуальные основы допустимости доказательств, формируемых с применением ИИ, а также предлагаются направления совершенствования законодательной регламентации использования таких технологий в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовный процесс, доказательства, судебная экспертиза, УПК РФ, Конституция РФ, допустимость доказательств

Use of evidence, clues, expert data obtained with the use of artificial intelligence that could assist the investigation

A.A. Khapishtova

Scientific supervisor: S.G. Khasanova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Adyghe State University»

Abstract. The article is devoted to the problems of introducing artificial intelligence technologies into criminal proceedings of the Russian Federation. The author analyzes the constitutional and procedural grounds for the admissibility of evidence generated with the use of AI, and proposes directions for improving legislative regulation of such technologies during preliminary investigation and trial

Keywords: artificial intelligence, criminal procedure, evidence, forensic examination, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, admissibility of evidence

Проникновение технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественных отношений не обходит стороной и уголовное судопроизводство. В научной литературе справедливо подчёркивается, что стержнем любого уголовного дела выступает процесс доказывания – именно достоверное установление фактических обстоятельств преступления лежит в основе законного и обоснованного приговора. Поэтому вопросы применения ИИ для формирования доказательственной базы, выявления улик и проведения судебных экспертиз приобретают исключительную актуальность и требуют всестороннего анализа с учётом норм действующего российского законодательства.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит специальных положений, которые бы напрямую регулировали использование

ИИ в доказывании [2]. Как верно отмечается в публикациях, «в Уголовно-процессуальном кодексе использование ИИ в правосудии никак не регламентировано, основная его часть написана еще когда такого понятия, как нейросети, не существовало». Этот законодательный пробел порождает многочисленные дискуссии о процессуальной природе результатов, полученных с помощью ИИ, об их допустимости в качестве судебных доказательств, а также о допустимых границах применения подобных технологий в работе следователя, эксперта и судьи [6].

Для правильного определения места ИИ-результатов в системе доказательств необходимо обратиться к основополагающим принципам уголовного процесса. Согласно ст. 7 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу; нарушение его норм влечёт признание полученных таким путём доказательств недопустимыми. Часть 2 ст. 50 Конституции РФ устанавливает императивный запрет: при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона [1]. Это конституционное положение конкретизируется в ст. 75 УПК РФ, где указано, что доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Следовательно, любые результаты применения ИИ – будь то аналитические отчёты, сгенерированные тексты или экспертные расчёты – могут быть признаны допустимыми доказательствами только при условии их получения в строгом соответствии с процессуальным порядком, предписанным УПК РФ [2].

В научной доктрине предлагаются разные подходы к решению вопроса о процессуальном статусе ИИ-результатов. Одни авторы считают необходимым дополнить перечень вспомогательных средств доказывания результатами работы алгоритмов ИИ, введя четвёртый отличительный признак таких средств и сформулировав новое определение данной категории. Другие исследователи полагают, что нейросеть не может выступать в качестве самостоятельного субъекта оценки доказательств, но может эффективно использоваться для построения текстовой модели судебного следствия и последующего выявления в ней логических противоречий и иных недостатков. Полученные таким образом результаты могут применяться судом в доказывании, что будет способствовать усилению судейской активности и повышению качества правосудия [4].

При этом необходимо учитывать принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ст. 17 УПК РФ. Согласно этой норме, судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Из этого следует, что результаты работы ИИ не могут обладать преимущественной силой перед иными доказательствами и подлежат оценке на общих основаниях. Недопустима ситуация, при которой «машинное» заключение воспринималось бы как заведомо более достоверное, чем заключение человека-эксперта или другие доказательства, поскольку это противоречило бы как ст. 17 УПК РФ, так и ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, гарантирующей справедливое правосудие [1, 2].

Отдельного внимания заслуживает применение ИИ при производстве судебных экспертиз. Как указывают С.В. Лукошкина и М.Ш. Буфетова, «экспертно-судебная деятельность играет важную роль в раскрытии и расследовании преступлений, формировании доказательств в виде заключения эксперта». Цифровизация уголовного процесса затрагивает и судебно-экспертную деятельность, в связи с чем активно обсуждается возможность использования ИИ и нейросетей в работе эксперта. Указанные авторы приходят к выводу, что нейросеть и ИИ можно рассматривать лишь как инструменты производства экспертизы, но они не способны заменить эксперта и его заключение, которое должно быть обоснованным и базироваться на совокупности научных методов. Этот вывод обоснован, поскольку в силу ст. 80 УПК РФ заключение эксперта – это представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по поставленным вопросам. Такое заключение предполагает личную ответственность эксперта за достоверность и обоснованность своих выводов, что невозможно при полностью автоматизированном формировании заключения [2, 3].

Вместе с тем, как справедливо отмечают Р.В. Костенко и М.А. Духанова, «несмотря на бесспорные плюсы применения новых технологий в экспертной деятельности, авторами предлагается закрепить в УПК РФ принципы такого использования, что обусловлено назначением уголовного судопроизводства и его основополагающими принципами». В научной литературе также обсуждается возможность признания результатов работы генеративного ИИ в качестве иных документов-доказательств в уголовном процессе. Решение этого вопроса должно учитывать не только технические возможности ИИ, но и фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, включая принцип законности (ст. 7 УПК РФ) и правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ст. 75 УПК РФ) [2, 5].

Применение ИИ в уголовном процессе порождает и необходимость выявления фактов манипуляции с использованием искусственного интеллекта. В этой связи всё большее значение приобретает экспертиза речевых технологий, позволяющая обнаружить неочевидные для рядового участника процесса или даже судьи признаки воздействия. Современные ИИ способны создавать контент (текст, аудио, видео), который трудно отличить от созданного человеком. Эксперт, обладающий познаниями в области лингвистики, психолингвистики и цифровых технологий, может объективно исследовать материал с помощью специальных методик и установить факт, характер и степень внедрения манипулятивных элементов. Заключение такой экспертизы обладает высокой юридической силой в суде, поскольку является одним из видов доказательств, получаемых с использованием специальных знаний, и его оценка должна производиться в соответствии со ст. 17 и 88 УПК РФ [7, 8].

В научной литературе также обсуждается вопрос о признании использования ИИ отягчающим обстоятельством при назначении наказания. Предлагается считать это обстоятельством, отягчающим наказание, что позволит ужесточить ответственность за преступления, совершённые с применением высоких технологий, и создать дополнительные правовые механизмы для защиты граждан. При этом «недружественные ИИ» пока

остаются в правовой «серой зоне» [9].

Необходимо учитывать и риски, связанные с применением ИИ в уголовном процессе. Как отмечают А.А. Шеляшкова и Е.В. Исакова, «сейчас речь идёт именно о системных рисках подмены личной интеллектуальной деятельности следователя сторонней системой искусственного интеллекта, что способно затронуть основы уголовного судопроизводства и повлечь нарушения прав и законных интересов участников уголовного дела». ИИ не способен оценить искренность раскаяния подсудимого, понять, были ли показания даны под давлением, а нейросети склонны к ошибкам, которые в уголовном праве недопустимы. В связи с этим особое значение приобретает необходимость соблюдения баланса между техническим прогрессом и гарантиями прав участников уголовного судопроизводства, закреплёнными, в частности, в ст. 2 Конституции РФ, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью [1, 10].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Российской Федерации для получения доказательств, улик и данных экспертиз имеет значительный потенциал, однако требует тщательной правовой регламентации. Представляется необходимым закрепить в УПК РФ принципы использования ИИ в доказательственной деятельности, определить процессуальный статус результатов работы алгоритмов ИИ, установить требования к допустимости таких результатов в качестве доказательств (в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ), а также предусмотреть гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства при применении технологий ИИ. Только при соблюдении указанных условий использование искусственного интеллекта сможет стать эффективным вспомогательным инструментом в деятельности следователя, эксперта и суда, способствуя повышению качества и эффективности уголовного судопроизводства, но не подменяя собой личную интеллектуальную деятельность уполномоченных должностных лиц, оценка которой осуществляется по внутреннему убеждению, основанному на законе и совести (ст. 17 УПК РФ) [1, 2].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11 ФКЗ, от 14.03.2020 № 1 ФКЗ // Российская газета. — 1993. — 25 дек. ; Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398 ; 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ : принят Государственной думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [ред. от 22 апреля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — №52 (ч. I). — Ст. 4921.

3. Лукошкина С.В., Буфетова М.Ш. Проблемные аспекты использования искусственного интеллекта при производстве судебной экспертизы в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 348–355. — DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(3).348-355. — URL:

<https://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=27425&ysclid=mnqhbpcjal912007308> (дата обращения: 31.03.2026).

4. Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу // Российский судья. – 2026. – № 2. – С. 33–37. – DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-33-37. – URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2026-2-33-37> (дата обращения: 31.03.2026).

5. Костенко Р.В., Духанова М.А. Проблемы нормативного обеспечения прозрачности экспертной деятельности при использовании новых технологий для анализа доказательств (на примере машинного обучения) // Закон и право. – 2025. – № 5. – С. 210–214. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-5-210-214. – URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-5-210-214> (дата обращения: 30.03.2026).

6. Романенков А.В. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3. – С. 45–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-protssesse-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 31.03.2026).

7. Глимейда В.В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2025. – № 17(2). – С. 64–70. – DOI: 10.31429/20785836-17-2-64-70. – URL: <https://elpub.ru/elpub-article/urvkubsu/489?layout=article> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 16(1). – С. 89–99. – DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99. – URL: <https://doi.org/10.31429/20785836-16-1-89-99> (дата обращения: 31.03.2026).

9. Махтюк С.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: от разговоров к делу. Эффективные способы упростить работу следователя и суда // Уголовный процесс. – 2025. – № 5. – С. 12–19. – URL: <https://m.e.ugpr.ru/1150278?ysclid=mnqbmzdx8t763172506> (дата обращения: 31.03.2026).

10. Шеляшкова А.А., Исакова Е.В. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите // Уголовный процесс. – 2026. – № 4. – С. 8–14. – URL: <https://m.e.ugpr.ru/1177801?ysclid=mnqbob1678915201780> (дата обращения: 31.03.2026).

ББК 74.48

Использование генеративных нейросетей как средство патриотического воспитания студентов

Л.В. Хусаинова, Е.Э. Смирнова

«Южно-Уральский государственный университет

(национальный исследовательский университет)»

Аннотация: представлен опыт интеграции генеративных нейросетей в проектную деятельность студентов на примере четырёх практических заданий патриотической направленности. Показано, что использование ИИ

способствует формированию у студентов устойчивого интереса к истории, семейной памяти и профессиональным традициям. Технология выступает инструментом, который делает воспитательное содержание лично значимым для цифрового поколения

Ключевые слова: генеративные нейросети, патриотическое воспитание, проектная деятельность, цифровое поколение

Using generative neural networks as a means of patriotic education of students

L.V. Khusainova, E.E. Smirnova

South Ural State University (National Research University)

Abstract: the article presents the experience of integrating generative neural networks into students' project activities using the example of four practice-oriented assignments with patriotic content. It is shown that the use of AI helps to form students' sustained interest in history, family memory, and professional traditions. The technology acts as a tool that makes educational content personally meaningful for the digital generation

Keywords: generative neural networks, patriotic education, project activities, digital generation

Патриотическое воспитание в системе образования сегодня сталкивается с проблемой устаревших форм, которые не вызывают отклика у молодёжи, привыкшей к цифровой среде и визуальному контенту [3]. Одновременно растёт доступность генеративных нейросетей, таких как Kandinsky, Шедеврум и Midjourney. Студенты используют их для развлечения, но редко задумываются о профессиональном или воспитательном потенциале [2]. В 2024–2026 годах в Многопрофильном колледже ИСТиС ЮУрГУ в рамках дисциплин «Информатика» и «Информационные технологии в профессиональной деятельности» была апробирована серия практических заданий, где нейросети становились инструментом для создания патриотического контента [1]. В исследовании приняли участие более 300 студентов.

Задания строились по единой логике. Студент получал техническое задание, формулировал промпт, генерировал изображения, отбирал лучшие варианты и встраивал их в итоговый продукт: открытку, презентацию или интерактивный альбом. Воспитательный компонент был заложен не в лекциях, а в самом содержании задания.

Первый кейс был связан с 50-летием колледжа. Студенты создавали настольные таблички «Table tent», на одной стороне которых размещалась информация о специальностях колледжа, на другой календарь. Нейросеть использовалась для генерации изображений, отражающих суть специальности и юбилей учебного заведения (рис.1). В процессе студенты изучали историю колледжа, искали архивные фотографии, обсуждали, какие образы точнее передают дух колледжа. Патриотизм здесь проявился в уважении к своей образовательной организации.

Рисунок 1. Пример «Table tent» к юбилею колледжа

Второй кейс был приурочен ко Дню космонавтики. Традиционное задание по созданию презентации в PowerPoint дополнили требованием сгенерировать три собственных слайда с помощью нейросети (рис.2). Студенты сами выбирали темы: первый спутник, современная орбитальная станция, космический туризм. Чтобы получить качественное изображение, им приходилось читать про реальные конструктивные особенности космических аппаратов. Многие впервые узнали, что за успехами Гагарина стоял труд тысяч инженеров. Анимация ракеты перестала быть просто техническим приёмом и наполнилась историческим контекстом.

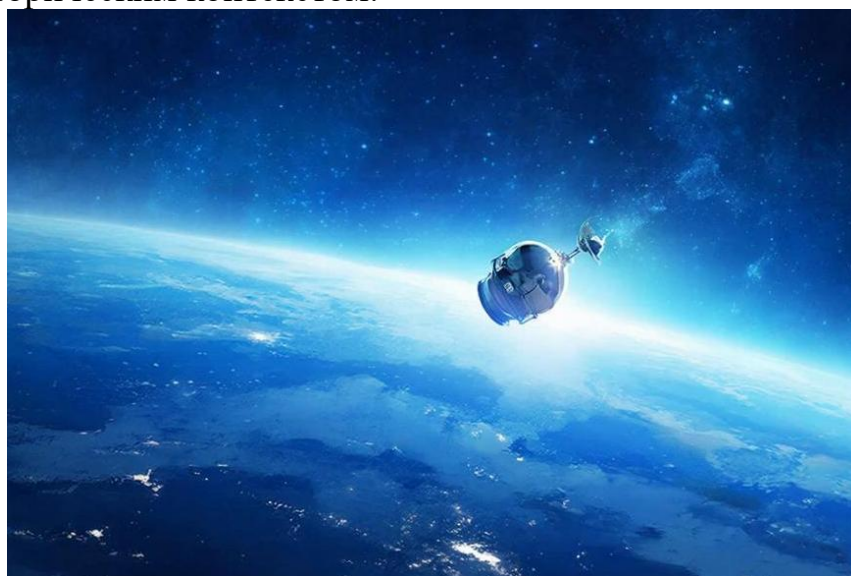

Рисунок 2. Один из слайдов презентации с изображением, сгенерированным нейросетью

Третий кейс был посвящён 9 мая и оказался самым эмоциональным. У студентов были обработанные в растровом редакторе фотографии ветеранов, их родственников (рис.3). Задача состояла в создании интерактивного альбома: коллажа, презентации или веб-галереи, где на каждое фото можно нажать и прочитать биографию. Нейросеть использовалась для генерации фонов, рамок, тематических элементов: георгиевских лент, вечно огня, гвоздик. Главным результатом стало не техническое исполнение, а то, что студенты

разговаривали с родителями, уточняли детали военного пути своих прадедов. Проект превратился в исследование семейной истории.

Рисунок 3. Фрагмент интерактивного альбома с фотографиями ветеранов

Четвёртый кейс моделировал реальную рабочую ситуацию. Студентам, будущим специалистам правоохранительной деятельности, предложили представить себя помощником начальника отдела МВД и подготовить поздравление для женского коллектива с 8 марта (рис.4). Нужно было совместить праздничную символику, цветы и весну, с ведомственной атрибутикой. Студенты предлагали разные решения: размытый силуэт патрульной машины на заднем плане, строгий фон с аккуратной звездой, стилизацию под акварельный плакат. Задание формировало уважение к профессии и понимание, что даже в правоохранительной сфере есть место человеческому отношению.

Рисунок 4. Пример поздравительной открытки, сгенерированной нейросетью

Студенты быстро поняли, что нейросеть требует точных формулировок. Фраза «нарисуй ветерана» не работала. Приходилось уточнять род войск,

награды, время года, детали формы. Ошибки генерации, например неправильные погоны или искажённые звёзды, становились поводом заглянуть в справочники по униформе. Преподаватель уже не был главным хранителем правильных ответов. Он скорее направлял: «Сравни с фотографией из архива», «А такой орден существовал?»».

После завершения проектов несколько студентов подошли с просьбой продолжить работу над семейными фото. Один нашёл неизвестные ранее награды прадеда, другая уточнила даты его службы. Многие признались, что впервые всерьёз задумались о том, чем занимаются сотрудники МВД в обычные дни, а не только в новостных сводках. Технология здесь не упростила задачу, но сделала её личной. Когда результат уходит не преподавателю на проверку, а реальному адресату (ветерану, сотруднице, гостю колледжа), студент перестаёт формально выполнять задание. Он вкладывается иначе. Патриотическое воспитание через искусственный интеллект возможно не потому, что нейросеть сама воспитывает. А потому, что она даёт молодому человеку инструмент, с помощью которого он начинает задавать вопросы, искать ответы и чувствовать связь с тем, что раньше было просто строчкой в учебнике.

Библиографический список

1. Смирнова Е.Э. Персонализация профессионального образования через инструменты искусственного интеллекта // Цифровые трансформации в профессиональном образовании: научные поиски и практические достижения : труды Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 28.11.2025 г.) / редкол.: Е.П. Брандукова (отв. ред.) [и др.]. – Красноярск : КрИЖТ ИрГУПС, 2025. – С. 315–320

2. Тикки, Д. А. Генеративный искусственный интеллект / Д. А. Тикки, Т. В. Сафонова // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. – 2024. – № 1(49). – С. 78-83. – EDN APBJIE.

3. Черкасов, Н. П. Искусственный интеллект на службе военно-патриотического воспитания подростка / Н. П. Черкасов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. – № 11 (112). – Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/iskusstvennyj-intellekt-na-sluzhbe-voenno-patrioticheskogo-vospitaniya-podrostka.html> (дата обращения: 20.11.2025)

ББК 32.973

Психология и когнитивистика в интерфейсах

Н.С. Чеботарев, А.В. Матыцин, Л.В. Гаев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный технический университет»

Аннотация. Обосновывается необходимость интеграции знаний из области психологии и когнитивных наук в практику создания цифровых интерфейсов. На основе анализа теоретических источников выявлены ключевые когнитивные феномены, определяющие успешность взаимодействия пользователя с интерфейсом. Предложены принципы снижения когнитивной нагрузки и обозначены этические границы применения психологического

инструментария. Проектирование, учитывающее психологические закономерности, позволяет повысить удобство цифровых продуктов и минимизировать риски манипулятивного воздействия

Ключевые слова: психология интерфейсов; когнитивные искажения; поведенческий дизайн; когнитивная нагрузка; темные паттерны

Psychology and cognitive science in interfaces

N. S. Chebotarev, A.V. Matytsin, L.V. Gaev

Lipetsk State Technical University

Abstract. The necessity of integrating psychological and cognitive knowledge into digital interface design is substantiated. Based on the analysis of theoretical sources, key cognitive phenomena influencing user interaction with interfaces are identified. Principles for reducing cognitive load are proposed and ethical boundaries for applying psychological tools are outlined. This approach improves the usability of digital products and reduces the risks of manipulative influence

Keywords: interface psychology; cognitive biases; behavioral design; cognitive load; dark patterns

Цифровые интерфейсы стали главным посредником между человеком и технологиями. От качества их проектирования зависит скорость работы, точность действий и психологическое состояние пользователя. Однако многие интерфейсы перегружены и не учитывают ограничения человеческой психики [1, с. 45]. Психология и когнитивистика предлагают научные подходы к созданию удобных интерфейсов, изучая процессы восприятия, внимания, памяти и принятия решений [2, с. 78].

Ключевое понятие - ментальная модель. У каждого пользователя есть сложившиеся представления о работе похожих систем. Если интерфейс противоречит этим ожиданиям, возникают трудности. Хороший дизайн опирается на ментальные модели, а не требует переучивания [3, с. 112]. На поведение пользователя также влияют когнитивные искажения - систематические ошибки мышления. Их необходимо учитывать при проектировании, поскольку разработчики и пользователи подвержены одним и тем же ловушкам [4, с. 47]. Основные искажения представлены в таблице 1.

Таблица 1. Когнитивные искажения и их проявление в интерфейсах

Когнитивное искажение	Суть явления	Проявление в интерфейсе
Эффект подтверждения	Поиск информации, подтверждающей свою точку зрения	Пользователь не замечает важных элементов, противоречащих ожиданиям
Иллюзия контроля	Переоценка способности влиять на ситуацию	Упорное повторение неэффективных действий
Эвристика доступности	Оценка на основе легкости вспоминания	Использование недавних функций вместо более удобных
Эффект привязки	Зависимость от первого значения	Первое предложение сильно влияет на выбор
Склонность к статусу-кво	Стремление ничего не менять	Пользователи редко меняют настройки по умолчанию

Важное понятие - когнитивная нагрузка. Объем рабочей памяти

ограничен, поэтому интерфейс не должен перегружать пользователя лишней информацией. Снизить нагрузку помогают узнаваемые элементы и визуальная иерархия. Особую проблему представляют манипулятивные технологии - темные паттерны, бесконечная прокрутка, персонализированные рекомендации, формирующие привыкание [5, с. 45–48]. Альтернатива - концепция «подталкивания» (nudge): использование психологических механизмов для направления человека к полезным решениям [6, с. 87]. Таким образом, психология и когнитивистика дают дизайну интерфейсов методологию, позволяющую создавать удобные и безопасные продукты.

Библиографический список

1. Норман Д. Дизайн привычных вещей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 384 с.
2. Солсо, Роберт. Когнитивная психология / 6-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2011. 592 с.
3. Купер А., Рейманн Р., Кронин Д. Об интерфейсе. Основы проектирования взаимодействия. СПб.: Символ-Плюс, 2018. 688 с.
4. Ананченко И.В., Хаджиев И.В. Влияние когнитивных искажений на разработку пользовательских интерфейсов // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник научных трудов. Пенза: Наука и просвещение, 2016. С. 47-49.
5. Галаганова С.Г., Мананникова Д.А. Манипулятивные технологии в мобильных приложениях // Человеческий капитал, 2020. № 8. С. 45-54.
6. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge. Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness. Penguin, 2009. 320 p.

ББК 60.561.5

Трансформация родительских ролей в современной России: анализ социологических опросов

М.С. Чертенко

Научный руководитель: Н.Ю. Мочалова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт
(филиал) Уральского государственного педагогического университета

Аннотация. В статье анализируется трансформация родительских ролей в современной российской семье на основе данных социологических опросов ВЦИОМ и ФОМ. Рассматриваются представления россиян о роли матери и отца, степень вовлеченности родителей в воспитание детей и противоречие между традиционными и эгалитарными установками

Ключевые слова: родительство, гендерные роли, семья, социологические опросы, отцовство, материнство

Transformation of parental roles in modern Russia: analysis of sociological surveys

M.S. Chertenko

Supervisor: N.Yu. Mochalova

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the transformation of parental roles in the modern Russian family based on data from sociological surveys conducted by the Russian Public Opinion Research Center and the Public Opinion Foundation. The article examines the views of Russians on the role of mothers and fathers, the degree of parental involvement in raising children, and the contradiction between traditional and egalitarian attitudes.

Keywords: parenthood, gender roles, family, sociological surveys, fatherhood, motherhood

Трансформация родительских ролей является важным аспектом гендерных отношений в семье, поскольку именно в сфере воспитания детей наиболее отчетливо проявляется соотношение традиционных и современных моделей поведения. Социологические опросы позволяют зафиксировать не только реальные практики, но и представления россиян о том, какими должны быть роли матери и отца, что делает возможным выявление разрыва между установками и повседневной жизнью.

Современные данные свидетельствуют о том, что в российском обществе усиливается поддержка идеи равного участия родителей в воспитании детей. Так, по данным ФОМ за 2024 год, около 90% россиян считают, что решающую роль в воспитании должны играть оба родителя [5]. Аналогичная установка проявляется и в вопросах репродуктивного выбора: еще в 2017 году 78% опрошенных отмечали, что при незапланированной беременности решение должно приниматься совместно. Параллельно фиксируется рост одобрения вовлеченности отцов в уход за ребенком. За период с 2011 по 2017 год доля положительных оценок отцовского отпуска увеличилась на 11%, что указывает на постепенное смягчение гендерных стереотипов. Также можно говорить о том, что наблюдается постепенный отход от идеи, что родительская роль должна определяться полом как родителя, так и ребенка. Уровень поддержки традиционной модели, согласно которой за воспитание дочерей отвечает мать, а за воспитание сыновей — отец крайне невысок (2% в 2011 году и 1% в 2017 году). Альтернативная, «перевернутая» модель распределения ролей (мать воспитывает сыновей, отец — дочерей) практически полностью отвергается обществом: ее поддержка составляет менее 1% в оба рассматриваемых года [6].

Сходные тенденции отражены в данных ВЦИОМ: 70% россиян в 2019 году и 72% в 2017 году признают, что мужчины способны ухаживать за детьми и вести домашнее хозяйство не хуже женщин. Особенно характерна эта позиция для молодежи, среди которой доля таких ответов достигает 90%. Более того, 72% респондентов связывают образ «хорошего отца» с активным участием в повседневной жизни ребенка, что свидетельствует о смещении акцента с исключительно экономической функции мужчины к его эмоциональной и воспитательной вовлеченности.

Однако при всей поддержке эгалитарных установок реальные семейные практики остаются во многом традиционными. По данным ВЦИОМ, 56% россиян считают нормальной ситуацию, при которой основная забота о детях и доме лежит на женщине, тогда как мужчина выполняет роль кормильца. Это подтверждается и низкой распространенностью альтернативных моделей: только у 10% опрошенных есть знакомые семьи, где отец занимается домом и воспитанием, а мать обеспечивает доход, тогда как 65% вовсе не сталкивались с

такими примерами.

Отношение к трансформации ролей остается скорее настороженным. Большинство россиян (58%) не считают нормальной ситуацию, при которой после рождения ребенка отец остается с ним, а мать выходит на работу; среди мужчин эта доля достигает 62%. Женщины также демонстрируют скептицизм: 63% выступают против того, чтобы отпуск по уходу за ребенком брал отец. При этом наблюдается определенное противоречие: 42% мужчин заявляют о готовности взять на себя уход за новорожденным, что указывает на расхождение между личными установками и доминирующими социальными нормами.

Образ отца в современной России носит двойственный характер. С одной стороны, сохраняется представление о мужчине как основном добытчике: с этим согласны около 48% респондентов, тогда как 47% не считают данную роль приоритетной. С другой стороны, усиливается восприятие отцовства как значимой воспитательной практики. Почти половина опрошенных (47% в 2019 году против 44% в 2017 году) отмечают, что отношения между отцами и детьми стали более доверительными. В представлениях россиян отец играет важную роль в формировании у ребенка уважения к женщине (33%), ответственности (27%), мужества (24%) и трудолюбия (20%). При этом 90% респондентов считают недопустимым ограничение общения ребенка с отцом даже в случае конфликтов между родителями [4].

Несмотря на рост значимости отцовства, материнство продолжает восприниматься как более сложная и ответственная роль. По данным ВЦИОМ (2025 г.), 86% россиян считают материнство тяжелым трудом, а 39% полагают, что оно стало сложнее, чем 20 лет назад. Отцовство также признается непростой задачей, однако в меньшей степени — его трудным считают 66% опрошенных. Это свидетельствует о сохранении гендерной асимметрии в восприятии родительских обязанностей [2].

Анализ показывает, что участие отцов в воспитании детей хотя и широко распространено, но имеет специфический характер. Более 70% россиян отмечают, что их отцы принимали участие в их воспитании, однако чаще всего это участие связано с дисциплиной и формированием «мужских» качеств, тогда как повседневный уход и эмоциональная поддержка остаются зоной ответственности матери [3].

Согласно данным опроса ВЦИОМ, посвященного Дню матери (2024 г.), большая часть респондентов подчеркивает роль матерей в формировании мягких, эмоциональных качеств, таких как доброта, сострадание, сочувствие (54%), любовь к близким (21%), уважение к старшим, окружающим (18%), сострадание, сочувствие, внимательность (14%). Это указывает на то, что материнское воспитание ассоциируется прежде всего с развитием эмоционального интеллекта и способности строить гармоничные отношения с окружающими. Значимая часть ответов касалась самодисциплины и силы духа: самостоятельности, целеустремленности, трудолюбия (19%), ответственности, честности (по 17%). Часть ответов можно назвать «социальной культурой»: вежливость, воспитанность (16%), грамотность, стремление к знаниям (7%), опрятность и коммуникабельность (по 2%). Некоторые россияне считают, что матери передают детям ценности, такие как любовь к Родине (13%), важность семьи и стремление к улучшению

собственной жизни, и формируют мировоззрение детей в целом (по 2%) [1].

В нестандартных семейных ситуациях роль отца оказывается менее устойчивой: после развода более половины мужчин не участвуют в жизни детей, каждый восьмой респондент вырос с отстраненным отцом, а каждый седьмой — вовсе без него.

Динамика изменений показывает, что трансформация родительских ролей происходит постепенно. Наиболее активный этап пришелся на период 2000–2008 годов, когда значительно выросла доля россиян, признающих равное участие обоих родителей в воспитании. В настоящее время этот показатель стабилизировался: каждый второй респондент считает свое воспитание результатом усилий обоих родителей. Одновременно сократилась доля тех, кто подчеркивает ведущую роль матери: если в 2000 году так считала более трети опрошенных, то сегодня — примерно каждый четвертый. При этом полностью «отцовская» модель воспитания остается редким исключением [3].

Таким образом, современная российская семья характеризуется сосуществованием двух моделей родительства. С одной стороны, усиливается поддержка равного участия матери и отца, расширяющая представления о возможностях мужчин и растет значимость вовлеченного отцовства. С другой стороны, в реальной практике сохраняется традиционное распределение ролей, при котором основная нагрузка по уходу за ребенком ложится на женщину. Это позволяет говорить о постепенном и противоречивом характере трансформации гендерных ролей, отражающем более широкий процесс изменения ценностных установок российского общества.

Библиографический список

1. День матери: пусть всегда будет мама! [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-materi-pust-vsegda-budet-mama> (дата обращения: 01.04.2026).

2. Образ матери в современном обществе [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-materi-v-sovremennom-obshchestve?ysclid=mngows9w3729777856> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Образ отца в современном обществе [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-otca-v-sovremennom-obshchestve?ysclid=mngp58xt7432957257> (дата обращения: 01.04.2026).

4. Папа может все, что угодно? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/papa-mozhet-vsyo-chto-ugodno> (дата обращения: 01.04.2026).

5. Роли мужчин и женщин в семье. Как должны распределяться домашние обязанности в семье? [Электронный ресурс] // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670?ysclid=mngscnlhwh160275481> (дата обращения: 01.04.2026).

6. Семейные роли. Представления россиян о роли матери и отца в семье [Электронный ресурс] // ФОМ. — URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13670?ysclid=mngscnlhwh160275481> (дата обращения: 01.04.2026).

Смысл жизни как проблема философии

И.Р. Шакурова

Научный руководитель: С.Р. Муртазин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Казанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы мнения философов разного времени (Античность, Средневековье, Новое время, современность) на пути к достижению ответа на вопрос «В чем заключается смысл жизни?»

Ключевые слова: смысл жизни, счастье, ценности, экзистенциализм, достижение цели

The meaning of life as a philosophical problem

I.R. Shakurova

Scientific supervisor: S.R. Murtazin

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kazan State Medical University»
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the opinions of philosophers of different times (Antiquity, the Middle Ages, Modern Times, and the Present) on the way to achieving an answer to the question «What is the meaning of life?»

Keywords: the meaning of life, happiness, values, existentialism, and achieving goals

Смысл жизни – одна из вечных проблем философии, которая позволяет задуматься о сути своего существования, о достижении целей в жизни и о том, что из себя представляют эти цели. Благодаря научно-техническому прогрессу люди открывают тайны природы, одновременно с этим ослабляется и теряется связь с действительностью и реальностью – человек погружен в мир мегаполисов из железа и стекла и постепенно прежние ценности сменяются другими. Цивилизация развивается с каждым годом все больше и больше, а к единому мнению о смысле жизни человечество так и не пришло.

Испокон веков философов заботит вопрос о смысле человеческой жизни. В Античности смысл бытия рассматривался в попытках обретения счастья различными путями. Так, Сократ видел счастье в мудрости и самопознании, Платон – в самосовершенствовании, Эпикур же провозглашал счастье как свободу от душевных страданий и тревог и умение радоваться малым [1].

Напротив, большинство средневековых философов видели счастье в познании Бога и считали, что человек должен заслужить благодать Бога путём любви к нему и смирения. Сторонниками данного мнения являлись Августин и Фома Аквинский. В эпоху Средневековья имели место и представления мистиков о смысле жизни. Хочется отметить, что их учения подвергались жёсткой критике, так как мистика имела неоднозначное отношение к католической церкви.

В эпоху Нового времени представления о смысле жизни были связаны с

различными философскими направлениями: рационализм, сенсуализм, материализм, экзистенциализм. Для материалистов смысл жизни раскрывался в саморазвитии человека, в трансформации и совершенствовании его повседневной жизни, его способностей и потребностей. Карл Маркс связывал цель существования с преодолением социальных неравенств и эксплуатации человеческого труда [2]. С позиции экзистенциализма философы эпохи Нового времени утверждали, что смысл жизни не предопределён и не дан свыше: смысл жизни нужно искать в размышлениях о добре и зле, о жизни и смерти.

В современном мире продолжает рассматриваться данный вопрос с позиции экзистенциализма, а также свои мнения выдвигают философы-прагматики, гуманисты, постмодернисты. Сторонники прагматизма видят смысл существования в достижении целей и их практической пользе в ходе жизни, тогда как гуманисты выдвигают на передний план раскрытие собственного потенциала.

Вопрос о назначении человека остается открытым и по сей день. Как римляне видели целью своего существования долг перед Родиной, так для капиталистов во все времена смыслом жизни являлись деньги, как для философа важно прийти к познанию истины, так для любящей матери дорого здоровье своих детей. Однозначного ответа на вопрос о смысле человеческой жизни не существует, так как каждый человек имеет свои ценности, и то, что важно для одного человека, может не быть важным для другого. Каждый человек уникален по-своему, сам наделяет свою жизнь определенным смыслом и выбирает для себя наиболее близкие его жизненной позиции ценности.

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении / А.Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1989. – 204 с. – ISBN 5-244-00264-3.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1988. – 589 с.

ББК 67.3

Анализ органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (на примере южного федерального округа)

К.К. Шибанова

Научный руководитель: П.В. Токарева
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Аннотация. Главной целью исследования является анализ исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации для выявления особенностей системы исполнительных органов, ее соответствие федеральным нормативно-правовым актам, а также целесообразность введения выделенных в системе органов. Методология научной работы включает в себя анализ регионального законодательства на примере Южного федерального округа. Результатом проведенного анализа является неполное соответствие системы органов исполнительной власти регионов федеральной системе исполнительных органов

Ключевые слова: органы исполнительной власти субъекта, система, анализ, региональное, федеральное, законодательство, соответствие

Analysis of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation (using the example of the southern federal district)

K.K. Shibanova

Scientific supervisor: P.V. Tokareva

Vyatka State University

Abstract. The main purpose of the study is to analyze the executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation in order to identify the features of the system of executive bodies, its compliance with federal regulations, and the expediency of introducing special bodies within the system. The methodology of the research includes an analysis of regional legislation based on the example of the Southern Federal District. The analysis revealed that the system of executive bodies in the regions does not fully comply with the federal system of executive bodies

Keywords: executive authorities of the subject, system, analysis, regional, federal, legislation, compliance

Исследование государственного управления в части обеспечения эффективной деятельности исполнительных органов власти способствует социально-экономическому развитию государства. Органы исполнительной власти в рамках вверенных им компетенций осуществляют полномочия и функции в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов, тем самым обеспечивая исполнение действующего законодательства страны.

Процесс изучения деятельности органов исполнительной власти наталкивает на ознакомление с системой и структурой исполнительных органов. Для дальнейшего понимания анализа необходимо определить разницу между структурой и системой органов исполнительной власти: структура органов представляет собой перечень утвержденных и действующих исполнительных органов, осуществляющих свои функции в установленной сфере деятельности. Система формирует взаимосвязь структурных элементов и определяет их подчинение высшим исполнительным органам. На государственном уровне подобное деление регламентирует Указ Президента № 314 от 09.03.2004 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [9]. Система федеральных органов исполнительной власти представлена 3 уровнями: Президент РФ, который не является самостоятельной частью исполнительной власти, однако возглавляет ее и является высшим должностным лицом, Правительство РФ является высшим органом исполнительной власти, иные органы исполнительной власти, представленные министерствами, агентствами и службами. Нормативно-правовой акт подталкивает на создание подобной системы и структуры органов в каждом субъекте страны. Однако, в рамках субъекта система и структура органов может отличаться от федерального устройства, что обеспечивается конкретными особенностями и потребностями субъекта. Региональное регулирование системы и структуры органов исполнительной власти осуществляется на основании указа Президента № 314 и Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ [11]. Согласно ст. 77 Конституции РФ – система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов

устанавливается субъектами РФ самостоятельно [3].

В исследовании главной целью определен анализ системы органов исполнительной власти на примере Южного федерального округа. Анализ позволит выявить соответствие регионального и федерального законодательства, обеспечит понимание системы органов исполнительной власти субъекта.

Южный федеральный округ включает в себя 8 субъектов, среди которых 1 город федерального значения и 1 край, 3 республики, 3 области. Для ознакомления с системой и структурой каждого органа был проведен анализ нормативно-правовых документов каждого субъекта. В рамках анализа нормативной базы было выявлено следующее:

1) высшим должностным лицом субъектов выступает Губернатор.

2) высшим исполнительным органом субъекта преимущественно выступает Правительство субъекта. Также, в качестве высшего исполнительного органа в некоторых субъектах выступают Администрация области, либо Администрация Губернатора, кабинет или Совет министров субъекта. По функциональным особенностям органов отличий нет.

3) иные органы исполнительной власти субъекта представлены в формах министерств, департаментов, служб, агентств, главного управления, управлений, комитетов, инспекций (табл. 1). В рассмотренных примерах данные органы не имеют четкого соотношения с органами исполнительной власти на федеральном уровне.

Таблица 1

**Анализ исполнительных органов Южного Федерального округа
[1, 2, 4, 5, 6, 7, 8,10]**

Субъект	Иные органы исполнительной власти			
	Министерство	Агентство	Служба	Иные органы
Государство	Министерство	Агентство	Служба	Иные органы
Республика Адыгея	Министерство Управления	Комитет	Комитет Государствен- ная инспекция	Представитель- ство
Республика Калмыкия	Министерство Служба Управление Агентства	Министерство Агентства Инспекция	Министерство Служба Агентства Инспекция	Администра- ция Главы Республики Аппарат Правительства
Республика Крым	Министерство Комитет	Комитет	Инспекция	Постоянное Представител- ство
Краснодарский край	Министерство Департамент	Инспекция Управление	Инспекция	Не выявлено
Астраханская область	Министерство	Агентство	Служба	Администра- ция Губернатора
Волгоградская область	Комитет	Комитет	Комитет Инспекция	Аппарат Губернатора Управление делами Администра- ции
Ростовская	Министерство	Департамент	Инспекция	Представитель-

область		Служба Комитет Инспекция	Управление	ство
г. Севастополь	Департамент Управление Главное управление	Департамент	Инспекция Главное управление	Не выявлено

*Источник: составлено авторами

Министерства способны осуществлять функции федеральных министерств, федеральных агентств и федеральных служб, что подразумевает вопрос о необходимости и целесообразности создания подобных органов, а также необходимость выделения дополнительных органов в рамках субъекта, которые будут осуществлять дублирующие функции.

В процессе проведения анализа сопоставимость региональных органов с федеральными органами исполнительной власти в некоторых субъектах осуществлялась посредством анализа конкретных структурных подразделений и органов исполнительной власти. такая ситуация обусловлена отсутствием в региональном законодательстве регламентированных функций органов исполнительной власти, их функций и полномочий.

Анализ нормативно-правовой базы показал, что полное соответствие указу Президента № 314 наблюдается у такого субъекта, как Астраханская область. В субъекте определена система, прямо идентичная системе органов исполнительной власти на федеральном уровне. Особенности прочих субъектов можно выделить следующее:

1) наличие субъектов, где функции федеральных исполнительных органов осуществляет один вид исполнительных органов (например, комитеты в Волгоградской области, министерства в Республике Калмыкия);

2) наличие субъектов, в которых функции государственных исполнительных органов осуществляют несколько организационных образований (например, в г. Севастополь функции федеральных министерств осуществляют департаменты, главное управление и управления). Подобная система исполнительных органов вызывает вопрос о целесообразности создания такого количества различных организационных единиц для выполнения идентичных функций в рамках субъекта округа.

Проведенный анализ исполнительных органов власти южного федерального округа показал, что существуют различные отличия регионального законодательства и федерального законодательства. Наличие многообразия органов исполнительной власти присутствует не только в категории иных органов, а также в части определения высшего исполнительного органа власти субъектов. Несмотря на подобные особенности системы органов исполнительной власти, функциональные характеристики данных органов остаются неизменными.

В рамках проведенного анализа округа Российской Федерации и сравнения полученных данных было определено нецелесообразное выделение большого количества организационных элементов в составе исполнительных органов власти, которые выделяются в рамках субъекта. Подобная ситуация создает условия неопределенности и недопонимания значимости конкретных органов в исполняемых ими функциях, например, при выделении такого элемента как комитеты, которые выполняют функции федеральных

министерств, служб и агентств ставит под сомнение необходимость выделения дополнительных органов, которые в свою очередь будут осуществлять те же функции, что и комитеты. Такое устройство системы исполнительных органов может создать неудобные условия для взаимодействия общества с данными органами, минимизацию этого взаимодействия, а равно снижение эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Для устранения выявленной проблемы предлагается следующее решение: учитывая особенности определения иных органов власти на федеральном уровне (федеральные министерства, федеральные агентства, федеральные службы), их функциональные особенности и порядок подчинения, необходимо выстроить подобную систему органов в рамках каждого субъекта Российской Федерации. Подобное упрощение позволит создать понятную и простую систему исполнительных органов, где каждый вид организационной единицы будет отвечать за определенные функции, не пересекаясь в процессе деятельности с другими органами.

Нормативно-правовая база публично-правовых образований постоянно изменяется, что приводит к совершенствованию законодательства и обновлению нормативно-правовых актов субъектов. Сокращение такой части регулирования исполнительной власти, как система исполнительных органов на законодательном уровне обеспечит упрощение понимания и регулирования деятельности органов, определение их функций и зоны ответственности. Упрощенная система позволит построить четкую иерархию подчинения органов и сопоставления отдельных видов органов с их функциональными особенностями.

Библиографический список

1. Закон Астраханской области «Устав Астраханской области» от 30.05.2022 № 22/2022-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2022 г. - № 3000202205300001

2. Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 // Газета «Ведомости Законодательного Собрания». - 1995 г. - с изм. и допол. в ред. от 22.02.2024.

3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 № 414 // Официальном интернет-портале правовой информации. - 2022 г. - № 0001202210060013. - с изм. и допол. в ред. от 01.07.2020.

4. Постановление Губернатора Волгоградской области «О системе и структуре исполнительных органов Волгоградской области» от 27.05.2022 № 309 // Газета «Волгоградская правда». - 2022 г. - № 66. - с изм. и допол. в ред. от 05.12.2022.

5. Постановление Губернатора Краснодарского края «О системе и структуре исполнительных органов Краснодарского края» от 01.12.2022 № 888 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2022 г. - № 2301202212080004. - с изм. и допол. в ред. от 24.10.2024.

6. Указ Главы Республики Калмыкия «О системе и структуре исполнительных органов Республики Калмыкия» от 26.01.2024 № 16 // Газета «Вестник правовых актов Правительства Республики Калмыкия и органов исполнительной власти Республики Калмыкия». - 2024 г. - № 10. - с изм. и допол. в ред. от 22.02.2024.

7. Указ Главы Республики Крым «О системе исполнительных органов Республики Крым» от 12.09.2024 № 243-У

8. Указ Губернатора Ростовской области «О системе и структуре исполнительных органов Ростовской области» от 14.09.2022 № 94 // Официальный интернет-источник правовой информации. - 2022 г. - № 6100202209150006. - с изм. и допол. в ред. от 10.02.2025.

9. Указ Президента РФ "О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти" от 09.03.2004 № 314 // Газета "Российская газета". - 2004 г. - № 48. - с изм. и допол. в ред. от 27.03.2023.

10. Устав города Севастополь от 14.04.2014 № 1-3С // Газета «Севастопольские известия». - 2014 г. - № 31 (1652). - с изм. и допол. в ред. от 30.12.2022.

11. Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 № 414 // Газета "Российская газета". - 2021 г. - № 294. - с изм. и допол. в ред. от 13.12.2024.

ББК 74.202.5

Инструктивные материалы как элемент технологии обучения в системе электронного обучения

Д.Д. Шойфер, В.Л. Тюканов, А.А. Машанов

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Сибирский институт бизнеса, управления и психологии»

Аннотация. В статье рассматривается проблема навигационной сложности систем электронного обучения в учреждениях дополнительного образования. Представлена технология разработки инструктивных материалов как дидактического средства в среде LMS Moodle с учетом психолого-педагогических особенностей обучающихся 9-18 лет

Ключевые слова: технология обучения, инструктивные материалы, LMS Moodle, электронное обучение, педагогический дизайн, дополнительное образование

Instructive materials as an element of learning technology in the electronic education system

D.D. Shoyfer, V.L. Tyukanov, A.A. Mashanov

Autonomous Non-profit Organization of Higher Education
"Siberian Institute of Business, Management and Psychology"

Annotation. The article deals with the problem of navigation complexity of e-learning systems in institutions of additional education. The technology of developing instructive materials as a didactic tool in the LMS Moodle environment is presented, taking into account the psychological and pedagogical characteristics of students aged 9-18 years

Key words: learning technology, instructive materials, LMS Moodle, e-learning, instructional design, additional education

Введение

Цифровая трансформация образования привела к широкому внедрению систем электронного обучения (LMS) не только в высших учебных заведениях,

но, и на других ступенях образования, включая учреждения дополнительного образования [9]. Однако, как показывает практика, наличие технологической платформы само по себе не гарантирует эффективности учебного процесса. Одной из ключевых проблем является сложность интерфейса и отсутствие понятной навигации для пользователей – как для педагогов, так и для обучающихся. Пользователи «теряются» в курсах, не понимают, как выполнять задания и отслеживать прогресс. Это противоречит задачам эффективного использования LMS в образовательном процессе, который в условиях дополнительного образования в значительной степени опирается на высокую мотивацию и самостоятельность учащихся.

В связи с этим актуальной становится задача разработки не просто контента, а полноценного методического обеспечения, ключевым элементом которого выступают инструктивные материалы, рассматриваемые нами как элемент технологии обучения. Цель данного исследования – представить технологию разработки и применения инструктивных материалов как элемента методического обеспечения в LMS Moodle для учреждений дополнительного образования.

Методическое обеспечение в контексте электронного обучения понимается как совокупность документов и средств, регламентирующих и поддерживающих образовательный процесс. Согласно нормативным документам (Письмо Минобрнауки № ВК-1013/06), образовательная организация должна разрабатывать инструкции для всех участников образовательного процесса [7]. В инструкциях должна быть представлена последовательность действий по входу в систему, поиску курсов, выполнению заданий, а также рекомендации по наполнению курсов для преподавателей (ссылка на литературу).

Базой для разработки таких инструктивных материалов выбран Красноярский краевой центр туризма и краеведения – учреждение дополнительного образования, реализующее программы для детей и молодежи в возрасте от 9 до 18 лет. Анализ контингента данной организации показывает, что основную массу обучающихся составляют подростки 13-18 лет; доля детей 9-12 лет относительно невелика [3].

Следовательно, при создании инструкций необходимо в первую очередь ориентироваться на психолого-педагогические особенности старшего подросткового возраста, но также учитывать и младшую возрастную группу. Анализ показал, что:

1. 9-12 лет: требуется максимальная наглядность, визуальные подсказки, игровые элементы [4].

2. 13-15 лет: важна четкая структура и логика, возможность быстро найти нужную информацию [1].

3. 16-18 лет: необходим функциональный минимализм и возможность самостоятельного освоения [6].

Исходя из этого, сформулированы следующие принципы разработки инструктивных материалов: наглядность (преобладание схем и скриншотов над текстом), последовательность изложения (разбивка действия на элементарные шаги), минимализм (только необходимая информация) и адаптивность (учет возрастных особенностей). Таким образом, разрабатываемый комплекс инструкций представляет собой не просто набор документов, а реализацию

конкретной технологии обучения, основанной на алгоритмизации и визуализации действий пользователя в цифровой среде.

На основе выделенных принципов спроектирован комплекс инструктивных материалов для LMS Moodle, состоящий из двух блоков.

Первая часть блока основана на навигации по системе:

- схема навигации по системе: визуальное отображение структуры курса и переходов между разделами;

- пошаговая инструкция «Как войти, найти курс и отправить задание»: содержит иконки и скриншоты, дублирующие интерфейс LMS Moodle;

- чек-лист прохождения курса: позволяет обучающимся самостоятельно отслеживать свой прогресс («Что сделано? Что осталось?»);

- карточки «Что делать, если...»: алгоритмы решения типичных проблем (не открывается тест, пропала кнопка «Отправить» и т.д.).

Вторая часть – работа с контентом (алгоритмы выполнения заданий) – для каждого типа заданий (лекция, тест, эссе, форум) разработана краткая визуальная инструкция, объясняющая критерии оценки и порядок действий. Особое внимание уделено единообразию визуального оформления: все инструкции выполнены в едином стиле, с использованием одинаковых иконок для однотипных действий.

Поскольку апробация разработанных материалов пока не проводилась, эффективность комплекса оценивалась на основе анализа теоретических источников и сложившейся практики создания подобных инструкций. В работах С. В. Акмановой, А. А. Андреева и других исследователей показано, что применение структурированных инструктивных материалов в LMS Moodle позволяет снизить количество технических обращений от обучающихся и сократить время освоения интерфейса [2]. Исследователи отмечают, что успешность самостоятельной работы в электронной среде напрямую зависит от наличия понятных методических указаний, а визуализация алгоритмов действий (скриншоты, схемы, иконки) значительно ускоряет формирование навыков навигации.

Разработанные материалы полностью соответствуют выделенным в теоретической части принципам (наглядность, последовательность изложения, минимализм, возрастная адаптация), что позволяет прогнозировать его высокую практическую значимость для работы в LMS Moodle учреждений дополнительного образования. Предложенный подход, при котором инструктивные материалы становятся не просто вспомогательным документом, а неотъемлемым элементом технологии обучения, создает предпосылки для:

- снижения тревожности учащихся при работе в незнакомой цифровой среде;

- сокращения времени на освоение интерфейса LMS;

- повышения самостоятельности обучающихся;

- высвобождения времени педагога для содержательной работы [2].

Заключение

Инструктивные материалы, рассматриваемые как элемент технологии обучения, играют ключевую роль в успешной реализации электронного обучения, особенно в дополнительном образовании, где высока доля самостоятельной работы. Разработанный комплекс, основанный на принципах

наглядности, последовательность изложения, минимализма и учета возрастных особенностей, создает необходимые предпосылки для повышения эффективности электронного обучения в учреждениях дополнительного образования. Дальнейшим направлением исследования является эмпирическая проверка разработанного комплекса в реальном образовательном процессе, включающая оценку динамики временных затрат, количества обращений за технической поддержкой и субъективного восприятия пользователей.

Библиографический список

1. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста [Электронный ресурс] : учебник и практикум для вузов / Т. П. Авдулова // Юрайт. – 2023. – С. 394. – URL: <https://library.dvfu.ru/lib/document/EBSUrait/67783AEA-F472-45E0-9431-E80A38C7BDB8/> (дата обращения: 05.04.2026).

2. Акманова, С. В. Особенности методического обеспечения электронного обучения слушателей по программам дополнительного профессионального образования / С. В. Акманова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metodicheskogo-obespecheniya-elektronного-obucheniya-slushateley-po-programmam-dopolnitelnogo-professionalного> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Красноярский краевой центр туризма и краеведения : [официальный сайт]. – 2026. – URL: <https://krstur.ru/> (дата обращения: 05.04.2026).

4. Кулагина, И. Ю. Психология детей младшего школьного возраста : учебник и практикум для спо. / И. Ю. Кулагина // Юрайт. – 2024. – С. 291. – URL: <https://ecat.mpgu.info/Опас/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:1333807/Source:default> (дата обращения: 04.04.2026).

5. Методические рекомендации по организации образовательного процесса с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий / Министерство образования и науки Республики Татарстан. – Казань, 2020. – С. 45 – URL: https://mon.tatarstan.ru/file/pub/pub_2397151.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

6. Молчанов С. В. Психология подросткового и юношеского творчества [Электронный ресурс] : учебник для вузов / С. В. Молчанов // Юрайт. – 2023. – С. 351. – URL: <https://library.dvfu.ru/lib/document/EBSUrait/616E8160-35BF-47DC-82B6-3E50AB44ADAA/> (дата обращения: 04.04.2026).

7. Письмо Министерства образования и науки РФ от 21.04.2015 г. № ВК-1013/06 «Методические рекомендации по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме». – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=275442> (дата обращения: 01.04.2026).

8. Руководство пользователя // Рувики : интернет-энциклопедия. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Руководство_пользователя (дата обращения: 04.04.2026).

9. Тюканов, В. Л. ЭИОС в цифровизации учреждения дополнительного образования [Электронный ресурс] : магистерская диссертация : 44.04.01 / В. Л. Тюканов // СФУ. – 2023. – URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/151380?show=full> (дата обращения: 01.04.2026).

10. Электронное обучение // Рувики : интернет-энциклопедия. – 2025. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Электронное_обучение (дата обращения:

03.04.2026).

ББК 71.149

«От «Ивана Васильевича» до «Мы из будущего»: путешествия во времени в отечественном кино как форма диалога с исторической памятью»

Н.Р. Яковлев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского»

Аннотация. В статье анализируется мотив путешествия во времени в отечественном кинематографе и драматургии, как особая форма диалога с исторической памятью и коллективной идентичностью. На материале пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич» и фильма А. И. Малюкова «Мы из будущего» рассматривается, каким образом фантастическое перемещение между эпохами используется для осмысления проблемы власти, исторической обусловленности человеческого поведения и ответственности перед прошлым. Показано, что, например у М. А. Булгакова временной «обмен» выявляет структурную повторяемость моделей и относительность легитимности власти, превращая комедию положений в форму скрытой историко-политической аналитики. В фильме «Мы из будущего» путешествие во времени приобретает нравственно-педагогическое измерение и становится инструментом трансформации героев фильма, сталкивающихся с травматическим опытом Великой Отечественной войны. Делается вывод, что в обоих произведениях фантастический мотив используется, как «машина памяти», принуждающая персонажей и зрителя к активной рефлексии над прошлым и переосмыслению настоящего

Ключевые слова. Путешествие во времени; историческая память; диалог эпох; коллективная идентичность; М. А. Булгаков; «Иван Васильевич»; власть и легитимность; политическая сатира; фильм «Мы из будущего»; Великая Отечественная война; конфликт поколений; нравственная трансформация; память и ответственность

From “Ivan Vasilyevich” to “We are from the future”: time travel in Russian cinema as a form of dialogue with historical memory

N.R. Yakovlev

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
“Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky”

Abstract. This article analyzes the motif of time travel in Russian cinema and drama as a distinctive form of dialogue with historical memory and collective identity.

Using the play “Ivan Vasilyevich” by M. A. Bulgakov and the film “We Are from the Future” by A. I. Malyukov as case studies, the article examines how fantastical travel between eras is employed to explore the issues of power, the historical conditioning of human behavior, and responsibility toward the past.

It is shown that, for example, in Bulgakov's play, the temporal “exchange” reveals the structural recurrence of patterns and the relative nature of the legitimacy

of power, transforming the comedy of situations into a form of covert historical and political analysis.

In the film “We Are from the Future,” time travel takes on a moral and pedagogical dimension and serves as a tool for the transformation of the film's protagonists, who are confronted with the traumatic experience of the Great Patriotic War.

The conclusion is that, in both works, the science-fiction motif is used as a “memory machine” that compels the characters and the audience to actively reflect on the past and reappraise the present

Keywords. Time travel; historical memory; dialogue between eras; collective identity; M. A. Bulgakov; “Ivan Vasilyevich”; power and legitimacy; political satire; the film “We Are from the Future”; the Great Patriotic War; generational conflict; moral transformation; memory and responsibility.

Мотив путешествия во времени в отечественной литературе нередко выходит за пределы фантастического допущения и становится способом осмысления травматического прошлого, проблемы власти, исторической памяти и идентичности. Такое обращение к времени неизбежно предполагает его неразрывную связь с пространством: в литературном произведении эти категории соотносятся на уровне повествовательной структуры, а в кинематографе их единство дополнительно усиливается визуальными средствами. Как отмечал М. М. Бахтин, в художественном тексте имеет место «неразрывность пространства и времени (время как четвёртое измерение пространства)» [1, с. 283], а само их слияние образует хронотоп, как формально-содержательную категорию литературы.

Художественное время может быть организовано по-разному: как линейное, отражающее поступательное движение от прошлого к будущему или реализующееся через ретроспекцию; как точечное, основанное на сопоставлении различных временных срезов; либо как циклическое, где начало и конец смыкаются. Для поздней классической и современной литературы характерно соединение, чередование и смешение этих форм, что определяется идейно-смысловым ядром произведения и авторской интенцией. При этом художественное время является условной категорией и может протекать неравномерно: ускоряться, замедляться или полностью останавливаться. Статическое описание героя или детали, как правило, замедляет течение повествования, тогда как последовательное изображение действия, напротив, усиливает его динамику. Подобные наблюдения соотносятся с выводом М. М. Бахтина о том, что в художественном хронотопе «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым», а пространство «втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1, с. 123].

Автор всегда обладает относительной свободой в обращении с временной организацией текста: он может начинать повествование с финала, середины или любого иного момента событий, не нарушая при этом объективной хронологии изображаемого мира. В этом смысле время, подобно пространству, существует в двух планах – событийном и авторском. Авторское время может оставаться статичным при объективном повествовании от третьего лица, однако при явном присутствии автора или повествователя оно способно двигаться синхронно с сюжетом либо независимо от него. Именно эта множественность временных

планов и формирует сложную хронотопическую структуру произведения.

Поскольку категории времени и пространства взаимно обуславливают друг друга, введённый М. М. Бахтиным термин «хронотоп» позволяет рассматривать их как единый смыслообразующий комплекс. Хронотоп формирует основу сюжета, определяет общее настроение произведения, влияет на динамику повествования, авторскую позицию и способы характеристики персонажей. Вместе с тем, как подчёркивал Ю. М. Лотман, специфика хронотопа во многом зависит от жанра и типа художественного мышления, поскольку «структура пространства текста... становится моделью структуры пространства вселенной» [3, с. 186]. В малых эпических формах хронотоп, как правило, локализован и конкретен, в крупных – охватывает обширные временные и пространственные пласты; лирика нередко обходится размытыми координатами («здесь и сейчас», «всегда и везде»), тогда как драма традиционно ориентирована на более жёсткие временные и пространственные рамки, которые, однако, в модернистской и постмодернистской эстетике могут становиться условными.

Таким образом, анализ мотива путешествия во времени целесообразно осуществлять через призму хронотопа, как универсального, но каждый раз индивидуально организованного художественного механизма, позволяющего выявить не только особенности временно-пространственной структуры текста, но и глубинные смысловые установки автора.

Пьеса Михаила Булгакова «Иван Васильевич» (1934–1936) и фильм Андрея Малюкова «Мы из будущего» (2008) представляют два разных подхода к этому мотиву: сатирически-иронический и нравственно-педагогический. Оба произведения используют временной «обмен» как инструмент активизации исторической памяти.

«Иван Васильевич»: путешествие во времени как комедия положений и скрытая сатира

Из-за сбоя в работе машины времени, созданной инженером Тимофеевым, происходит характерный для булгаковской фантастики «обмен» эпохами: московский управдом Бунша–Корецкий и жулик Милославский попадают в XVI век ко двору Ивана Грозного, а сам, настоящий царь Иван Васильевич, оказывается в советской Москве 1930-х годов. Эта коллизия создаёт прямое, почти физическое столкновение двух радикально разных исторических времён – советского «нынешнего» и «тогдашнего» опричного времени.

На поверхностном уровне пьеса (и особенно её знаменитая экранизация Л. И. Гайдая) работает, как комедия положений и фарс: абсурдные ситуации, языковые недоразумения, путаница идентичностей. Фильм «Иван Васильевич меняет профессию» (1973) Леонида Гайдая стал знаменитой кинокомедией, скорее, не за счет первоисточника – сатирической комедии М. Булгакова «Иван Васильевич» (1935) Это больше «смешная сатира». Режиссер глубоко переработал булгаковский фантастический сюжет середины 1930-х гг. на современный лад, превратив в свою версию причудливых событий, живой повседневности, перемешанных с историческими картинками, перелицовкой персонажей». Гайдай усилил визуальный юмор: это быстрая смена картин, эксцентрика, музыкальный ритм, комизм положений.

Однако за этим лёгким, почти водевильным слоем стоит серьёзный

философский и культурологический вопрос: может ли человек одной эпохи по-настоящему адаптироваться к культурным нормам, ценностям и поведенческим кодам другой? Насколько жёстко историческое время задаёт рамки человеческого поведения? Герои обеих эпох оказываются беспомощны в чужом контексте. Иван Грозный в коммуналке пытается царствовать и «казнить», Бунша в Кремле – управлять опричниной привычными бюрократическими методами. Каждый вынужден «проигрывать» роль, заданную его «родной» эпохой. Именно эта вынужденная игра обнажает условность всех исторических ролей и относительность представлений о «правильном» устройстве общества и власти.

В пьесе фигурируют два Ивана Васильевича – настоящий царь и «управдом-самозванец», что создаёт зеркальную пару «подлинный – неподлинный» царь. Возглас дьяка «Царь ненастоящий! Самозванец!» актуализирует тему легитимности власти, исторически важную для русского самосознания; два персонажа с одним именем становятся визуальной демонстрацией того, что власть – не личный предикат, а социальная роль.

Булгаков одновременно сатиризирует прошлое и иронизирует над своей современностью. Образ сурового, подозрительного, жестокого царя сочетается с критикой XVI века: (опричнина, казни, вороватые бояре, атмосфера всеобщего страха). С другой стороны, Булгаков беспощадно высмеивает советскую современность: коммунальный быт, бюрократию, радиопропаганду, антирелигиозные кампании, мелочность и доноительство, показывая, что любая эпоха производит собственные социальные «ритуалы».

Вывод прост: каждая эпоха порождает собственные формы отчуждения, ритуалы и абсурды. Разница между XVI и XX веками оказывается куда менее принципиальной, чем кажется на первый взгляд.

Два Ивана Васильевича (царь и Бунша) превращают путешествие во времени в зеркало. Абсолютная монархическая власть XVI века и мелкая административная власть советского управдома оказываются структурно похожими, что позволяет говорить о тягучести и повторяемости этих форм во времени. Параллель между опричниной и советскими репрессиями (которые в момент создания пьесы – начало 1930-х – уже набирали обороты) позволяет читателю-современнику Булгакова увидеть в исторической тирании XVI века отражение политических страхов.

Машина времени становится «машиной памяти». Изобретение инженера Тимофеева не просто переносит тела персонажей в иное время, но «выдёргивает» людей из привычного контекста, обнажая глубокую историческую обусловленность языка, жестов и привычек. Аппарат, вызывающий путешествие во времени, превращается в метафору медиации исторической памяти: машина заставляет персонажей (и зрителя) пережить и пересмотреть прошлое глазами настоящего, а настоящее – глазами прошлого. Это принудительное сопоставление времён делает память активной, конфликтной и болезненной.

Историческая параллель: опричнина и репрессии 30-х годов, как проблема политического контекста пьесы. Пьеса «Иван Васильевич» создавалась в контексте личной драмы Булгакова, художника, находившегося в сложных отношениях с советской властью (запреты на публикации, письмо правительству 1930 года,). Мотив путешествия во времени позволяет Булгакову

косвенно высказаться о вечном напряжении между автором-творцом и тиранической властью, маскируя актуальную критику исторической метафорой.

Ирония как форма исторического диалога. Через комический темпоральный переворот и буквальное столкновение двух времён, пьеса приглашает зрителя к рефлексии о том, что историческая память не однозначна, и каждое поколение видит и описывает прошлое в согласии со своими интересами.

Фильм «Мы из будущего»: нравственно-педагогическое путешествие в травму войны

Анализ фильма «Мы из будущего» логично продолжает линию, намеченную в анализе «Ивана Васильевича», но переносит путешествие во времени в совершенно иное пространство – в психологическое и нравственное измерение памяти о Великой Отечественной войне, в проблему конфликта поколений. Фантастика здесь становится способом серьёзного разговора о коллективной идентичности, ценности исторического опыта и цене преемственности.

Сюжет и структура путешествия. В основе фильма – путешествие из повседневности начала XXI века - в пространство сражений Великой Отечественной войны: четверо «чёрных копателей», занятых мародёрским поиском артефактов на месте боёв, через аномальное озеро переносятся в 1942 год и оказываются в реальном боевом подразделении. Как и у Булгакова, перемещение организовано, как внешне игровая, жанровая коллизия (приключенческое кино с элементами боевика и драмы), но само попадание в прошлое запускает серьёзное ценностное и экзистенциальное испытание для героев. Структура фильма чётко делится на «до» и «после»: циничное настоящее – шоковое погружение в войну – постепенная трансформация – возвращение с изменившимся взглядом на мир.

Озеро, как портал не объясняется научно – это мистический, почти сакральный элемент, символизирующий прорыв в подавленную или вытесненную коллективную травму. Как отмечают К. В. Игаева и Ф. В. Николаи, в постсоветском военном кинематографе 2000-х годов такие мистические мотивы часто служат для активной ремедиации – тиражировании старых сюжетов и клише новыми способами, переносе их в новые медиаформаты. Ремедиация использует в качестве исходных материалов любые медиа: литературу, художественные, анимационные фильмы и компьютерные игры, – извлекая эффект новизны скорее от технической или визуальной обработки и переноса в новый формат, а не от содержательного или структурного переосмысления нарратива. [2, с. 203].

Также путешествие во времени здесь выступает не столько научно-фантастическим, сколько нравственно-педагогическим приёмом: зритель вместе с персонажами пересматривает отношение к войне, которая для героев сначала была лишь источником заработка и фоном массовой культуры.

Конфликт поколений и трансформация героя. Исходная позиция персонажей – демонстративное безразличие к исторической памяти: они относятся к полю боя, как к складу металлолома и сувениров, не связывая находки с судьбами конкретных людей. Погружение в прошлое радикально меняет оптику взгляда: непосредственный опыт фронта – вид ранений и

смерти, страх, чувство долга перед товарищами – разрушают циничную дистанцию и заставляют героев признать войну не «сюжетом из учебника», а живой, травматичной реальностью.

Особое значение имеет постепенное «врастание» героев в солдатский коллектив: они принимают правила фронтовой общности, учатся подчинению и взаимовыручке, переживают личные привязанности (включая любовную линию одного из персонажей), что символизирует возвращение к корням и обретение национальной и человеческой идентичности через опыт общих испытаний.

Мотив памяти и долга. Как и машина времени у М. А. Булгакова, таинственное озеро и само «переключение» эпох в фильме функционируют, как метафора работы памяти: персонажи буквально проваливаются в то прошлое, которое в начале картины было для них неопределенно и незначимо. Присутствие персонажей в 1942 году связано с невыполненным обещанием вернуть матери солдата личную вещь пропавшего сына-красноармейца, превращая путешествие во времени в испытание на верность слову и уважение к мёртвым.

Это не случайный сюжетный ход – это центральный нравственный узел: герои не могут вернуться, пока не выполнят долг перед памятью конкретного человека, а через него – перед всем поколением.

Возвращение в будущее оказывается, возможно, только после того, как герои принимают на себя ответственность за память: они не только стремятся выполнить обещание, но и внутренне признают цену жертвы фронтовиков, что проявляется в изменённом отношении к войне и ветеранам по возвращении в своё время.

Например, В. В. Марусенков подчеркивает, что киноленты о Великой Отечественной войне представляют собой нечто гораздо большее, чем просто художественные произведения или ностальгические воспоминания о прошлом. Они несут в себе глубокую историческую миссию, выполняя роль живого моста между поколениями. Эти фильмы становятся хранителями памяти – бережно сохраняя для потомков образы и подвиги тех, кто пожертвовал собой ради нашего будущего; эмоциональными документами – передавая не сухие факты, а подлинные человеческие переживания военных лет; предостережением – наглядно демонстрируя, какой страшной ценой досталась победа; уроком человечности – показывая, как в самых бесчеловечных условиях люди сохраняли достоинство и доброту. [4, с. 275].

Историческая память и идеология. Фильм «Мы из будущего» вписывается в широкий контекст постсоветского осмысления Великой Отечественной войны, как центрального «места памяти» национальной идентичности, которая конструирует коллективные представления о прошлом. Через сопоставление комфортного, потребительского настоящего и сурового времени войны, фильм артикулирует тезис о неразрывной связи поколений: без сохранения исторической памяти и уважения к подвигу предков будущее нации оказывается морально лишённым опоры.

При этом картина не сводится к агитационному пафосу: акцент на личной трансформации, сомнениях и страхах героев позволяет показать память не как готовый официальный миф, а как болезненный, но необходимый процесс освоения истории каждым человеком.

Диалог с «Иваном Васильевичем». Если у Булгакова временной

«обмен» выявляет структурное сходство тиранических моделей власти и их воспроизводимость, то в «Мы из будущего» путешествие во времени обнажает иные ритуалы эпохи – фронтовое братство, готовность к самопожертвованию, повседневную этику войны.

В обоих произведениях персонажи чужой эпохи не могут остаться нейтральными: столкновение с прошлым принуждает их либо принять заданную роль, либо переосмыслить собственное настоящее, превращая фантастический мотив в инструмент разговора об ответственности за историю и границах исторической памяти.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1986. – 543 с.

2. Игаева, К. В., Николаи Ф. В. Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе: проблемы ремедиации / К. В. Игаева, Ф. В. Николаи // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 7. – С. 197–211.

3. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь : книга для учителя / Ю. М. Лотман. – Москва : Просвещение, 1988. – 352 с.

4. Марусенков, В. В. Визуальная репрезентация Великой Отечественной войны в современном кинематографе как базовая структурная модель духовно-нравственных ориентиров общества / В. В. Марусенков // Вестник ВГИК. – 2025. – № 2 (64). – С. 271–287.

ББК 87.22 + 87.6

Антропный принцип единства: совместимо ли единство народов с экзистенциалистским тезисом «Человек обречён на свободу»

Р.Л. Яруллина, А.А. Мукминова, А.Д. Бареев, Э.Б. Реджепов, С.Р. Гаязова
ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»

Аннотация. В статье анализируется возможность совмещения антропного принципа единства народов с фундаментальным положением экзистенциализма о свободе как онтологическом принуждении. Авторы приходят к выводу, что подлинное единство возможно только как свободный выбор, а не как внешняя необходимость

Ключевые слова: антропный принцип, единство народов, экзистенциализм, свобода, Сартр, обречённость на свободу, коллективная идентичность

The anthropic principle of unity: is the unity of peoples compatible with the existentialist thesis “Man is condemned to be free”

R.L. Yarullina, A.A. Mukminova, A.D. Bareev, E.B. Rejepov, S.R. Gayazova
Kazan State Medical University

Abstract. The article analyzes the possibility of combining the anthropic principle of the unity of peoples with the fundamental existentialist proposition of freedom as an ontological coercion. The authors conclude that authentic unity is possible only as a free choice, not as an external necessity

Key words: anthropic principle, unity of peoples, existentialism, freedom, Sartre,

Проблема соотношения коллективного единства и индивидуальной свободы принадлежит к числу фундаментальных вопросов социальной философии. Особую остроту она приобретает при попытке совместить два, казалось бы, разнонаправленных интеллектуальных течения: современные концепции антропного принципа единства народов (АПЕН), постулирующие глубинное родство человеческих культур, и классический экзистенциалистский тезис Жан-Поля Сартра о том, что «человек обречён на свободу». На первый взгляд, единство требует ограничения произвола и подчинения общим ценностям, тогда как экзистенциалистская свобода радикальна, ситуативна и не терпит внешних оснований. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что антагонизм этих идей является мнимым: подлинное единство народов невозможно без свободы, а свобода, понятая экзистенциалистски, с необходимостью отсылает к Другому и к коллективному выбору. Цель данной статьи - показать, что при корректной интерпретации обоих понятий между ними не только нет противоречия, но и существует продуктивное напряжение, способное обогатить философию межнационального согласия.

Для начала необходимо прояснить, что понимается под антропным принципом единства народов. В отличие от одноимённых принципов в космологии, здесь речь идёт не о физических константах, а о социально-антропологическом законе: условия существования человеческих сообществ таковы, что они с необходимостью порождают механизмы солидарности и взаимного признания, без которых невозможно выживание вида. Человек, в отличие от животного, не обладает видовой предопределённостью; его выживание всегда опосредовано культурой, языком и коллективными действиями. Именно поэтому АПЕН утверждает, что единство не навязывается извне какой-либо внешней силой (государством, идеологией или исторической судьбой), а скрытно содержится в самой структуре человеческого бытия-с-другими, которое Мартин Хайдеггер обозначил термином *Mitsein*. Мы всегда уже находимся в отношении с другими людьми и другими народами, даже если это отношение носит характер конфликта или отрицания. Более того, единство в рамках АПЕН понимается не как фактическая слитность, стирающая все различия, а как проект, требующий постоянного свободного усилия. Разные народы не должны становиться одинаковыми - напротив, их единство возможно именно как единство различного, как диалог, в котором каждая сторона сохраняет свою субъектность. Таким образом, АПЕН изначально не предполагает насилия над свободой; он лишь констатирует, что человек не может быть абсолютно одиноким в своём бытии, и эта неустранимая укоренённость в интерсубъективном поле и есть то самое «принуждение к единству», которое, однако, оставляет пространство для выбора его формы.

Теперь обратимся к экзистенциалистскому тезису, который, на первый взгляд, выглядит прямой противоположностью всякого коллективного долженствования. Сартровская формула «*l'homme est condamné à être libre*» - «человек обречён на свободу» - означает, что свобода не является благом или свойством, которым можно обладать или не обладать по желанию. Свобода - это онтологическое бремя, от которого невозможно отказаться, даже если человек пытается спрятаться за чужими мнениями, традициями или социальными

ролями, этот самообман Сартра называет *mauvaise foi* - «недобросовестность». Слово «обречён» указывает на три взаимосвязанных момента: во-первых, свобода не выбирается - она дана вместе с самим фактом существования; во-вторых, человек полностью ответственен за все свои поступки, поскольку нет никакой предустановленной человеческой природы, которая могла бы служить оправданием; в-третьих, отсутствие внешних оправданий (Бога, сущности, исторического закона или природных инстинктов) делает свободу травматичной, пугающей, но именно в этом страхе перед собственной безграничной ответственностью рождается подлинное существование. Из этого вытекает важнейшее следствие для нашей темы: любая форма коллективного единства, если она претендует на подлинность, должна быть результатом свободных выборов каждого участника, а не следствием традиции, принуждения или «объективных законов истории». Экзистенциализм решительно отвергает единство как органическую слитность, подобную той, которую воспевал романтический национализм XIX века, где личность полностью растворяется в «народном духе». Однако, и это ключевой момент, экзистенциализм вовсе не отрицает единство как таковое - он отрицает единство, основанное на несвободе, и допускает - более того, в поздних работах Сартра требует - единство как проект, постоянно возобновляемый в свободе и через свободу.

На первый взгляд, конфликт между АПЕН и экзистенциалистской свободой остаётся очевидным: первый делает акцент на необходимости единства для выживания и развития человечества, второй видит в любой необходимости, кроме самой свободы, угрозу подлинности человеческого существования. Однако более глубокий анализ показывает, что это противостояние снимается, если мы правильно поймём статус самой «необходимости» в антропном принципе. АПЕН, понимаемый не как объективный закон природы, который действует помимо воли людей, а как экзистенциальный вызов, оказывается не только совместим с тезисом Сартра, но и требует его для своего полного осуществления. Действительно, если человек обречён на свободу, то он также обречён на выбор своего отношения к Другому и к коллективу. Выбирать не выбирать единство невозможно, поскольку даже отказ от единства (изоляция, ксенофобия, добровольная самоизоляция народа) есть определённый способ существования в интерсубъективном поле - способ, который также является свободным выбором и за который человек несёт полную ответственность. Более того, Сартр в своей поздней, менее известной широкой публике работе «Критика диалектического разума» признаёт, что свобода реализуется только внутри так называемых «практических ансамблей» - групп, коллективов, классов. Одинокая свобода, свобода Робинзона на необитаемом острове, вырождается в абсурдный произвол, лишённый всякого смысла, поскольку смысл рождается только в отношении к Другому. Парадоксальным образом «обречённость на свободу» обрекает человека и на поиск единства с другими: мы не можем не выбирать, и мы не можем выбирать в полной изоляции, потому что сам язык, на котором мы формулируем наш выбор, является интерсубъективным феноменом. Единство народов в этом контексте предстаёт не как ограничитель свободы, а как условие осмысленного свободного выбора: только сталкиваясь с другим народом, с его ценностями, историей и языком, народ получает возможность выбрать себя подлинным образом.

Сходную, хотя и не всегда прямо выраженную, логику можно обнаружить у

других мыслителей экзистенциального направления. Карл Ясперс в своей знаменитой работе «Истоки истории и её цель» вводит понятие «осевого времени» - уникального периода (примерно VIII–II века до н.э.), когда независимо друг от друга в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции возникают сходные философские и религиозные прозрения о сущности человеческого бытия. Ясперс утверждает, что это удивительное совпадение не является случайным: оно указывает на глубинное единство человеческой истории, которое, однако, не дано раз и навсегда, а каждый раз заново открывается в свободе. Единство человечества, по Ясперсу, не есть результат завоевания, торговли или глобализации - это общий духовный источник, к которому каждый народ должен прийти самостоятельно, свободным актом самопознания. Это почти буквальное соответствие антропному принципу единства, укоренённому в свободе: единство не навязывается сверху, а вырастает снизу, из свободного духовного усилия. У Хайдеггера, несмотря на его печально известные политические заблуждения, понятие «события» (Mitsein) также указывает на то, что подлинное существование (Eigentlichkeit) не изолирует человека от других, как можно было бы подумать, исходя из популярных интерпретаций «Бытия и времени». Напротив, подлинное существование открывает возможность подлинного совместного бытия с другими - такого, где единство не усредняет индивидуальность, а, наоборот, высвечивает её, поскольку только на фоне Другого моё собственное «Я» обретает отчётливые очертания.

Против предложенной трактовки можно выдвинуть два серьёзных возражения, которые необходимо рассмотреть. Первое: экзистенциализм, особенно в его сартровском варианте, глубоко индивидуалистичен и поэтому не способен обосновать устойчивые социальные институты, необходимые для реального единства народов - такие как общий язык, правовое пространство, экономические связи и системы образования. На это следует ответить, что институты вполне могут пониматься как результат «застывшей свободы» - по аналогии с сартровским понятием объективации, когда свободный проект, будучи реализованным, превращается в инертный социальный факт. Задача философии и политической практики заключается не в том, чтобы отменить эти институты как «ограничители свободы», а в том, чтобы постоянно возвращать их к исходному свободному выбору, не давая им окостенеть в форме внешнего принуждения. Подлинное единство народов - это не раз навсегда установленный порядок, а непрерывный процесс пересогласования, в котором каждый новый шаг совершается свободно. Второе возражение выглядит более серьёзным: антропный принцип единства часто предполагает некий телеологический вектор - например, движение к глобальному гражданскому обществу или к объединению человечества перед лицом общих угроз (экологических, технологических, военных). Экзистенциализм же, как известно, отрицает любую объективную телеологию: у истории нет цели, у человечества нет заранее предначертанного пути. Однако АПЕН в нашем понимании не телеологичен, а «экзистенциально-фактичен». Единство не есть цель, к которой народы медленно и мучительно идут на протяжении тысячелетий. Единство - это всегда уже подразумеваемое условие осмысленного выбора. Народы не становятся едиными в результате исторического прогресса; они уже находятся в ситуации взаимной обречённости друг на друга - обречённости, аналогичной сартровской

обречённости на свободу. И свобода лишь позволяет эту ситуацию принять (в форме солидарности) или отвергнуть (в форме изоляции и вражды), но не отменить её.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что антропный принцип единства народов и экзистенциалистский тезис «человек обречён на свободу» не только совместимы, но и взаимно предполагают друг друга - при условии, что единство трактуется не как внешнее принуждение или органическая слитность, а как экзистенциальный проект, постоянно возобновляемый в свободе. Свобода без единства вырождается в абсурдный произвол и одиночество, где никакой выбор не имеет значения, потому что некому и не перед чем этот выбор оправдать. Единство без свободы, напротив, вырождается в тоталитарную фальшь - в навязанную извне «дружбу народов», за которой скрывается насилие и подавление подлинной субъектности. Подлинное единство народов возможно лишь тогда, когда каждый человек и каждый народ сознательно, свободно и ответственно - то есть именно так, как того требует сартровская «обречённость на свободу» - выбирают солидарность перед лицом общечеловеческих вызовов. Такой выбор не имеет внешних гарантий, он всегда рискован и всегда обратим, но именно эта рискованность и обратимость делают его подлинно человеческим. Таким образом, экзистенциализм предлагает не альтернативу единству, а его этически выверенную форму - единство, которое не дано, а задано, не унаследовано от предков, а выбрано здесь и сейчас, не терпит насилия, но терпит и даже требует свободы. В этом смысле антропный принцип единства получает своё подлинное завершение в экзистенциалистском понимании человеческой реальности как реальности, всегда уже брошенной в мир других свобод.

Библиографический список

1. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. В. В. Рынкевича. - Москва : Высшая школа, 1993. - 175 с.
2. Сартр Ж.-П. Критика диалектического разума / пер. с фр. Е. Д. Плеханова. - Москва : Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. - 799 с.
3. Ясперс К. Истоки истории и её цель / пер. с нем. М. И. Левиной. - Москва : Республика, 1994. - 527 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. - Москва : Академический проект, 2013. - 460 с.
5. Левинас Э. Время и другой / пер. с фр. А. В. Парибка. - Санкт-Петербург : Высшая религиозно-философская школа, 1998. - 265 с.

ББК 32.973.26-018.2

Сравнительный анализ алгоритмов сортировки: в поисках идеала

Д.О. Ярышкин, А.В. Матыцин, Л.В. Гаев

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Аннотация. В представленной работе рассматривается классическая дилемма выбора метода сортировки. Сравнили теоретические значения о скорости работы алгоритмов с реальными значениями. Основной вывод заключается в том, что «идеального» алгоритма не существует, а выбор всегда зависит от конкретных вводных условий. В статье проанализированы компромиссы между скоростью, потреблением памяти и стабильностью

популярных методов сортировки

Ключевые слова: алгоритмы сортировки, временная сложность, Quick Sort, стабильность алгоритма, использование памяти

Comparative analysis of sorting algorithms: in search of the ideal

D.O. Yaryshkin, A.V. Matytsin, L.V. Gaev

Lipetsk State Technical University

Abstract. The presented work considers the classic dilemma of choosing a sorting method. The theoretical values of the algorithms' speed were compared with the real values. The main conclusion is that there is no "perfect" algorithm, and the choice always depends on specific input conditions. The article analyzes the trade-offs between speed, memory consumption, and stability of popular sorting methods

Keywords: sorting algorithms, time complexity, Quick Sort, algorithm stability, and memory usage

Введение. В программирование алгоритмы сортировки широко применяются. От того как быстро мы сможем упорядочить массив на прямую зависит отзывчивость программ и поисковых систем, а также работы баз данных. На первый взгляд, кажется, что за время существования IT должны были придумать идеальный алгоритм сортировки. Но, к сожалению, этому препятствует множество пересекающихся между собой факторов. На данный момент в большинстве программ используют не один универсальный метод, а гибридные решения. Разберемся в особенностях современных алгоритмах и поймем, как выбирать оптимальный алгоритм под характеристики системы.

Группа базовых алгоритмов. Поиск причин почему мир программирования до сих пор не пришел к единому стандарту сортировки стоит начать с основ. Речь идет об алгоритмах с квадратичной сложностью $O(n^2)$ – всеми известными методах «пузырька», выбора и вставок [1]. Несмотря на то, что в учебниках их часто называют неэффективными, на малых объемах данных они показывают себя вполне достойно

Их главная проблема – катастрофическое замедление при росте массива. Тем не менее, списывать их со счетов нельзя. Например, сортировка вставками демонстрирует поразительную скорость на почти упорядоченных массивах, обходя даже сложные методы [4]. А сортировка перемешиванием эффективно решает проблему маленьких значений в конце списка, которые обычно «пузырек» тащит в начало слишком долго.

Масштабируемость. Как только мы переходим к серьезным объемам данных, тут уже появляются методы со сложностью $O(n \log n)$. Здесь традиционно лидирует Quick Sort (быстрая сортировка). В большинстве тестов она оказывается быстрее всех, но у нее есть коварный изъян: если неудачно выбрать опорный элемент на уже отсортированных данных, алгоритм «деградирует» до $O(n^2)$ [2].

В качестве надежной альтернативы выступает сортировка слиянием. Она гарантирует стабильное время работы вне зависимости от того, в каком порядке перемешаны числа. Однако за эту предсказуемость приходится платить «железом»: алгоритму жизненно необходима копия массива, что создает лишнюю нагрузку на оперативную память.

Баланс между скоростью и ресурсами. Если нужно найти золотую середину, стоит обратить внимание на алгоритм Шелла. По сути, это глубокая модернизация метода вставок. Сначала он сравнивает элементы больших дистанций, постепенно их сокращая. Эксперименты показывают, что такой подход позволяет обогнать ту же шейкерную сортировку в 30–40 раз на массивах в 1000 элементов [5]. Это делает метод Шелла незаменимым для микроконтроллеров и встраиваемых систем, где память критично мало, а скорость «пузырька» уже не устраивает.

Заключение. Из проанализированных данных можно выделить три ключевых фактора препятствующие созданию универсального алгоритма. Это зависимость от структуры данных, затраты памяти и стабильность в скорости сортировки. Из-за этих факторов и не получится создать идеальный алгоритм так как лучшее решение в одном из этих препятствий является проблемой в других.

Исходя из этого можно понять, что создать алгоритм, который работал, как и на почти отсортированных массивах и на больших одинаково с идеальной стабильностью, не занимая много места невозможно, так как преимущество в одном из пунктов является ограничением остальных.

Библиографический список

1. Балаев М.О. Исследование сложности и сравнение скорости алгоритмов сортировки методами пузырька, простого выбора, простых вставок / М. О. Балаева, Ю.А. Кальгин, Д. А. Погорелов // Международная научно-практическая конференция. – Москва: МГТУ им Н. Э. Баумана. - 2021.– С. 1–12.

2. Гылычдурдыева Ч. Г. Сравнение алгоритмов сортировки: анализ эффективности / Ч. Гылычдурдыева, Д. Ёмудова, А. Репова, М. Мамметдурдыев. // Наука и мировоззрение: научный журнал. – Ашхабад: Международный университет нефти и газа имени Яшыгелди Какаева, 2024. - С. 1-7.

3. Кнут, Д. Э. Искусство программирования : в 3 т. Т. 3 : Сортировка и поиск / Д. Э. Кнут ; под общ. ред. Ю. В. Козаченко ; пер. с англ. В. Т. Тертышного (гл. 5), И. В. Красикова (гл. 6). — 2-е изд. — Москва: Вильямс, 2018. — 832 с.

4. Николаенко М. А. Сравнительный анализ алгоритмов быстрой сортировки и алгоритма сортировки слиянием / М. А. Николаенко, А. В. Иваницкий, О.Г. Гребенник // Теория и практика современной науки. – 2015. - №6 (6). – С. 934–936.

5. Прохоренко В. В. Сравнительный анализ времени выполнения сортировки по алгоритму Шелла, гномьей сортировки и сортировки перемешивания / В.В Прохоренко, Д.А. Погорелов, А.С Кострицкий // XI Международная научно-практическая конференция «Инновационные аспекты развития науки и техники». – Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2021. – С. 121–124.

К вопросу о законодательном регулировании права судебного пристава-исполнителя на оспаривание сделок должника

Д.В. Яськин

Научный руководитель: Т.И. Нестерова

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование оспаривания сделок по иску судебного пристава-исполнителя. Были рассмотрены законопроекты, в которых предлагалось наделить судебного пристава возможностью требовать в судебном порядке признания сделок должников недействительными. Автором определены причины, по которым эти законопроекты не были реализованы

Ключевые слова: исполнительное производство, оспаривание сделок должника, полномочия судебного пристава-исполнителя

On the issue of legislative regulation of the bailiff's right to challenge the debtor's transactions

D.V. Yaskin

Academic supervisor: T.I. Nesterova

National Research Mordovia State University

Abstract. This article examines the legal regulation of challenging transactions based on a claim filed by a bailiff. Bills proposing to empower bailiffs to demand that debtors' transactions be declared invalid in court were reviewed. The author identifies the reasons why these bills were not implemented

Keywords: enforcement proceedings, contesting the debtor's transactions, powers of a bailiff

На эффективность исполнительного производства влияет возможность обращения взыскания на активы должника. Тем не менее, недобросовестные должники прибегают к выводу имущества, совершая сделки с третьими лицами. В судебной практике и научной литературе подобные действия должников с третьими лицами определяют как «освободительные сделки» [1]. Возврат отчужденного имущества возможен с помощью признания сделки должника недействительной.

Важное значение для реализации требований исполнительных документов имеет деятельность судебного пристава-исполнителя. Однако вопрос о наличии у судебных приставов такого права рассматривался только судами, так как его нормативное регулирование отсутствует. Изначально, в судебной практике преобладала позиция, согласно которой судебные приставы-исполнители не вправе оспаривать сделки должников по выводу активов [4]. Определенность по данному вопросу была достигнута посредством правового толкования, закрепленного в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 77-КГ17-7. Оно утвердило подход, согласно которому судебный пристав-исполнитель выступает как субъект, обладающий охраняемым законом интересом, в признании сделки недействительной [2].

Отсутствие в отечественном законодательстве норм, которые предусматривают право судебного пристава-исполнителя оспаривать сделки, приводит к проблемам в его реализации. Ранее уже предпринимались попытки предоставить это полномочие органам принудительного исполнения. В связи с этим необходимо рассмотреть попытки нормативного регулирования права судебного пристава оспаривать сделки, которые предпринимались, но не были реализованы, а также установить причины этого.

Впервые ввести право судебного пристава на оспаривание сделок должника предложено в проекте Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011-2020 годы), разработанной в 2011 году Минюстом России при участии ФССП России. Однако это предложение не было поддержано [3].

Первым законопроектом, в котором предлагалось наделить судебного пристава-исполнителя правом оспаривания сделок был проект Федерального закона № 711269-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве». Он предусматривал, что судебный пристав должен провести мероприятия по выявлению сделок должника, сообщить полученную информацию взыскателю и провести мероприятия по обжалованию указанных сделок. В качестве главного недостатка этого законопроекта Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства указывал отсутствие условий, при наличии которых судебный пристав-исполнитель и взыскатель могут использовать внеконкурсное оспаривание сделок в исполнительном производстве. В дальнейшем этот законопроект был отозван.

Следующий законопроект, который 19.04.2022 подготовило Министерство Юстиции РФ, предусматривал включение в перечень исполнительных действий права органов принудительного исполнения обращаться в суд с заявлением о признании сделки с имуществом должника недействительной, закрепив его в статье 64 Закона об исполнительном производстве. Однако данный законопроект не был направлен в Государственную Думу Федерального Собрания.

Далее этот вопрос затрагивался в проекте федерального закона № 451178-8, в котором для признания сделки недействительной, совершенной с целью предотвращения взыскания на имущество, иск мог быть предъявлен судебным приставом-исполнителем, если исполнительный документ содержал требование взыскании алиментов с должника, включенного в реестр по алиментным обязательствам. Это законопроект не был поддержан Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и также не был реализован.

Рассмотренные законопроекты имели как положительные стороны, так и недостатки, из-за которых они не были приняты.

Положительным моментом этих законопроектов является сам факт наделения приставов полномочиями по оспариванию сделок, что позволит повлиять на возможность судов отказывать в удовлетворении их требований, ссылаясь исключительно на отсутствие соответствующих норм в законодательстве. Вместе с тем, существенным недостатком законопроектов выступает отсутствие определенного круга обстоятельств, при которых судебный пристав вправе оспорить сделки. Данный правовой пробел может

привести к необоснованному вмешательству в гражданский оборот и ущемлению интересов добросовестных участников правоотношений.

Таким образом, наделение судебного пристава правом на оспаривание сделок должника позволит устранить препятствия при обращении в суд, но без детализации условий права на иск это приведет к возникновению новых правовых пробелов, которые потребуют дополнительных изменений. В связи с этим необходимо определить условия для реализации судебным приставом права требовать признания сделок должников недействительными в судебном порядке.

Библиографический список

1. Гуреев В.А. К вопросу признания «освободительных договоров» мнимыми и притворными сделками // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2014. №4. С.32-34.

2. Гусаков С.Ю. Обзор позиций Верховного Суда РФ по вопросам исполнительного производства, выраженных в 2017 году // Практика исполнительного производства. 2017. № 2. С.6-11.

3. Ярков В.В. Размышления о сути исполнительного производства (сквозь призму проекта Долгосрочной программы повышения эффективности исполнения судебных решений (2011—2020 годы) // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 8 - 11 июня 2011 г. М.: Статут. 2011. С.176-186.

4. Шайхутдинов Е.М. Некоторые проблемы оспаривания сделок по отчуждению имущества, на которое могло быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2017. С.85-90.

Содержание

1. **Применение технологий виртуальной реальности для физической и психологической реабилитации спортсменов**
Павлова А.А., Тесленко А.С.
Научный руководитель: Шмыгельский И.А. 3
2. **Влияние цифровизации налогового администрирования на уровень добровольной уплаты налогов**
Петров Д.В.
Научный руководитель: Якубенко Г.А. 6
3. **Изменения в часть четвертую Гражданского кодекса РФ: перспективы влияния на судебную практику**
Полтораднева Д.И.
Научный руководитель: Донец Н.А. 10
4. **Влияние технологий искусственного интеллекта на развитие архитектуры внутренней памяти ЭВМ**
Пономарева Е.А., Матыцин А.В., Гаев Л.В. 15
5. **Особенности национального режима при осуществлении закупок программного обеспечения для государственных и муниципальных нужд**
Потибенко К.В.
Научный руководитель: Тимошин Д.И. 18
6. **Управленческий учет в бюджетировании деятельности предприятия в современных условиях**
Предит М.Б.
Научный руководитель: Петров М.Б. 22
7. **Экономика и менеджмент на предприятии**
Путято Э.Е.
Научный руководитель: Маркевич О.П. 26
8. **Методы мониторинга и профилактики девиантного поведения в интернете**
Равковская Е.Е.
Научный руководитель: Машанов А.А. 33
9. **Особенности тактики назначения дополнительных судебных компьютерно-технических экспертиз следователем**
Растяпина А.П.
Научный руководитель: Винниченко А.С. 37
10. **Влияние кинематографа на формирование образа я у девушек юношеского возраста**
Ращупкина З.Д., Манченко А.И.
Научный руководитель: Козловская В.А. 41
11. **Влияние технологической безработицы на социальную и экономическую безопасность в эпоху искусственного интеллекта**
Ремизова А.А.
Научный руководитель: Новичкова А.В. 46
12. **Особенности профессионального эмоционального выгорания в**

- различных профессиях (на примере местного и приезжего населения города Норильск)**
Ретюнская А.А.
Научный руководитель: Дулинец Г.Г. 49
13. **Мониторинг психомоторных реакций юных волейболистов с использованием цифровых технологий**
Ржанов А.А. 57
14. **Интеграция систем искусственного интеллекта в практическую деятельность специалиста коррекционного профиля**
Рудакова А.В., Перепёлкина С.А. 59
15. **Презумпция невиновности в уголовном процессе в цифровой эпохе: вызовы и пути решения**
Рудько М.П.
Научный руководитель: Хасанова С. Г. 64
16. **Особенности работы с запросом о нехватке ресурсов в психологическом консультировании**
Свириденко Л.Е.
Научный руководитель: Дулинец Г.Г. 68
17. **Адаптивные образовательные системы: текущее состояние, проблемы и перспективы развития**
Сиденко В.Г., Щеховцева Т.М. 71
18. **Физическая грамотность, как инструмент против цифровой зависимости: интеграция в уроки для формирования пожизненной идентичности движения**
Сидорченко Д.А.
Научный руководитель: Третьяков А.С. 77
19. **Стоическая доктрина как система формирования жизнестойкости личности**
Симагина Е.В.
Научный руководитель: Козловская В.А. 84
20. **Наставничество офицеров-воспитателей СВУ как управленческая задача подготовки кадров**
Синицын В.Ю., Остыловская О.А. 89
21. **Перспективы реализации Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года в современных реалиях**
Сиротина А.М., Попова А.Е.
Научный руководитель: В.С. Киченина 93
22. **Экономика Китая на современном этапе развития**
Слипченко В.В., Писанкова М.М. 100
23. **Обзор исторического развития технологий информационного обмана**
Смирнов С.А.
Научный руководитель: Золотарев В.В. 106
24. **Тактика допроса лиц с психическими расстройствами: баланс между получением информации и соблюдением прав**
Соколова С. Р.
Научный руководитель: Винниченко А. С. 112

25. **Доступность финансовой поддержки в условиях цифровизации банковских услуг для малого и среднего предпринимательства**
Стасенкова И.С., Дедушев В.Ю., Осиневич Л.М. 115
26. **Особенности правового статуса присяжных заседателей в современной России**
Сташ Д.Р.
Научный руководитель: Хасанова С.Г. 118
27. **Исследование применения стандарных методов сортировки**
Стюфляев С.К., Матыцин А.В., Гаев Л.В. 121
28. **Эффект манделы – как популярное заблуждение**
Сумароков Н.А.
Научный руководитель: Козловская В.А. 124
29. **Безопасность жизнедеятельности человека**
Сысков Н.И.
Научный руководитель: Конопацкая Е.М. 128
30. **Роль социальных сетей и мессенджеров в распространении террористической идеологии: проблемы мониторинга и блокировки контента**
Сычева В.Д., Мартыненко И.А.
Научный руководитель: Вишневецкая И.Н. 133
31. **Видеолекция как инструмент вовлечения студентов в образовательный процесс**
Тетина Е.К., Тюканов В.Л., Машанов А.А. 138
32. **Влияние фитнес-блогеров и социальных сетей на формирование культуры здоровья у студенческой молодежи**
Тимербулатова Р.Г. 141
33. **Гиподинамический синдром в юношеском возрасте как вызов для системы физического воспитания: постановка проблемы и векторы диверсификации**
Тимербулатова Р.Г. 145
34. **Эффективные способы развития выносливости студентов в условиях учебного процесса**
Тимербулатова Р.Г. 147
35. **Образовательная навигация студентов-первокурсников федерального университета**
Тишкина Н.Ю.
Научный руководитель: Ковалевич И.А. 149
36. **Повышение работоспособности студентов в период сессии посредством физической культуры**
Торопов В.С., Калабин Ю.В. 153
37. **Детско-родительские отношения в неполной семье: направления психологической поддержки**
Трусов Р.А.
Научный руководитель: Елизаров С.Г. 156
38. **Социально-психологическая специфика восприятия детско-родительских отношений подростками из неполных семей**
Трусов Р.А.
Научный руководитель: Елизаров С.Г. 159

39. **Эмоционально-психологические состояния детей разного возраста в условиях неполной семьи (ситуация развода): сравнительный анализ**
Трусов Р.А.
Научный руководитель: Елизаров С.Г. 164
40. **Климатические иски как инструмент защиты экологических прав: опыт зарубежных стран и перспективы для России**
Тутарищева С.М., Моковозова А.Е., Рудько М.П. 167
41. **Север в лирике Н. Рубцова: языковая структура образа**
Тюкина А.Л. 172
42. **Модель формирования образа учителя у младших школьников во внеурочной деятельности**
Тюников А.А. 177
43. **Развитие интеллектуальных способностей младших школьников средствами интерактивного ознакомления с миром профессий**
Урманова К.А. 181
44. **Применение нейронных сетей для решения задачи предсказания инсульта**
Файзулаева К.Д., Матыцин А.В., Гаев Л.В. 184
45. **Сравнительный анализ пользовательской линейной регрессии и библиотеки scikit-learn**
Фролов А.А.
Научный руководитель: Шеховцева Т.М. 188
46. **Обзор философии стоиков**
Хайртдинова Д.Х., Шакурова И.Р.
Научный руководитель: Муртазин С.Р. 192
47. **Использование доказательств, улики, данных экспертиз, полученных с использованием искусственного интеллекта, которые могли бы помочь следствию**
Хапиштова А.А.
Научный руководитель: Хасанова С. Г. 194
48. **Использование генеративных нейросетей как средство патриотического воспитания студентов**
Хусаинова Л.В., Смирнова Е.Э. 198
49. **Психология и когнитивистика в интерфейсах**
Чеботарев Н.С., Матыцин А.В., Гаев Л.В. 202
50. **Трансформация родительских ролей в современной России: анализ социологических опросов**
Чертенко М.С.
Научный руководитель: Мочалова Н.Ю. 204
51. **Смысл жизни как проблема философии**
Шакурова И.Р.
Научный руководитель: Муртазин С.Р. 208
52. **Анализ органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (на примере южного федерального округа)**
Шибанова К.К.
Научный руководитель: Токарева П.В. 209

53. **Инструктивные материалы как элемент технологии обучения в системе электронного обучения**
Шойфер Д.Д., Тюканов В.Л., Машанов А.А. 214
54. **«От «Ивана Васильевича» до «Мы из будущего»: путешествия во времени в отечественном кино как форма диалога с исторической памятью»**
Яковлев Н.Р. 218
55. **Антропный принцип единства: совместимо ли единство народов с экзистенциалистским тезисом «Человек обречён на свободу»**
Яруллина Р.Л., Мукминова А.А., Бареев А.Д., Реджепов Э.Б., Гаязова С.Р. 224
56. **Сравнительный анализ алгоритмов сортировки: в поисках идеала**
Ярышкин Д.О., Матыцин А.В., Гаев Л.В. 228
57. **К вопросу о законодательном регулировании права судебного пристава-исполнителя на оспаривание сделок должника**
Яськин Д.В.
Научный руководитель: Нестерова Т.И. 231

МОЛОДЁЖЬ СИБИРИ - НАУКЕ РОССИИ:

материалы международной
научно - практической конференции,
посвященной проведению
в Российской Федерации
Года единства народов России

Том II

Ответственный редактор: А.С.Третьяков

Технический редактор: Л.М. Ашихмина

Подписано в печать 22.04.2026г. Сдано в производство 22.04.2026г.

Формат 14,85 x 21,0

А. Печать лазерная

Изд. №

Тираж 100 экз.

Бумага офисная

Усл. печ. л. 14,94

Заказ № 51

Редакционно-издательский центр АНО ВО СИБУП

660037, г. Красноярск, ул. Московская, 7 «А»